

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2019
№ 4(12)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 4(12)
2019**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2019
№ 4
(12)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2019
№ 4
(12)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

В.Н. Шайдуров

Немецкая переселенческая деревня в Сибири конца XIX – начала XX в.: некоторые аспекты истории повседневности6

Н.М. Маркдорф

Жилищно-бытовые проблемы спецпоселенцев «власовцев» в Сибири: 1945–1955 гг.26

Е.Н. Лисицына

Социально-экономическое положение нефтяников Северного Сахалина во второй половине 1920-х – 1930-е гг.40

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Л.А. Болокина

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Калининской области в 1941–1942 гг.50

И.И. Ханипова, Л.В. Галимьянова

Церковь и клуб в нарративах жителей Ошторма-Юмьи Кукморского района Республики Татарстан (Конструирование истории в устной традиции сельчан)62

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

О.А. Семёнова

Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока»72

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А.Д. Резанов

Н.М. Карамзин как родоначальник изучения древнерусского быта и повседневной жизни81

А.С. Новиков

Гендерные отношения в Англии XII–XIII вв.: русскоязычная и англоязычная историография93

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.В. Каминский

Они создавали Красную армию: Леонид Лаврович Ключев и его вполне успешная судьба102

С.С. Войтиков

Наталия Ивановна Басовская (21 мая 1941 г. – 24 мая 2019 г.)113

Сведения об авторах133

Contents

EVERYDAY LIFE OF INDIVIDUAL SOCIAL GROUPS

<i>V.N. Shaidurov</i> German resettlement village in Siberia of the late 19th – early 20th century: some aspects of the history of everyday life.....	6
<i>N.M. Markdorf</i> Housing and domestic problems of special settlers of “Vlasovites” in Siberia: 1945–1955.....	26
<i>E.N. Lisitsyna</i> Socio-economic situation of the oilmen of Northern Sakhalin in the second half of the 1920s – 1930s.....	40

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>L.A. Bolokina</i> Sanitary and epidemiological situation in the Kalinin region in 1941–1942	50
<i>I.I. Khanipova, L.V. Galimianova</i> Church and club in the narratives of residents of the Oshtorma-Yumya village of Kukmor district, the Republic of Tatarstan (Construction of history in the oral traditions of the villagers)	62

GENDER ASPECT OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>O.A. Semenova</i> The care of mothers and babies in St. Petersburg in the early XX century on the example of the city “Drop of milk»	72
---	----

HISTORIOGRAPHY OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>A.D. Rezanov</i> N.M. Karamzin as a founder of the study of ancient Rus' daily routine and everyday life.....	81
<i>A.S. Novikov</i> Gender relations in England of the 12 th –13 th centuries: Russian-language and English-language historiography.....	93

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>V.V. Kaminskii</i> They created the Red Army: Leonid Lavrovich Klyuev and his quite successful fate	102
<i>S.S. Voytikov</i> Natalia Ivanovna Basovskaya (May 21, 1941 – May 24, 2019).....	113
About Authors	134

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 94(571.1/.5)"19":394(=112.2)

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

В.Н. Шайдуров

Немецкая переселенческая деревня в Сибири конца XIX – начала XX в.: некоторые аспекты истории повседневности

Аграрный кризис в основных сельскохозяйственных провинциях Европейской России заставлял крестьян переселяться за Урал, где было много свободной земли. В конце XIX – начале XX в. около 1,5 млн человек переселилось в Азиатскую Россию. Наибольшее число мигрантов оказалось на юге Западной Сибири (Томская губерния). В интернациональном миграционном потоке присутствовали немцы, предки которых переселились в Россию во второй половине XVIII – начале XIX в. В Алтайском округе появились моноконфессиональные переселенческие поселки, основанные католиками, лютеранами, меннонитами из Поволжья, Новороссии, Привислинского края и других регионов. Одним из самых крупных поселений, основанных немцами-католиками, был Мариенбург. Оказавшись в иноэтничном и иноконфессиональном окружении, немцы должны были выстроить свою общину, обеспечив ее экономическое и духовное процветание. В течение 1900-х гг. они адаптировались к новым условиям. Мариенбург стал центром экономической и религиозной жизни католиков (немцев, поляков, литовцев) юга Западной Сибири. В статье представлены некоторые аспекты локальной истории немецкой католической общины: переселение, взаимоотношения с русскими крестьянами-старожилами, местными органами власти, экономическая и духовная адаптация. Статья написана на материалах архивов Санкт-Петербурга, Барнаула, Томска.

Ключевые слова: немецкая община, католики, религиозная община, экономическая деятельность, адаптация.

V.N. Shaidurov

German resettlement village in Siberia late 19th – early 20th century: some aspects of the history of everyday life

Agrarian crisis in the main agricultural provinces of European Russia made peasants migrate beyond the Urals where there was a lot of unoccupied land. At the end of the 19th – the beginning of the 20th century about 1.5 million people migrated to Asian Russia. Most of the migrants were in the South of Western Siberia (Tomsk province).

© Шайдуров В.Н., 2019

© Shaidurov V.N., 2019

Germans were present in the international migration flow, whose ancestors had moved to Russia in the second half of the 18th – the beginning of the 19th century. New mono-confessional settlements appeared in the Altai district founded by Catholics, Lutherans and Mennonites from the Volga region, Novorossiia, Privislinskiy krai and other regions. One of the largest settlements founded by Catholic Germans was Marienburg. Living in a foreign ethnic and confessional surrounding Germans had to build their own community providing for its economic and spiritual flourishing. They adapted to new conditions in the course of the 1900s. Marienburg became the center of economic and religious life of Catholics (Germans, Poles, Lithuanians) in the South of Western Siberia. Some of the aspects of German Catholic community local history are presented in the article: re-settlement, relationships with Russian peasants inhabiting the land, local authorities, economic and spiritual adaptation. The article is based on materials found in Saint-Petersburg, Barnaul and Tomsk archives.

Key words: German community, Western Siberia, Catholics, religious community, economic and household activities, adaptation.

В общественном сознании укоренился миф о том, что немцы оказались в Сибири и Центральной Азии в результате депортаций 1941–1942 гг. Однако подобное утверждение является неверным. Немецкое население Азиатской России начало формироваться с середины XVIII в., когда в регионе появились военные, гражданские чиновники из числа выходцев из остзейских губерний и германских государств, поступивших на русскую службу. Одной из самых многочисленных профессиональных групп, в которой были представлены немцы, были горные инженеры Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов. В конфессиональном отношении они были преимущественно лютеранами. Однако ассимиляционные и интеграционные процессы привели к растворению немцев в среде русского служилого населения.

С конца XIX в. преимущественно по экономическим причинам началось переселение немецких поселян-собственников в Сибирь из регионов Европейской России, в которых они проживали компактно, – СреднеГО Поволжья, Новороссии, Волыни. Одним из центров крестьянского переселения на рубеже XIX–XX вв. оставался юг Западной Сибири (Алтайской округ Томской губернии), где в короткое время возникло несколько районов с высокой концентрацией немецкого населения. На территории Змеиногорского уезда Томской губернии центром поселения немцев-католиков стал поселок Мариенбург, вокруг которого со временем образовалось еще несколько поселков с немецким католическим населением.

В настоящее время история сибирских немцев в досоветский период имеет обширную историографию, что отмечено исследователями [1; 2]. В ней можно выделить два направления: социально-экономическое и религиозное. В подавляющем большинстве исследований XX – начала XXI в. эти стороны исторического прошлого рассматривались независимо друг от друга. Лишь в некоторых из них

историки ставили вопрос о влиянии конфессионального фактора на экономическое благосостояние [3; 4].

На общем фоне история немцев-католиков в досоветской Сибири изучена крайне слабо. Это объясняется рядом причин. С одной стороны, сказывалась малочисленность и дисперсность этой группы. В то же время при изучении истории католического сообщества Сибири основное внимание уделяется полякам, которые, несомненно, в нем доминировали. При изучении экономической истории сибирских немцев вычленивать католиков очень сложно. Этот процесс затруднен ее краткосрочностью, скудостью исторических источников, которые позволили бы провести полноценную реконструкцию экономической жизни. В то же время можно выделить отдельные статьи и монографии, в которых различные аспекты исторического прошлого немцев-католиков находится в центре внимания исследователей [5; 3; 6; 7].

Современная германская, американская, канадская историография не проявляет большого интереса к досоветской истории сибирских немцев. В работах германских историков основное внимание уделено политической истории немцев в России [8; 9], в то же время американские и канадские историки традиционно уделяют основное внимание истории меннонитов в России и Сибири в частности [10].

Цель данной статьи – реконструкция формирования и развития немецкой католической общины на юге Западной Сибири в конце 1890-х – начале 1910-х гг. на примере поселка Мариенбург. Будут рассмотрены вопросы, связанные с переселением немцев на Алтай, экономической адаптацией на новом месте жительства, созданием ими полноценной религиозной жизни. Это определило круг источников, который был использован в работе, и исследовательские методы.

Краткосрочность истории немецких католических общин в Сибири сказалось на узости источниковой базы. Только в постсоветское время (с 1992 г.) сформировался устойчивый научный интерес к истории сибирских немцев, что стало возможным благодаря активной поисковой деятельности историков. Были введены в научный оборот новые исторические источники, анализ которых был дан современными исследователями. Так, одним из наиболее полных первичных источников по экономике сибирской деревни в эпоху Великой русской революции 1917 г. являются первичные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Их обработка и анализ позволяют реконструировать отдельные аспекты экономической жизни немецкой деревни [3; 4]. Открытие доступа к метрическим книгам церковных приходов, обнаруженная в центральных и региональных архивах делопроизводственная документация различных органов государственной власти и религиозных учреждений позволяет восстановить различные стороны конфессиональной жизни немецких общин в Сибири [8].

Во время работы нами были использованы разные исторические источники, которые сохранились в центральных и региональных архивах. Первая группа источников – переписка по вопросам поселения немцев-католиков на занятых ими землях. Анализ этих документов позволяет выявить причины переселения немцев из Саратовской и Самарской губерний в Сибирь, охарактеризовать взаимоотношения между переселенцами и старожилами, проанализировать процесс адаптации к новым условиям жизни.

Вторая группа источников – статистические документы. Наибольшую ценность для нас имеют «Ведомости об экономическом положении», составленные в немецких поселках в 1900 г. для Главного управления Алтайского округа, и подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Эти источники позволяют восстановить географию выхода переселенцев, некоторые демографические характеристики (численность населения поселков, половозрастной состав, людность переселенческой семьи), уровень экономической дифференциации на основе площади посева и поголовья лошадей на одну семью.

Третью группу источников составили метрические книги Мариенбургского (Мариинского) католического прихода за 1913–1917 гг., которые позволяют дать характеристику отдельным демографическим показателям (рождаемости, смертности, брачности), выявить родственные и соседские связи и др. Были использованы метрические записи о крещении, венчании, отпевании немцев католического вероисповедания за 1912–1914 гг. В соответствии со сложившимся стереотипом этнической и конфессиональной идентификации, католицизм в Российской империи воспринимался в качестве этноконфессионального маркера польского этноса, а потому даже в документации консистории католической церкви в России культовые здания католиков любой национальности именовались «костелами» на польский манер.

Специфика жизни католической общины Мариенбурга раскрывается через переписку ее духовных лидеров с представителями церковных властей в Могилеве, Омске, Томске.

Необходимо дать пояснение некоторым наиболее часто употребляемым терминам. До 1871 г. потомки немцев, переселившиеся в Российскую империю и поселившиеся в земледельческих колониях Поволжья, Юга России, Волыни, Северо-Запада, именовались «колонистами». В 1871 г. была реализована реформа иностранных колоний, все жители которых и их потомки были включены в сословную группу «поселян-собственников». Однако и применительно к последующему периоду исследователями продолжает использоваться термин «колонисты».

Двойственное значение в истории Сибири рубежа XIX–XX в. имеет термин «переселенец». С одной стороны, в широком смысле он яв-

ляется синонимом термину «мигрант» и относится ко всем, кто переселился за Урал. С другой стороны, он имел юридическое наполнение – переселенцами являлись крестьяне, включенные в переселенческую кампанию государства. Статус переселенца подтверждался особым документом, который давал ему право на определенные преференции со стороны государства (выделение земельного надела, льготный транспортный тариф, полное или частичное освобождение на определенный срок от уплаты государственных и местных налогов и пр.). Антиподом являлись самовольные переселенцы, которые не имели подобного документа и, как следствие, не могли рассчитывать на получение льгот на новом месте жительства.

На рубеже XIX–XX вв. немецкие поселяне-собственники были вовлечены во внутрироссийские миграции. Первоначально поволжские немцы, а затем и немцы из других регионов стали переселяться в Сибирь. Одной из главных причин, заставивших их двинуться на восток, стала экономическая ситуация в колониях. Одна из наиболее многочисленных этнолокальных групп сформировалась на Алтае. Основную массу переселенцев на Алтае в конфессиональном отношении составили лютеране из Поволжья и меннониты из новороссийских губерний. Доля католиков среди немцев-переселенцев была небольшой.

Экономическое состояние в немецких поселениях в Европейской России в конце XIX в. было критическим. Аграрный кризис охватил немецкие колонии в Поволжье, где с конца XVIII в. были внедрены принципы передельной поземельной общины. На рубеже XIX–XX вв. возникла многочисленная прослойка колонистов, которые владели недостаточным земельным наделом. Высокие продажная цена и аренда на землю не позволяли подавляющему большинству колонистов увеличить размер пашни. Материальное благосостояние было подорвано неурожаями начала 1890-х гг., которые катализировали миграционные настроения в немецких колониях.

Переселение в Сибирь было регламентировано законодательно с 1860-х гг. Однако его несовершенство и привлекательность некоторых западносибирских регионов для крестьян привели к тому, что на рубеже XIX–XX вв. резко возрос поток самовольных переселенцев. Нередко крестьяне, не имея разрешительных документов, поселялись на понравившихся им землях. Облюбованные земли распахивались под посев, на них возводились жилые и хозяйственные постройки. Часто окружные власти, обнаружив самовольное поселение, предлагали крестьянам арендовать у Кабинета Его Величества¹ тот участок, на который они водворились в явочном порядке. Однако иногда ситуация

¹ Кабинет Его Императорского Величества – особый административный орган, управлял хозяйством, которое являлось собственностью правящего монарха. Доходы от его эксплуатации тратились на личные нужды императора.

осложнялась тем, что крестьяне-переселенцы захватывали земли в даче старожильского села. Это приводило к конфликтной ситуации, разрешить которую было не всегда просто.

Весной 1899 г. на землях старожильского села Бородулиха Ново-Шульбинской волости Змеиногорского уезда незаконно, как выяснилось позднее, поселились 64 переселенческие семьи поволжских немцев. Это вызвало недовольство крестьян-старожилов¹, ибо последние полагали, что появление переселенцев приведет к негативным последствиям. Вскоре в Главное управление Алтайского округа начали поступать «частные сведения» о незаконном водворении переселенцев-немцев и попустительстве местных властей.

Местная администрация с самого начала была в курсе ситуации. В одном из донесений в Барнаул отмечалось, что помощник управляющего имением еще «в конце апреля сего года (1899 – В.Ш.) ... увидел на речке Ремовке партию немцев-переселенцев» [12, л. 3]. Желая не допустить углубления конфликта между старожилами и переселенцами администрация Локтевского имения разработала проект переселения немцев на правах арендаторов в оброчную статью, принадлежавшую Кабинету. Заметим, что он имел полномочия сдавать в аренду эти земли на срок до пяти лет.

Немцы охотно шли на контакт с местной администрацией в решении земельного вопроса. В мае 1899 г. они заключили коллективный арендный договор на земли оброчной статьи «Тума» площадью 300 дес., которые и были распаханы в тот же год. Дополнительно администрация была готова выделить из оброчной статьи «Ремовская степь» на арендных условиях 2 тыс. дес. целины. На этих землях предполагалось основание стационарного поселения и их хозяйственная эксплуатация.

Степи южной Сибири бедны источниками пресной воды. Зная об этом, колонисты захотели убедиться, что они будут на новом месте иметь воду в достаточном количестве. «Выкопав десять колодцев по обе стороны дороги, идущей из с. Бородулиха в с. Золотуху, они нашли воду в небольшом количестве только в двух колодцах, в прочих же ... на большой глубине оказался гранит» [12, л. 3]. Этот факт заставил немцев отказаться от переселения на предложенный участок. Но при этом они выразили желание арендовать упомянутые 2 тыс. дес. на 1900 г. под хлебопашество.

Анализируя сложившуюся ситуацию, приходишь к вопросу: почему немецкие колонисты, осевшие самовольно на землях старожильского общества, основали на них только поселение, но не приступили к распашке лежавших вокруг целинных земель. Проблема

¹ Старожилы – крестьяне, проживавшие в Сибири к концу XIX в. больше двух поколений. Пользовались особыми правами в вопросах землевладения.

основания небольшого поселения в даче чужого сельского общества могла быть решена посредством добровольного соглашения или аренды его у сельского общества, кроме того самовольцы могли причислиться к старожильческому обществу, войдя в него на равных правах, но проживая в собственном заселке. Распашка же земель могла усилить конфликт, а помимо этого повлечь за собой преследование по закону. В интересы немецких колонистов все это не входило. Ведь, причислившись к старожильческому обществу, они должны были тотчас превратиться в полноценных налогоплательщиков. Перспектива осесть на кабинетских или казенных землях с получением статуса переселенца со всеми вытекающими последствиями была более выгодной. Это было возможно лишь в том случае, если они в любом качестве закрепляются на данных землях. Немцы-самовольцы выбрали статус арендаторов кабинетских земель, преследуя тем самым несколько целей. Юридическое объяснение этому мы находим в работе И.М. Морозова «Алтайский округ в колонизационном отношении», в которой он отмечал, что «все лица, желающие переселиться в Алтайский округ, должны были получить на то разрешение, которое выдавалось министром внутренних дел и министром Двора, тем же из желающих переселиться, которые предъявят свидетельства Главного Управления ... о зачислении за ними непосредственно или за их доверенными лицами определенных участков – разрешение, согласно циркуляру министра внутренних дел от 20 января 1897 г., должны быть выдаваемы местным губернским начальством» [13, с. VI–VII]. А потому действия немецких переселенцев-самовольцев с юридической точки зрения были безукоризненными: арендовав у Кабинета 300 дес. земли, они настаивали на присвоении им статуса переселенцев и предоставления соответствующих прав и льгот.

Старожилы, в отличие от администрации, заняли категорическую позицию, требуя выселить самовольцев за пределы их земельного участка. Такая непримиримость старожильческого общества имела объяснение, которое оно стремилось всячески скрыть. Сами крестьяне объясняли подобную неуступчивость тем, что «земля самовольно захваченная переселенцами вся сенокосная», потеря же ее грозила бы «крупным недостатком в сене для скота в зимний период времени» [12, л. 21]. На самом же деле оказалось, что старожилы спорным участком вовсе не пользовались, а сдавали его в аренду семипалатинским купцам Громовым и местным казахам. Вот этот доход, получаемый обществом от сдачи в аренду 200 дес., общество и не желало терять, а потому столь рьяно отстаивало свои права.

Руководство округа и имения встало на сторону немецкого населения, ибо заинтересованность их была обоюдной, – колонисты стремились поскорее приобрести законный статус, пусть даже на арендованном участке земли, а власти видели в них в первую очередь

арендаторов земельного надела, который в ближайшем времени должен был увеличиться еще на 2000 дес., что влекло за собой увеличение прибыли кабинетского хозяйства. Не последнее значение имел и чисто человеческий фактор, ибо самовольно занятый колонистами участок был единственным пригодным для жизни в той местности. Свою роль сыграло обращение куратора томского католического прихода на имя начальника Алтайского округа, в котором он просил «оставить их на этом участке, что они нынче живут, позволить им отдохнуть. Иначе все они вымрут, обнищают вследствие варварского скитания», ведь «некоторые из них живут уже на третьем месте, разоряясь окончательно» [12, л. 2].

В итоге окружные власти силовым решением передали занятый немецкими колонистами участок во владение, придав тем самым обществу статус переселенческого, а его членам право пользоваться налоговыми льготами и послаблениями, предусмотренными соответствующим переселенческим законодательством.

Кабинетская ведомственная статистика позволяет нам восстановить некоторые демографические и экономические характеристики немецких крестьян-переселенцев, поселившихся на юге Западной Сибири к 1900 г.

К 1900 г. здесь уже существовали поселки Мариенбург (64 семьи или 316 чел.), Фриденталь (21 семья или 112 чел.), Гололобовка (53 семьи или 305 чел.) и Немецкий (36 семей или 197 чел.), что свидетельствует о высокой степени привлекательности этих мест среди переселенцев из немецких колоний.

Характеристика переселенческих семей демонстрирует сбалансированность в соотношении мужчин и женщин (см. рис. 1).

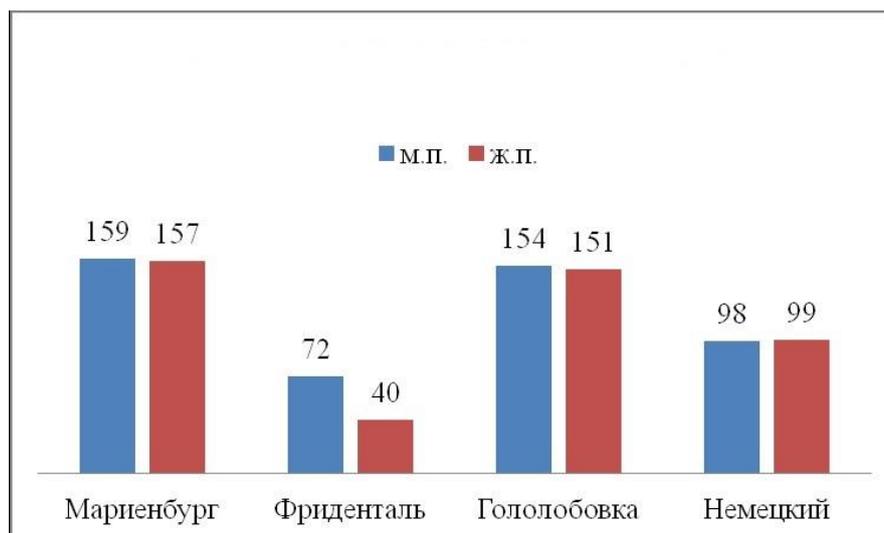

Рис. 1. Половой состав переселенческого общества, 1900 г., чел.¹

¹ Подсчитано по: 14, л. 102–105, 117–118, 121–124, 131–133.

Половой дисбаланс в пос. Фриденталь можно объяснить тем, что здесь проживали немецкие поселяне, позже других прибывшие в Алтайский округ и пока еще находящиеся в статусе арендаторов, а не официальных переселенцев. Этим можно объяснить и немногочисленность данного поселения.

Численность переселенческих семей наглядно демонстрирует рис. 2.

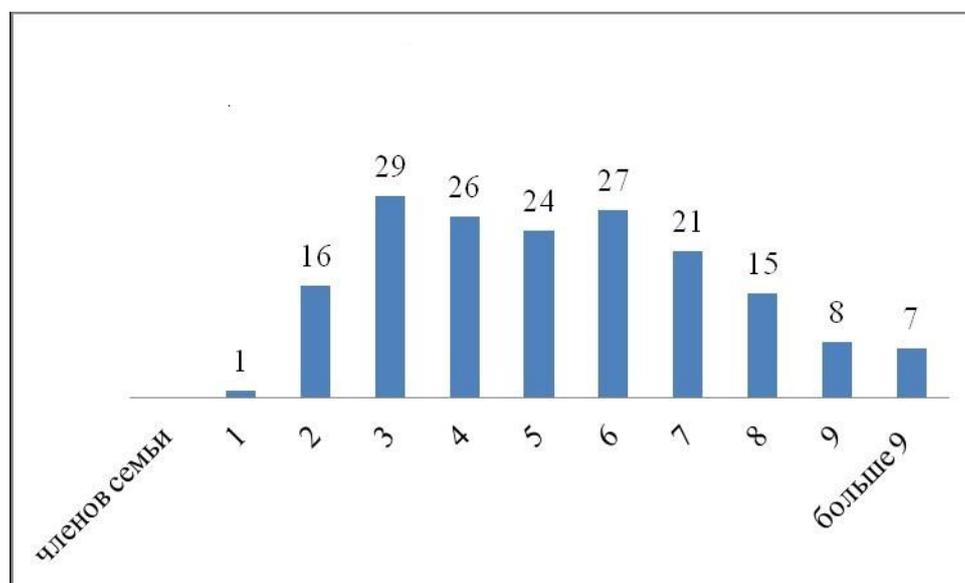

Рис. 2. Людность немецкой переселенческой семьи, 1900 г.¹

Средняя переселенческая семья состояла из 5,3 членов. Наиболее распространенными были семьи в 3–6 чел. (60 % всех семей). Это свидетельствует о доминировании в переселенческой среде молодых брачных пар с 1–3 детьми, которые были наиболее подвержены миграционным настроениям. На долю больших семей численностью 9 и более человек приходилось менее 9 %.

Достаточно интересно выглядит география прежнего места жительства переселенцев. Сравнительный анализ данных по поселениям позволяет нам со всей очевидностью констатировать факт доминирования в переселенческом потоке выходцев из Поволжья. Их доля составила 89,4 %, при этом значение саратовских и самарских колонистов в определении лица немецкой колонизации в это время была практически равнозначной (45,7 % и 43,7 % соответственно) [14, л. 102–105, 117–118, 121–124, 131–133]. Выходцев из привислинских губерний и Новороссии было немного.

Дополнительную информацию о месте прежнего жительства дают метрические книги: Раштатская волость Анаповского уезда Херсонской губернии (родители окрещенного Матвея Томэ) [15, л. 3], Семе-

¹ Подсчитано по: 14, лл. 102–105, 117–118, 121–124, 131–133.

новская волость Саратовской губернии (родители Екатерины Шмидт) [15, л. 4]. Возможно, переселение в Змеиногорскую волость носило вторичный характер, так как в большинстве случаев в графе «сведения о родителях» указано место приписки: «крестьянин Успенской волости Томской губернии» (поселок Мариенбург в административно-территориальном отношении принадлежал как раз к Успенской волости Змеиногорского уезда Томской губернии).

Несколько слов следует сказать о системе землевладения и землепользования в немецких католических поселках Алтая. Первые переселенцы, пришедшие без разрешения администрации, являлись арендаторами земли Кабинета Его Величества. Временный характер поземельных отношений мог быть в любое время прекращен Кабинетом. Именно это толкало немцев к получению собственного земельного надела. Проведенное местной администрацией наделение немцев землей в 1900 г. изменило их юридический статус – они стали коллективным владельцем полученной земли, но не могли ее продавать или закладывать в банк. Но большинство немцев в 1900 г. оставалось в качестве арендаторов, проживая в поселках Фриденталь, Гололобовке, Немецком [14, л. 102–105, 117–118, 121–124, 131–133].

К 1917 г. на Алтае так и не сформировался институт частной собственности на крестьянские земельные наделы. Собственником земли являлось государство, которое выстраивало особые отношения с сельским обществом, которое получало во владение землю и распределяло его между своими членами. Крестьяне должны были за владение землей нести подати и повинности в пользу государства. Все это свидетельствовало о сохранении традиционных поземельных отношений, характерных для докапиталистического общества.

Образование переселенческого поселка потребовало от немцев решения вопроса о землепользовании. Общий анализ жизни немцев в Сибири в начале XX в. свидетельствует о заимствовании институтов с прежнего места жительства. Так, поволжские немцы сохранили на Алтае черты уравнильно-передельной поземельной общины, которая была распространена в немецких колониях Саратовской и Самарской губерний с конца XVIII в.

Начавшееся в 1907 г. массовое землеустройство проводилось на Алтае в рамках Столыпинской аграрной реформы. В немецких переселенческих поселках, образованных католиками и лютеранами из Поволжья, появилось подворное землевладение в форме отрубов. Размер земельного надела зависел от числа мужчин в семье. Законодательно душевая норма была определена в 15 дес., но фактически она зависела от ситуации на местах. Часто в переселенческих поселках проживали и безземельные крестьяне.

К 1913 г. немецкая католическая общность состояла из полноправных хозяев и тех переселенцев, которые еще не получили этого

статуса. Так, в пос. Мариенбург в декабре 1913 г. из 161 двора 103 имели право голоса на сельском сходе [16, л. 8]. Подобная дифференциация связана в первую очередь с фискальными основаниями. Такое право получала только та семья, которая выплачивала общегосударственные и местные налоги в полном объеме [17, л. 21]. Следует помнить, что с 1896 по 1906 г. официальные переселенцы первые три года проживания в Сибири освобождались от уплаты налогов, в последующие три года должны были платить их в размере 50 %. П.А. Столыпин увеличил эти периоды до 5 лет каждый.

Сохранившиеся документы дают возможность реконструировать отдельные стороны хозяйственной жизни немцев-католиков. Традиционным занятием немцев являлось пашенное земледелие. Основной рабочей силой, применявшейся в полевых работах, являлась лошадь. Разведение крупного рогатого скота носило второстепенный характер и было направлено в первую очередь на производство продуктов питания. В середине 1900-х гг. они стали производить сливочное масло, которое продавали перекупщикам датской «Сибирской компании». Неземледельческие промыслы давали крестьянам дополнительный доход.

Опираясь на «Ведомости об экономическом положении переселенцев» 1900 г., мы можем определить размер посемейного пашенного надела, обеспеченность различными видами скота, выявить степень экономического расслоения крестьянских хозяйств, взяв за основу два экономических показателя – размер посевной площади и численность поголовья скота на одно хозяйство.

Рассмотрим обеспеченность переселенцев пашней в первые годы проживания на Алтае (см. рис. 3).

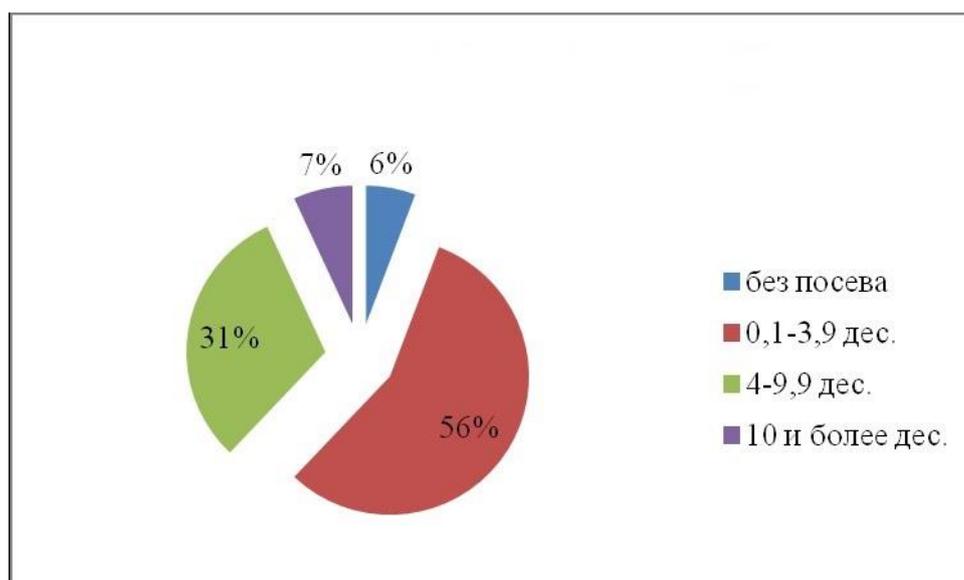

Рис. 3. Обеспечение посевом немецких переселенческих хозяйств в 1900 г.¹

¹ Подсчитано по: 14, л. 102–105, 117–118, 121–124, 131–133.

Как мы видим из приведенного рисунка, 6 % семей не имели собственного посева, а 56 % имели пашню площадью от 0,1 до 3,9 дес. Средний размер запашки в этой группе колебался в пределах 2–3 дес. Подобная ситуация объясняется относительно высокой арендной платой, которую переселенцы должны были платить Кабинету, низким уровнем их благосостояния после переселения на Алтай, ограниченностью в арендных дачах земель, которые были пригодны для хлебопашества. В то же время почти 40 % хозяйств имели пашенный надел больше 4 дес.

Распределение хозяйств переселенцев с учетом посева и количества лошадей дает нам следующую картину (см. табл. 1).

Таблица 1

*Экономическое расслоение немцев-переселенцев
в поселках Успенской волости, 1900 г.*

Учет посева	Количество лошадей				
	без лошадей	1 лошадь	2 лошади	3–4 лошади	5 и более лошадей
Без посева	2	4	1	0	0
0,1–3,9 дес.	20	40	15	0	0
4–9,9 дес.	1	15	21	7	0
10 и более дес.	0	0	2	9	1

Подсчитано по: 14, л. 102–105, 117–118, 121–124, 131–133.

Сохранившиеся статистические данные позволяют определить уровень обеспеченности переселенческих хозяйств лошадьми, который составил 83,3 %. При этом доля семей, не имевших пашенного надела и лошадей составила лишь 1,4 %. Среди безлошадных хозяйств доминирует группа семей, имевших посев от 0,1 до 3,9 дес. (14,5 % всех хозяйств). В эту категорию попадали те семьи, которые в течение последнего года переселились на новое место жительства и не успели обзавестись рабочим скотом или не имели для покупки лошади достаточных средств, потратив их в пути и при обустройстве на новом месте жительства (строительство жилья и пр.). Основным решением проблемы использования рабочего скота в полевых работах стала аренда лошадей у однообщинников. Случаи использования для этих целей крупного рогатого скота для немцев Поволжья были крайне редки.

Почти 3/4 водворившихся переселенческих хозяйств в первые годы проживания на Алтае были обеспечены пашней и лошадьми. Однако подобная обеспеченность была на низком уровне. Сказывались

материальные потери, которые немцы понесли во время переселения. Незнание местной агрикультуры делало их осторожными и подталкивало к ведению хозяйства на небольших площадях. Удаленность поселков от основных рынков сбыта сельскохозяйственной продукции тормозило развитие товарного хозяйства и способствовало сохранению его на уровне самодостаточности. В то же время эта группа являлась стартовой площадкой для дальнейшего экономического развития немецкого хозяйства на микроэкономическом уровне.

В социальном отношении переселенческое общество не было однородным, что объясняется разным уровнем экономического благосостояния (см. рис. 4).

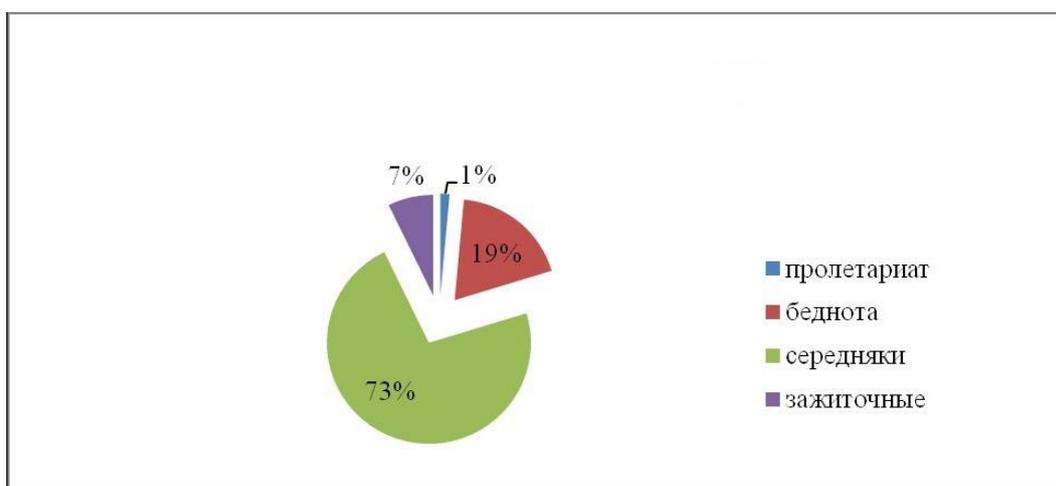

Рис. 4. Экономическая дифференциация хозяйств по размеру посева и количеству лошадей в 1900 г., % хозяйств¹

Как мы видим, доля сельской буржуазии среди немцев-католиков была невелика и составила в 1900 г. лишь 7 %. На противоположном полюсе оказалось 20 % бедняцких семей. Оставшееся большинство переселенческих семей в условиях экономической адаптации должны были разориться и перейти в разряд бедняцких либо улучшить свое материальное благосостояние и дрейфовать в сторону буржуазии.

Эволюцию экономической и социальной дифференциации рассмотренных обществ мы можем отметить на материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. (см. табл. 2).

¹ Подсчитано по: 14, лл. 102–105, 117–118, 121–124, 131–133.

*Экономическое расслоение немецких католических хозяйств
в пос. Орловский Успенской волости Змеиногорского уезда
Алтайской губернии, 1917 г.*

Учет посева	Количество лошадей			
	без лошади	1–2 лошади	3–4 лошади	5 и более лошадей
без посева	0	0	0	0
0,1–3,9	8,1%	8,1%	0	0
4,0–9,9	0	24,3%	21,6%	0
10 и более дес.	0	2,7%	21,6%	13,6%

Взято из: 3, с. 125.

Как мы видим, произошли некоторые изменения в экономической и социальных структурах рассматриваемого общества в сравнении с 1900 г. Так, к 1917 г. все семьи имели собственный или арендованный пашенный надел. Вдвое сократилось число хозяйств, не имевших собственного рабочего скота (с 16,6 до 8,1 %). Интеграция в местный рынок способствовала росту материального достатка в немецкой деревне и увеличению числа зажиточных семей, доля которых теперь составила 35,2 % (7 % в 1900 г.). Этот рост произошел в первую очередь за счет многочисленных середняцких хозяйств, доля которых сократилась с 73 % до почти 57 %.

Следует отметить, что данные по католическим немецким поселкам в разных районах Сибири сопоставимы с приведенными выше данными. Так, у немцев-католиков, проживавших в Кулундинской степи, отсутствовали семьи, не имевшие пашни. Доля семей без рабочего скота составила 12 %, а зажиточные хозяйства, которые имели четыре и более лошадей и свыше 10 дес. пашни, – более 20 % [3, с. 127].

В то же время мы должны сравнивать не только немецкие католические хозяйства в разных регионах, но и уровень экономического благосостояния немцев разных исповеданий. Сопоставление данных об обеспеченности католических, лютеранских и меннонитских немецких хозяйств на юге Западной Сибири пашней и лошадьми позволяет нам сделать следующий вывод. Самый высокий уровень обеспеченности был у меннонитов (доля зажиточных семей с четырьмя лошадьми и более и имевших свыше 10 дес. пашни составила почти 70 %) [3, с. 126]. В лютеранской немецкой деревне этот показатель был гораздо ниже и составлял ок. 35 % [3, с. 127].

На новом месте жительства немцы столкнулись не только с необходимостью экономической, но и социокультурной адаптации. В Поволжье они жили в замкнутом мире, ограниченном колониями,

возникшими еще в 1760-е гг. За 150 лет католические немецкие колонии в Саратовской и Самарской губерниях превратились в устойчивые сообщества, которые были кооптированы в католический мир Российской империи. В Сибири же немцам-переселенцам пришлось столкнуться с многочисленными сложностями в создании религиозной общинной жизни на новом месте в окружении доминирующего православного населения.

Социокультурная адаптация немцев-католиков на юге Западной Сибири проходила в более сложных условиях, чем экономическая. В первую очередь это было связано с проживанием в окружении доминирующего православного населения. В этой части Сибири в переселенческих поселках, городах Семипалатинске, Усть-Каменогорске и Зайсане насчитывалось ок. 4 тыс. католиков, из которых 3 тыс. были немцами [18, л. 1]. По данным старосты Мариенбургского сельского общества, к 1912 г. в пределах поселения проживало ок. 1 300 душ обоего пола и находилось временно ок. 400 чел. [18, л. 8].

Удаленность Мариенбурга и других немецких переселенческих поселков от ближайшего костела на 300 верст (ближайший римско-католический ксендз проживал в г. Барнауле) привела к вынужденной изоляции общины. Немцы неоднократно обращались к церковным властям в Томске и Омске за поддержкой в решении различных вопросов. Но вплоть до 1912 г. они оставались без постоянного пастырского попечения.

До 1903 г. католическая община Мариенбурга находилась в ведении Томского курата. Однако с 1903 г. фактически, а с 1910 г. и юридически она оказалась в заведывании у Омского курата. Надо сказать, что в этом был свой смысл. Главные транспортные пути проходили по сибирским рекам. В навигацию по Иртышу Омский декан мог посетить не только общины Акмолинской и Семипалатинской областей, но и юга Томской губернии. С 1909 по 1912 гг. общину время от времени посещали капелланы (П. Силович, С. Тиросенский, Б. Козаковский) [19].

Несмотря на отсутствие постоянного священника немцы пытались организовать свою религиозную жизнь, насколько это было возможно. Так, в 1912 г. в Мариенбурге была временная часовня из глины, в которой и проходили общинные собрания. По свидетельству современника, она уже не могла вместить всех желающих. Отсутствовали и необходимые для богослужения предметы: ризы, чаши, стихарь [18, л. 14]. Но в селе имелось католическое кладбище. В 1912 г. скончались и были похоронены «на Мариенбургском Католическом кладбище Томской губернии Змеиногорского уезда 21 человек» [18, л. 36–38].

О многочисленности религиозной общины свидетельствуют данные о крещении, отпевании и венчании по сохранившимся метрическим книгам (см. табл. 3).

*Движение населения в Мариенбургском католическом приходе,
1913–1917 гг.*

Год	Крещено, человек	Обвенчано пар	Отпето, человек
1913	102	31	54
1914	131	20	38
1915	136	11	25
1916	72	9	71
1917	85	13	25

Подсчитано по: 20–23.

Уровень рождаемости накануне войны был достаточно высоким. При низкой смертности это обеспечивало обществу устойчивый рост. Спад рождаемости (после 1915 г.) и брачности (после 1914 г.) связан с начавшейся Первой мировой войной. Показатель смертности среди немцев-католиков с учетом ушедших на фронт мужчин остался на прежнем уровне. Исключение составил 1916 г., когда поселки были охвачены эпидемией оспы.

Наличие многочисленной религиозной общины, глинобитная временная часовня, капеллан, кладбище свидетельствуют о сформировавшемся конфессиональном социуме в локальном сельском пространстве. Но этого было недостаточно для полноценной религиозной жизни, к которой немцы привыкли в Поволжье или иных местах прежнего проживания. Немцы неоднократно обращались к Могилевскому римско-католическому архиепископу с просьбами о назначении им священника. В своих прошениях они обращали внимание церковных властей на свое «крайне печальное положение в религиозном отношении» [18, л. 5]. Так, в прошении от 11 октября 1910 г. отмечалось, что с момента поселения «уже более 200 человек умерло не получив св. Причастия, так же умирают и дети, не получив св. Крещения» [18, л. 8]. «Дети наши умирают без крещения, с бракосочетанием приходится ожидать целый год, люди умирают без исповеди и Святых Тайн, вследствие того, что священник из Омска посещает сей район только один раз в год» [18, л. 2], – писали они в другом документе.

Омский декан ксендз Александр Билякевич так объяснял в своем рапорте епископу Иоанну Цепляку нежелание священников ехать на служение в Сибирь: «Священник, привыкший в России жить в хорошо устроенных пасторатах, словно в царских хоробах, утомится нищетой и положением как своих прихожан, так и своей монотонной деревенской жизнью» [18, л. 14].

Активное участие в религиозной жизни Мариенбургского общества принял Омский декан ксендз Александр Билякевич. Так, ему удалось найти компромисс с верхушкой общины о размере ежегодного

жалованья потенциальному священнику в размере 500 р. При этом переселенцы просили учесть тот факт, что «общество всецело состоит из небогатых жителей» [18, л. 19]. Для проживания священника общество выделило лучший дом в поселке, состоявший из двух комнат. Для ведения хозяйства обществом из собственных земель было выделено 100 дес. Все это должно было создать комфортные условия для духовного наставника.

Первым настоятелем Мариенбургского прихода стал Бронислав Козаковский, который совершил первое крещение 18 марта 1912 г., о чем была сделана соответствующая запись в метрической книге [15, л. 1]. Однако отношения между ним и прихожанами не сложились. Немцы были готовы принять не всякого священника. Причиной тому был языковой барьер между преимущественно польскими или литовскими ксендзами и выходцами из германских земель. Сами они указывали на то, что 2/3 членов общества не говорит по-русски [18, л. 8]. В 1912 г. немцы просили дать им священника из Пруссии – Якоба Вильгельма, «происходящего из Пруссии и находящегося в Сухой Варине почтовой станции Ровинки Воронежской губернии» [18, л. 8], но эта просьба не была выполнена. Позднее настоятелями костела были А. Билякевич, В. Чаплинский [19].

Мариенбург в начале XX в. стал центром религиозной жизни не только для немцев-католиков, проживавших в близлежащих переселенческих поселках. Для разных церковных таинств сюда приезжали поляки, литовцы из других населенных пунктов Семипалатинской и Акмолинской областей [20, л. 6, 11, 13]. Капеллан время от времени совершал поездки по переселенческим поселкам, в которых проживали католики, но отсутствовал священник. Так, 11 февраля 1914 г. ксендз Чаплинский совершил обряд крещения на хуторе Чудак в Семипалатинской области над семью младенцами [21, л. 5–6], на хуторе Донском над пятью младенцами [21, л. 6–7]. Подобные случаи не были единичными.

Мариенбург отличался от прочих немецких католических поселков не только численностью населения. Изучая внутриобщинную жизнь можно согласиться с мнением Т.Г. Недзелюк, указавшей на самостоятельность взглядов ее членов и сознательное стремление сохранить свою традиционную культуру и идентичность [19].

На рубеже XIX–XX вв. в Западной Сибири появились немногочисленные моноконфессиональные католические поселения. В этническом отношении их население было немецким. До переселения в Сибирь подавляющее большинство семей проживало в Самарской и Саратовской губерниях и относилось к группе поволжских немцев. На новом месте жительства немцы проявили высокие адаптивные способности. За сравнительно короткий срок они смогли приспособиться к новым для них природно-климатическим условиям, создать устойчи-

вое хозяйство, включиться в систему региональной торговли. Увеличение числа зажиточных немецких хозяйств позволило предотвратить социальные противоречия в местном обществе. Рост материального благосостояния дал возможность развивать религиозную жизнь. В результате к середине 1910-х гг. сформировалась полноценная немецкая католическая община Мариенбург, которая стала центром экономической и религиозной жизни для католического населения юга Западной Сибири.

Начавшаяся Первая мировая война, Великая русская революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1920 гг. стали серьезным испытанием для немцев. Мобилизованные в царскую армию, они принимали участие в боевых действиях против Турции на Кавказе. Антинемецкая кампания, начавшаяся в Европейской России в сентябре 1914 г., в 1915–1916 г. затронула и Сибирь. Здесь с немцами были расторгнуты договоры аренды, многочисленные переселенческие поселения сменили немецкие названия на русские. С 1915 г. Мариенбург стал называться Мариинском.

Разрушение общинной жизни началось уже в 1918 г., когда некоторые из членов общины выступили за конфискацию земли, предоставленной пасторату [18, л. 43]. Гражданская война нанесла ущерб немецким католическим общинам Сибири. Наряду с прочим населением региона, немцы подлежали мобилизации. Кто-то из них оказался в частях армии адмирала Колчака, другие служили в Красной армии. Был нанесен ущерб крестьянскому хозяйству изъятием продовольствия, конфискацией для нужд армии лошадей. Только в 1922–1927 гг. немецкие общины смогли восстановить довоенный уровень экономической и духовной жизни. Однако коллективизация и репрессии 1930-х гг. нанесли немцам Сибири сокрушительный удар, от которого они смогли оправиться только к концу 1980-х – началу 1990-х гг.

Список литературы

1. Смирнова Т.Б. Этническая история немецкой диаспоры в трудах сибирских ученых // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 63–68.
2. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. – СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2013. – 260 с.
3. Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX – начало XX в. – Барнаул: Полиграф-Сервис, 2003. – 142 с.
4. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – 368 с.
5. Шайдуров В.Н. Самовольные поселения немецких крестьян на Алтае (конец XIX – начало XX в.) // История и культура российских немцев. – Вып. 3. – Ч. 1. Саратов, 1996. – С. 66–75.
6. Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. – Новосибирск: Прометей, 2009. – 214 с.

7. Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917). – Новосибирск, Изд-во Сибир. акад. гос. службы, 2016. – 345 с.
8. Недзелюк Т.Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. История. – 2011. – № 3. – С. 129–135.
9. Fleischhauer I. Deutschen in Zarenreich. – Stuttgart, 1986.
10. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Herausgegeben von Gerd Stricker. Siedler Verlag, Berlin, 1997.
11. Pohl O. Catherine's grandchildren: a short history of the Russian-Germans under the Soviet rule. – Lincoln, Nebraska: American Historical Society of Germans from Russia. 2009.
12. Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2821.
13. Морозов И.М. Алтайский округ в колониационном отношении. – Полтава, 1908.
14. Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2561.
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2292. Оп. 1. Д. 333.
16. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 77. Д. 195.
17. Государственный архив Алтайского края. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3702.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1825.
19. Недзелюк Т.Г. Римско-католическая община Мариенбурга: особенности локального менталитета. – URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/nedzelyuk-t.g.-rimsko-katolicheskaya-obschina> (дата обращения: 20.07.2017).
20. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 352.
21. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 395.
22. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 415.
23. ЦГИА СПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 435.

References

1. Smirnova T.B. *Etnicheskaya istoriya nemetskoj diaspory v trudakh sibirskikh uchenykh* [Ethnic History of the German Diaspora in the Works of Siberian Scientists] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. – 2008. – № 3. – P. 63–68.
2. Shaidurov V.N. *Evrei, nemtsy, poliaki v Zapadnoi Sibiri 19 – nachala 20 v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – 20th century]. – St. Petersburg: Nevskij institut yazyka i kul'tury, 2013. – 260 p.
3. Shaidurov V.N. *Formirovaniye i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye nemetskoj diaspory na Altaye. Konets XIX – nachalo XX v.* [Formation and Socio-Economic Development of the German Diaspora in the Altai. The end of the 19th – the beginning of the 20th century]. – Barnaul: OOO Polygraph-Servis, 2003. – 142 p.
4. Vibe P.P. *Nemetskiye kolonii v Sibiri: sotsialno-ekonomicheskij aspekt* [German Colonies in Siberia: Socio-Economic Aspect]. Omsk: OmGPU, 2007. – 368 p.
5. Shaidurov V.N. *Samovol'nye poseleniya nemetskikh krest'yan na Altaye (konets XIX – nachalo XX v.)* [Unauthorized Settlements of Germans in the Altai (the end of the 19th – the beginning of the 20th century)] // *Istoriya i kultura rossiyskikh nemtsev*. Issue 3. Part 1. Saratov, 1996. – P. 66–75.
6. Nedzeluck T.G. *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v polietnichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri 1881–1918* [Roman Catholic Church in Cosmopolitan Environment of Western Siberia 1881–1918]. Novosibirsk: Prometey, 2009. – 214 p.
7. Nedzeluck T.G. *Konfessional'noye soobshchestvo katolikov v Sibiri: vliyanie mirovozzreniya na povsednevnyuyu zhizn (1830–1917)*. [The Confessional Community of

Siberian Catholics: the Influence of the World Outlook on Everyday Life (1830–1917)]. Novosibirsk, Siberian Academy of Civil Service Press, 2016. – 345 p.

8. Nedzeluck T.G. *Metricheskiye knigi sibirskikh katolicheskikh prikhodov kak reprezentativnyi istoricheskii istochnik* [Registers of Siberian Catholic Parishes as a Representative Historical Source] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"*. 2011. – No. 3. – P. 129–135.

9. *Fleischhauer I. Deutschen in Zarenreich*. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986.

10. *Stricker, G. et al. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland*. Herausgegeben von Gerd Stricker. Siedler Verlag, Berlin, 1997.

11. *Pohl O. Catherine's grandchildren: a short history of the Russian-Germans under the Soviet rule*. – Lincoln, Nebraska: American Historical Society of Germans from Russia, 2009.

12. *Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraya (GAAK)* [The State Archive of the Altai Krai]. Fund 4. Inventory 1. File 2821.

13. *Morozov I.M. Altaiskiy okrug v kolonizatsyonnom otnoshenii* [The Altai District in the Context of its Colonization]. – Poltava, 1908.

14. GAAK. Fund 4. Inventory 1. File 2561.

15. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA)* [The Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2292. Inventory 1. File 333.

16. *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO)* [The State Archive of the Tomsk Region]. Fund 3. Inventory 77. File 195.

17. GAAK. Fund 3. Inventory 1. File 3702.

18. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archive]. Fund 826. Inventory 1. File 1825.

19. *Nedzeluck T.G. Rimsko-katolicheskaya obshchina Marienburga: osobennosti lokal'nogo mentaliteta* [The Roman Catholic Community of Marienburg: Peculiarities of the Local Way of Thinking – URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/nedzelyuk-t.g.-rimsko-katolicheskaya-obschina> (access 20.07.2017)].

20. CGIA. Fund 2292. Inventory 1. File 352.

21. CGIA. Fund 2292. Inventory 1. File 395.

22. CGIA. Fund 2292. Inventory 1. File 415.

23. CGIA. Fund 2292. Inventory 1. File 435.

Н.М. Маркдорф

Жилищно-бытовые проблемы спецпоселенцев «власовцев» в Сибири: 1945–1955 гг.

В статье дана характеристика жилищно-бытовых, санитарных, материальных проблем «власовцев», находившихся на спецпоселении в Сибири в 1945–1955 гг. Рассматриваются вопросы численности, размещения «власовцев» по областям и их распределение по предприятиям сибирских областей; снабжения одеждой и обувью рабочих промышленных предприятий; положения инвалидов и престарелых граждан на спецпоселениях; выплаты заработной платы рабочим-спецпоселенцам.

«Власовцев» распределяли по сибирским областям после ликвидации проверочно-фильтрационных лагерей. В Сибири их труд использовали предприятия 39 министерств и ведомств. Жилищно-бытовые условия работающих на промышленных предприятиях, строительстве и угольной отрасли в большинстве сибирских областей со времени их прибытия и до 1950 г. оставались неудовлетворительными и стали улучшаться со второй половины 1950 г.

«Власовцы», особенно инвалиды и престарелые люди, являлись наименее адаптированной категорией спецпоселенцев к условиям суровой сибирской повседневности. Во многом это объяснялось наличием высокого процента ослабленных, больных и инвалидов, нерешенностью санитарно-бытовых проблем, серьезными трудностями с медицинским обслуживанием.

Статья написана на материалах ГАРФ, РГАСПИ, ИЦ ГУВД КО.

Ключевые слова: «власовцы», спецпоселение, спецпереселенцы, Сибирь, проверочно-фильтрационные лагеря, репатриация, режим содержания, жилищно-бытовые условия спецпоселенцев.

N.M. Markdorf

Housing and domestic problems of special settlers of “Vlasovites” in Siberia: 1945–1955

The article describes the housing, sanitary and material problems of the “Vlasovites” who were in a special settlement in Siberia in 1945–1955. The author examined the issues of the number, location of “Vlasovites” by regions and their distribution by enterprises of Siberian regions; supply of clothing and footwear for industrial workers; the situation of persons with disabilities and senior citizens in special settlements; salary payments to special settlers.

“Vlasovites” were distributed in the Siberian regions after the liquidation of test-filtration camps. In Siberia, their work was used by enterprises of 39 ministries and agencies. The living conditions of workers at industrial enterprises, construction and the coal in-

dustry in most Siberian regions from the time of their arrival until 1950 remained unsatisfactory and began to improve from the second half of 1950.

The Vlasovites, especially the disabled and the elderly, were the least adapted category of special settlers to the conditions of harsh Siberian everyday life, both physically and socially-psychologically. This was largely explained by the presence of a high percentage of weak, sick and disabled people, unresolved sanitary and domestic problems, and serious difficulties with medical care.

The article is written on the materials of the GARF, RGASPI, IC GUVD KO.

Key words: “Vlasovites”, special settlement, special settlers, Siberia, screening and filtration camps, repatriation, detention regime, living conditions of special settlers.

По прошествии 75 лет со дня окончания Великой Отечественной войны историки все чаще обращаются к исследованию судеб советских граждан и эмигрантов, которые по различным причинам, волей обстоятельств или по идейным убеждениям перешли на сторону противника, сражались с оружием в руках на стороне вермахта, служили в его вспомогательных формированиях. Всех их без исключения до недавнего времени однозначно считали изменниками Родины, пособниками врага, коллаборационистами.

В то же время репатриация в Сибирь явилась колоссальной трагедией для тысяч людей, зачастую не по своей воле, но в силу политических, идеологических, нравственных причин, оказавшихся в годы Второй мировой войны по другую сторону фронта.

Различные аспекты «коллаборационизма» изучались историками Ю.Н. Арзамаскиным [1], И.Д. Бацаевым [2], В.Н. Земсковым [3; 4], Н.М. Маркдорф [5], П.М. Поляном [6], Е.Н. Чернолуцкой [7] и другими исследователями. Однако отсутствуют обобщающие работы, посвященные послевоенной жизни «власовцев» как в СССР, так и в отдельных его регионах, в том числе и в Сибири. Причиной этого долгое время являлся ограниченный доступ к соответствующим архивным документам.

В нормативных документах НКВД – МВД СССР к «власовцам» были отнесены: участники национальных строевых формирований вермахта (РОА, частей походного атамана Казачьего стана генерал-майора Т.Н. Доманова, XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хельмута фон Паннвица, Казачьего учебного и резервного полков под командованием генерала А.Г. Шкуро, Русского охранного корпуса генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона, Отдельного русского полка СС «Варяг» под командованием полковника М.А. Семенова); участники восточных легионов (русские, татары, узбеки, таджики, армяне, азербайджанцы, осетины, чеченцы, адыги и др.); участники враждебных по отношению к СССР зарубежных организаций, действовавших в европейских странах в 1920–1940-е гг., бывшие военно-служащие русской (царской) армии – подданные различных европейских государств или без определенного гражданства, которые

считали себя подданными Российской империи и служившие офицерами в немецких строевых формированиях; члены семей (жены и дети) казаков Казачьего стана Т. Доманова. В число «спецпоселенцев-власовцев» было записано около 8 000 побывавших в немецком плену солдат и офицеров Советской армии, а также бывшие военнослужащие русской (царской) армии, до войны проживавшие в СССР [8, л. 114].

В 1946 г. в документах Отдела специальных поселений МВД СССР термин «специальный контингент» был заменен на условный термин «власовцы» [9, л. 146]. Процесс фильтрации спецорганами производился постоянно, в ходе которого был возможен перевод из категории специального учета «власовцы» в категории «репатрианты», «группа «В», «военнопленные», «специальные поселенцы», «немцы по решению правительства». В соответствии с «окраской» менялся правовой статус и режим содержания, спецконтингент направлялся в лагерь или определялся на поселение.

Первые около 27 тыс. чел. (включая женщин и детей), репатриированных из Лиенца, прибыли в проверочно-фильтрационные лагеря (№ 0314, Кемерово и № 0315, Прокопьевск) Кемеровской области в июле 1945 г. После проведенной проверки в августе 1945 г. 6 065 «власовцев» старшего офицерского состава принял лагерь № 525 НКВД СССР для военнопленных. Около 15 тыс. рядовых «власовцев» вместе с семьями к маю 1946 г. перевели на спецпоселение [10, л. 118]. Дети-сироты направлялись на содержание в спецприемники и детские дома до их совершеннолетия, а по достижении 16 лет были взяты на специальный учет [11, л. 16].

После ликвидации проверочно-фильтрационных лагерей в стране «власовцев» распределяли с учетом экономических возможностей их трудового использования на территории республик, краев и областей, определяемых Советом министров СССР, по представлению министра государственной безопасности СССР. Местом их высылки в основном стали отдаленные районы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Урала, Карело-Финской ССР, Коми АССР и других регионы страны.

Не допускалось их расселение вблизи «стратегических объектов», крупных железнодорожных магистралей, морских и речных портов. У людей, следовавших этапом, изымали все личные документы, взамен выдавали соответствующую справку. Место для новых поселенцев выбирали в зависимости от дислокации спецкомендатуры [12, л. 2]. Спецпереселенцам разъясняли, что за службу в немецкой армии, в немецких формированиях, легионах и полиции, т. е. за измену Родине, они должны нести более суровое наказание, но в связи с победой над Германией советское правительство «по отношению к ним сделало

снисхождение, ограничившись переводом на спецпоселение» [13, л. 1–1 об.].

Лицам, направляемым на спецпереселение, разрешалось брать с собой одежду, белье, обувь, постельные принадлежности, посуду, бытовой инструмент, орудия мелкого кустарного производства, продовольствие на один месяц, деньги и бытовые ценности без ограничения.

Всем желающим разрешалось вызывать для совместного проживания семьи. При этом указывалось, что будет оказано содействие семьям спецпереселенцев при переезде и трудоустройству на новом месте. В апрельской 1946 г. директиве МВД [13, л. 1–1 об.]¹ особо подчеркивалось, что семьи спецпереселенцев будут пользоваться всеми правами граждан СССР и обеспечиваться жилплощадью. Однако все просьбы «власовцев» о воссоединении с семьями, если это касалось переезда самого поселенца, отклонялись.

В Сибири «власовцев» расселили в Кемеровской, Иркутской, Якутской, Читинской, Тюменской, Омской и Томской областях, в Красноярском и Алтайском краях, Бурят-Монгольской АССР и Тувинской АО.

Основной «приток» «власовцев» на спецпоселения Сибири и Дальнего Востока приходился на вторую половину 1946 г. [14; 15]. На начало 1947 г. их количество составило 32 519 чел.² В числе прибывших числилось лишь семь женщин [16, л. 284]. В последующие годы численность «власовцев» постоянно увеличивалась и на 1 января 1949 г. составила 43 523 чел. (или 32,3 % от общего числа этой категории спецконтингента по стране). Из них 20 347 чел. (15,4 %) разместили в Западной Сибири и 23 176 чел. (17,2 %³) – в Восточной [17, л. 224–237].

В Сибири труд «власовцев» использовали 39 министерств и ведомств. Наиболее крупные партии «власовцев» получили промышленные сибирские регионы, которые наиболее остро ощущали нехватку рабочих рук – Кемеровская (19 693 чел.), Иркутская (8 064 чел.) области, Красноярский край (6 233 чел.), Якутская АССР (4 048 чел.), Читинская область (2 369 чел.), БМАСР (2 142 чел.). В

¹ Директива МВД СССР № 97 от 20 апреля 1946 г. «О порядке оформления материалов и направлении на спецпоселение лиц, служивших в немецкой армии, «власовцев», легионеров и полицейских».

² Подсчитано по материалам выборочных сведений из отчетов по форме № 2 о наличии и движении спецпереселенцев «власовцев» за 1946–1947 гг.

³ Подсчет произведен по материалам выборочных сведений из отчетов по форме № 2 о наличии и движении спецпереселенцев «власовцев» за первый квартал 1949 г.

остальных сибирских регионах количество «власовцев» не превышало 1 000 чел.¹ [18, л. 260–270].

Отдел спецпоселений фиксировал следующую динамику поступления их на учет:

- 1945 г. – 4 985 чел.,
- 1946 г. – 132 794 чел.,
- 1947 г. – 30 751 чел.,

– 1948 г. – 4 573 [19, л. 82.] чел. В 1949 г. контингент ссыльных этой категории увеличился еще на 3 705 чел., в 1950 г. – на 2 078 чел., за первую половину 1951 г. – на 316 чел. [20, л. 368]. Суммарно за весь период речь идет о цифре в 179 202 чел. [21, л. 132]². Численность «власовцев» на спецпоселении начинает сокращаться во второй половине 1952 г., что было связано с истечением шестилетнего срока, устанавливаемого постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной армии, освобожденных из немецкого плена и репатриантов призывного возраста» [22, л. 199–202]. В 1952–1955 гг. почти 10 % «власовцев» содержались в лагерях ГУЛАГа, в т. ч. в Красноярском крае (Енисейстрой, Норильлаг); в Тюменской области (Печерлаг, Обский ИТЛ), в Кемеровской области (Сиблаг). В Сиблаге они, например, находились до 1958 г. На начало 1955 г. на спецпоселении в сибирских областях оставались 4 736 чел. [23, л. 145].

«Власовцы» и члены их семей являлись наименее адаптированной категорией спецпоселенцев к условиям суровой сибирской повседневности как физически, так и социально-психологически. Во многом это объяснялось наличием высокого процента ослабленных, больных и инвалидов, нерешенностью санитарно-бытовых проблем до середины 1950 г., серьезными трудностями с медицинским обслуживанием. Жилищно-бытовые условия «власовцев», работающих на промышленных предприятиях и строительстве в большинстве сибирских областей с момента их прибытия и до 1950 г., оставались на низком уровне. Эти вопросы хозорганами решались крайне медленно и неэффективно. К приему большого количества спецпоселенцев предприятия подготовлены не были, отсутствовал необходимый жилой фонд для их размещения, дезокамеры, транспорт, хотя вопросы организации хозяйственного-трудового устройства, порядок приема и расселения спецконтингентов, оказания им денежной и материальной помощи, выдачи ссуд на индивидуальное строительство жилых домов, выделения земельных участков, устройства беспризорных детей, инвалидов и одиноких нетрудоспособных стариков был разработан От-

¹ Приведены данные на 1 января 1949 г.

² Цифровые сведения приводятся без учета «власовцев», которые находились в лагерях для военнопленных, в исправительно-трудовых лагерях и тюрьмах.

делом спецпоселений и направлен в управления внутренних дел во все регионы страны [8, л. 96–97]. Контроль над выполнением данных вопросов был возложен на принимающие рабочую силу предприятия и местные органы власти. Однако летом 1946 г. выяснилось, что хозяйствующие субъекты с возложенными на них задачами не справляются.

Так, проверка, проведенная УНКВД по Кемеровской области в середине 1946 г., выявила серьезные недочеты в обеспеченности жильем. Например, на шахте «Капитальная» треста «Молотовуголь» работали 500 чел. «власовцев», которых предприятие расселило в ветхих бараках, при отсутствии какого бы то ни было ремонта. Несмотря на то, что бараки располагались в 100 м от шахты, их жители испытывали постоянные перебои с топливом, поэтому в бараках было темно и сыро. На момент проверки выяснилось, что «власовцам» не выдавали мыло, не было возможности постирать белье, как следствие – массовый педикулез среди спецпоселенцев.

Не лучшим образом обстояло дело на шахте № 4 треста «Молотовуголь», где работали 478 чел. «власовцев». Администрация предприятия расселила их в общежитиях. В небольших комнатах проживало по 10–12 чел. Не были обеспечены постельным бельем 182 чел., у 131 чел. отсутствовала теплая одежда, у 276 чел. – теплая обувь.

Проверки жилищно-бытовых условий рабочих-«власовцев» со стороны управлений МВД продолжились поздней осенью 1946 г. В результате были вскрыты следующие факты. На шахте «Черная гора» комбината «Кузбассуголь» в бараке проживали 97 чел. «власовцев» рядом с вольнонаемными семейными рабочими. В ряде общежитий барачного типа отсутствовал ремонт, были выбиты стекла, протекали кровля и потолки, а стены покрылись плесенью и изморосью. Постельное белье и стены кишели клопами. Со стороны руководства шахтой меры к переселению людей в более приемлемые условия не принимались. В непригодных для жилья полужемляных бараках вместе с вольнонаемными рабочими жили 150 «власовцев» на шахте «Манеиха». Из всей мебели в комнатах стояли только деревянные топчаны, на которых люди спали, ели и хранили одежду. Аналогичная картина складывалась и на шахтах им. Ворошилова, им. Сталина комбината «Кузбассуголь» [24, л. 235].

Заметного улучшения санитарно-бытовых условий работающих на сибирских промышленных предприятиях контингентов не произошло и на следующий год. Как и в предыдущие годы, основными проблемами стали переуплотненность и скученность в жилых помещениях, непригодность большинства из них к нормальным бытовым условиям. Прибывающие к «власовцам» семьи либо селились в частных квартирах, либо уезжали обратно, так и не сумев найти жилье.

С тяжелыми материально-бытовыми проблемами столкнулись переселенцы не только «угольных районов», но и расположенных в Красноярском крае, Иркутской, Омской, и Читинской областях предприятий Министерств лесной и бумажной промышленности, машиностроения.

Например, на предприятиях треста «Читлес», особенно в Читинском, Загаринском, Баланском леспромхозах, подневольные рабочие не просто проживали в неудовлетворительных условиях, но и по несколько месяцев не получали оплату за труд, вследствие чего имели место случаи истощения спецпоселенцев и их невыход на работу. Учитывая недопустимое отношение со стороны управляющего этого треста к быту поселенцев, УМВД по Читинской области вынуждено было снять с работы предприятия треста часть «власовцев» [25, л. 185] и передать их другим хозяйственным органам¹.

Очень плохо были трудоустроены поселенцы, работающие на стройках Министерства строительства топливных предприятий. В большинстве бараков на каждого человека приходилось по 1,5–2 м жилой площади. Поэтому ввиду нехватки и антисанитарного состояния жилья подневольных рабочих расселяли по частным квартирам в соответствии с «планом уплотнения» местного населения. При этом за каждую койку работники оплачивали по 42 р. из своей зарплаты в 180–250 р. Результатом неудовлетворительного материально-бытового положения стали многочисленные побеги с места поселения [26, л. 167].

Гораздо лучше обстояло дело в сельской местности, где в незначительном количестве работали «власовцы». За свой труд подневольный контингент получал на трудодни достаточное количество хлеба, а в Омской области, например, до 50 % спецпоселенцев смогли выстроить свои дома и приобрести скот [26, л. 166–167].

Вопрос об отсутствии нормальных санитарно-бытовых условий решался на уровне областного партийного руководства. В первом квартале 1947 г. руководством шахт и других промышленных предприятий для спецпоселенцев стали выдавать ссуды на обзаведение домашним хозяйством и переселение семей к месту жительства их глав.

Так, например, на территории БМАСР на 1 января 1947 г. расселили 1 827 «власовцев», из них трудоустроили в системе Министерства угольной промышленности восточных районов на Гусино-Озерские угольные шахты (1 247 чел.); в систему Министерства лесной промышленности, в Челутаевский леспромхоз треста «Бурмон-

¹ В октябре 1950 г. Отдел спецпоселений разъяснил руководителям хозяйственных организаций, что переводы контингентов в другие места без их согласия, считаются незаконными, так как «такие переброски фактически являлись вторым переселением».

голлес» (580 чел.). На этих предприятиях «власовцы» составляли основную рабочую силу. Из всего контингента «власовцев» только девять человек были признаны ограниченно трудоспособными и использовались на легких работах.

По Челутаевскому леспромхозу из 594 спецпоселенцев «власовцев» были размещены во вновь построенных собственных домах, строили дома – 10 чел., 584 чел. жили в домах предприятия, и только 102 чел. в бараках, требующих капитального ремонта. Благодаря администрации леспромхоза за первый квартал 1947 г. было построено пять новых бараков, куда были переселены все нуждающиеся в более удобном жилье «власовцы», в каждой комнате проживали по четыре человека. По Гусино-Озерским угольным шахтам 1 247 чел. спецпоселенцев были размещены: 52 чел. – в домах, купленных на свои средства; в построенных в порядке индивидуального строительства – 25 чел.; на квартирах в частном секторе колхозников – 206 чел.; остальных 964 чел. поселили в общежитиях, принадлежащих предприятию.

Отдел спецпоселений в октябре 1950 г. обращал внимание хозяйственных руководителей, что затраты на индивидуальное строительство целиком ложатся на их плечи. Обращение за государственной помощью для жилищно-бытового устройства спецпоселенцев допускалось лишь в том случае, если были исчерпаны все местные финансовые возможности, а люди действительно находились в бедственном положении. Подобные ходатайства должны были оформляться Советами министров республик, краевыми и областными исполкомами трудящихся по представлениям МГБ республик, краев и областей.

Тем не менее, как и в других регионах страны, жилищно-бытовые условия в общежитиях Читинской области не всегда отвечали санитарным нормам. Отсутствовали умывальники, бачки для кипячения воды, уборка не производилась совсем. Массовым бедствием стали клопы. Так как на шахтах отсутствовали раздевалки, то рабочие вынуждены были в грязной шахтерской одежде приходить в общежитие и переодеваться дома.

В «благополучном» по многим показателям Челутаевском леспромхозе постельными принадлежностями спецконтингент был обеспечен лишь на 70 %, а оставшееся белье «власовцы» приобретали за свой счет. Правда, как выяснило местное управление МВД, часть постельного белья, выданного в начальный период их расселения, они продали или обменяли на продукты питания [27, л. 198, 199].

Нерешенность хозяйственных, бытовых, санитарных вопросов, низкое качество медицинского обслуживания приводили к быстрой физической деградации людей, росту их заболеваемости и смертности и во многом объясняли низкую эффективность труда. Причем показатели заболеваемости и смертности были высокими как среди

трудоспособных возрастов (18–50 лет), так и среди старшей возрастной группы (51–80 лет) [28, л. 211]. Практически во всех сибирских областях на протяжении 1946–1947 гг. «свирепствовали» эпидемии сыпного тифа и среди местного населения и среди спецконтингентов. Окончательно их ликвидировать стало возможным только при проведении широкого комплекса противоэпидемических мероприятий в 1948–1949 гг.¹

Незавидным было положение инвалидов, больных, одиноких стариков, количество которых по причине сурового климата, неотлаженного быта, тяжелых условий труда и, соответственно, высокого процента производственного травматизма увеличивалось из года в год. Если вновь прибывшие спецпоселенцы были не трудоспособны или утрачивали её на промышленных предприятиях и стройках, то предусматривалось, что они все равно будут выполнять посильные работы и иметь возможность обеспечить себя и свою семью необходимыми продуктами питания, одеждой, обувью, предметами быта.

По состоянию на 1 июля 1950 г. в местах поселений Сибири находились 4 332 чел. инвалидов «власовцев», проживавших в основном в Красноярском крае, Кемеровской, Иркутской областях, в Якутии. Несмотря на то, что вопрос материального обеспечения инвалидов и престарелых поселенцев неоднократно поднимался в течение 1946–1950 гг. на уровне руководства Отдела спецпоселений и МВД, на практике его решить оказалось трудно. Не было реализовано и право этой категории спецконтингента на социальное обеспечение и лечение на общих основаниях с вольнонаемными гражданами согласно Кодекса о труде, зафиксированное в Положении о спецпоселенцах.

Например, в Иркутской и Читинской областях органы социального обеспечения отказывали «власовцам»-поселенцам в назначении и выплате пенсий по инвалидности, мотивируя это тем, что в Постановлении СНК СССР за № 35 от 1945 г. не было прямого указания на право получения спецпоселенцами пенсий и государственных пособий.

Катастрофически не хватало мест в домах инвалидов и домах престарелых. Министерство социального обеспечения РСФСР и местные органы социального обеспечения на многочисленные запросы со стороны МВД о размещении нетрудоспособных спецпоселенцев в домах инвалидов в большинстве своем ограничивались ответом, что

¹ В Сибири в 1946–1947 гг. действовала сеть лагерей для военнопленных, где показатели заболеваемости сыпным тифом в этот период времени были очень высокими. Эпидемические очаги сыпного тифа были выявлены и среди местного населения. Для труда спецконтингентов изолированных участков выделено не было, а диагностировать своевременно заболевание не удавалось, поэтому ликвидировать инфекционные заболевания, или остановить их распространение было невозможно.

«из-за отсутствия свободных мест разместить нетрудоспособных спецпоселенцев они не имеют возможности». Не решался вопрос и со строительством новых, запланированных домов инвалидов. Например, решение, принятое на уровне Совета Министров СССР за № 597 от 28 июля 1949 г., открыть к 1 сентября текущего года дом для инвалидов на 250 койко-мест в Красноярском крае, так и не было претворено в жизнь [25, л. 187]. В связи с этим исполком крайсовета лишь констатировал, что «во многих районах края имеется значительное количество указанных контингентов, которые вымирают» [29, л. 143].

Инвалиды, одинокие старики были наименее адаптированы к новой повседневности, нередко нищенствовали, голодали. Как правило, эти граждане не могли позволить себе уехать к своим близким по нескольким причинам. Во-первых, категория спецконтингента «власовцы» относилась к «социально опасным», и вопрос о том, чтобы покинуть место поселения, решался достаточно сложно. Во-вторых, получившие разрешение на воссоединение с семьей должны были приобретать железнодорожные билеты за свой счет, а инвалиды и престарелые граждане таких средств не имели. Заместитель начальника 9-го Управления МГБ СССР полковник Шиян в запросе на имя заместителя министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В.С. Рясного предлагал обеспечить питание и перевозку следующих на воссоединение со своими семьями нетрудоспособных инвалидов и престарелых выселенцев за счет средств МВД СССР из расчета 5 р. в сутки на человека [30, л. 18].

В октябре 1950 г. Совет Министров СССР в постановлении «Об установлении единого положения для всех спецпоселенцев, политических и уголовных ссыльных и административно-высланных и об усилении режима в местах их специальных поселений» потребовал устранить имеющиеся недостатки в содержании нетрудоспособных лиц. В целях устройства спецпоселенцев одиноких инвалидов и стариков Министерства внутренних дел, угольной, лесной, бумажной промышленности, совхозов были обязаны построить дома для инвалидов, исходя из общего числа одиноких инвалидов и престарелых граждан, находящихся среди спецпоселенцев этих министерств и ведомств. Было необходимо не только подобрать место для строительства домов призрения, но и после введения в эксплуатацию принять их на баланс и обеспечить содержание и обслуживание по сметам органов социального обеспечения на общих основаниях с другими инвалидными домами.

Министерству государственной безопасности СССР было дано разрешение выдавать не имеющим родственников инвалидам по 150 р. в месяц до того, как они будут устроены в специализированные учреждения, а Министерству финансов изыскать необходимые средства на выплату пособий [31, л. 19].

Как «особый» контингент «власовцев» использовали преимущественно на наиболее трудоёмких, особо опасных, тяжёлых работах на шахтах, карьерах и строительстве. Лишь незначительная их часть была занята в сельском хозяйстве. Продолжительность рабочего дня составляла 8–12 ч с обязательным условием выполнения предельно высоких норм выработки. За отказ от работы наступала уголовная ответственность. В отличие от контингента, содержащегося в лагерях, заработная плата выплачивалась в полном объеме и в основном выдавалась аккуратно¹. Средний заработок одного рабочего в декабре 1946 г. составлял от 250 до 1 000 р. в месяц. В шахтах, работающие на поверхности получали до 500 р., а от 500 р. и выше – на подземных работах. За выполнение и перевыполнение норм выработки «власовцы» получали талоны, на которые покупали в местных ОРСах² и магазинах одежду, обувь и другие товары или питались в столовых. В качестве дополнительного питания служили закупки у местных колхозников молока, мяса и иных продуктов. Исключение составляли спецпоселенцы, которые по своему физическому состоянию были заняты на «легком» труде, поэтому на полученный заработок не было возможности приобретать промышленные товары. Снабжение спецпоселенцев, работавших на промышленных предприятиях, зависело от вида выполняемых работ, устанавливалось по определяемым министерствами, ведомствами нормативам и производилось на общих основаниях с кадровыми рабочими.

На отдельных предприятиях (стройконтора и леспромхоз № 2 треста «Сталинскпромстрой» Кемеровской области) случаи задержек в выдаче заработной платы, факты обсчета все-таки имели место. Так, например, на шахте «Черная гора» (г. Прокопьевск) «власовец» Комбатаев имел 26 выходов, но при расчете ему было проведено только 23 выхода. Зарплата ему была начислена 341 р. вместо причитающихся ему по тарифу 441 р. В декабре 1946 г. на шахте 3–3 бис другой власовец Холматов был обсчитан на три упряжки, на шахте «Маганак» «власовца» Зимина обсчитали на пять упряжек. При проверке обнаружилось, что не всегда учитывались и соответственно оплачивались выполняемые «власовцами» так называемые второстепенные работы [32, л. 67]. Тем не менее невыплаты заработной платы массовым явлением не стали, а случаи обсчета расследовались и виновные наказывались.

Спецодежду рабочим, трудившимся в промышленных цехах и шахтах, администрация хозорганов старалась выдавалась практически в полном объеме. Но дефицит спецодежды испытывали все

¹ Власовский контингент, содержащийся в лагерях, получал до 80 % от начисленной заработной платы и только при условии выполнения норм выработки на 100 %.

² ОРС – Отдел рабочего снабжения.

угольные предприятия и строительные тресты, рабочие которых трудились на открытом воздухе. Например, на шахтах «Черная гора» и «3–3 бис» в Кемеровской области у «власовцев» отсутствовали теплая одежда и обувь. Пришедшие в негодность шахтовые спецовки своевременно не заменялась. Только на 40 % был обеспечен необходимыми спецовками и рукавицами контингент, работавший на кирпичном заводе в г. Прокопьевске Кемеровской области. Аналогичные проблемы испытывали и другие предприятия области (шахта Маганак, Механический завод треста «Прокопьевскуголь», шахта им. Кагановича, шахта Манеиха и др.) [32, л. 35]. По причине отсутствия необходимой одежды и обуви люди не выходили на работу, что приводило не только к потерям рабочего времени, но и влияло на заработки самих людей, которым нужно было кормить свои семьи. Важно отметить, что персонал, администрация промышленных предприятий и вольнонаемные рабочие относились к «власовцам» как к предателям и врагам, предавшим Родину в годы войны, что сказывалось на их психологическом и физическом состоянии и, как следствие, на производительности труда.

Президиум Верховного Совета СССР 17 сентября 1955 г. принял указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны», и такая категория, как «власовцы», формально перестала существовать. Освобождались из мест заключения и от других видов наказаний лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы за совершенные в годы войны преступления по статьям измена Родине, шпионаж, антисоветская агитация или пропаганда. Лицам, осужденным за те же преступления на срок свыше 10 лет, срок сокращался наполовину.

Список литературы

1. Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны: Репатриация советских граждан 1944–1953 гг. – М.: Izdat. Fokus, 2001. – 144 с.
2. Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока в России в период массовых политических репрессий (1932–1953): Дальстрой. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 217 с.
3. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944–1956 гг. // Социол. исслед. – 1995. – № 5. – С. 3–13.
4. Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР: 1944–1952 гг. // Тр. Ин-та Российской истории РАН. – № 11. – 2013. – С. 244–284.
5. Маркдорф Н.М. «Власовцы» в лагерях и на спецпоселении в Сибири: люди и судьбы // Сопrotивление. Коллаборационизм. Память: материалы междунар. науч. конф. (21–24 октября 2018 г., Новосибирск) / под общ. ред. Н.М. Маркдорф, Х. Винкель, А. Хильгера, Д. Стратиевского. Перевод: А.И. Савина, Н.В. Гоппе. – Новосибирск: Немо Пресс, 2018. – С. 160–177.
6. Полян П.М. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 329 с.
7. Чернолуцкая Е.Н. Спецпоселенцы «власовцы» на советском Дальнем Востоке (1945–1955 гг.). – URL: <https://maxpark.com/community/4375>

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 215.
9. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 898.
10. Информационный центр ГУВД Кемеровской области (ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 24.
11. ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 132.
12. ГАРФ. 9479. Оп.1. Д. 527.
13. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 2. 1946 г.
14. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп 1. Д. 314.
15. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп 1. Д. 315.
16. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп 1. Д. 316.
17. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп 1. Д. 477.
18. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 480.
19. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 372.
20. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641.
21. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 642.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 457.
23. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 761.
24. ИЦ ГУВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24.
25. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 328.
26. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 548.
27. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 358.
28. ИЦ ГУВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.
29. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 456.
30. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д.454.
31. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 528.
32. ИЦ ГУВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44.

References

1. *Arzamaskin YU.N. Zalozhniki Vtoroj mirovoj vojny: Repatriaciya sovetskih grazhdan 1944–1953 gg.* [Hostages of World War II: Repatriation of Soviet citizens 1944–1953]. – М.: Izdat. Fokus, 2001. – 144 p.
2. *Bacaev I.D. Osobennosti promyshlennogo osvoeniya Severo-Vostoka v Rossii v period massovyh politicheskikh repressij (1932–1953): Dal'stroj.* [Features of the industrial development of the North-East in Russia during the period of mass political repressions (1932-1953): Dalstroy]. – Magadan: SVKNII DVO RAN, 2002. – 217 p.
3. *Zemskov V.N. Repatriaciya sovetskih grazhdan i ih dal'nejshaya sud'ba. 1944–1956 gg.* [Repatriation of Soviet citizens and their further fate. 1944–1956] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies.]. 1995. № 5. P. 3–13.
4. *Zemskov V.N. Vozvrashchenie sovetskih peremeshchennyh lic v SSSR: 1944–1952 gg.* [The return of Soviet displaced persons to the USSR: 1944–1952] // *Trudy Instituta Rossijskoj istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. 2013. № 11. P. 244–284.
5. *Markdorf N.M. «Vlasovcy» v lageryah i na specposelenii v Sibiri: lyudi i sud'by* [“Vlasov” camps and special settlements in Siberia: people and fate] // *Soprotivlenie. Kollaboracionizm. Pamyat': Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (21–24 oktyabrya 2018 g., Novosibirsk)* / Pod obshchej redakciej N. M. Markdorf, H. Vinkel', A. Hil'gera, D. Stratievskogo. Pervod: A. I. Savina, N. V. Goppe. – Novosibirsk: OOO «Nemo Press», 2018. – P. 160–177.

6. *Polyan P.M. Ne po svoeĭ vole...: Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracii v SSSR* [Not of their own free will ...: History and geography of forced migrations in the USSR.]. – M.: OGI-Memorial, 2001. – 329 p.

7. *Chernoluckaya E.N. Specposelency «vlasovcy» na sovetskom Dal'nem Vostoke (1945–1955 gg.)* [Special settlers “Vlasovites” in the Soviet Far East (1945–1955)]. URL: <https://maxpark.com/community/4375>

8. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-9479. Op. 1. D. 215.

9. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 898.

10. *Informacionnyj centr GUVD Kemerovskoj oblasti (IC GUVD KO)*. [Information Center of the Central Internal Affairs Directorate of the Kemerovo Region] F. 11. Op. 1. D. 24.

11. *GARF*. 9479. Op. 1. D. 132.

12. *GARF*. 9479. Op.1. D. 527.

13. *GARF*. F. R-9401. Op. 12. D. 207. T. 2. 1946 g.

14. *GARF*. F. R-9479. Op 1. D. 314.

15. *GARF*. F. R-9479. Op 1. D. 315.

16. *GARF*. F. R-9479. Op 1. D. 316.

17. *GARF*. F. R-9479. Op 1. D. 477.

18. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 480.

19. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 372.

20. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 641.

21. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 642.

22. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 644. Op. 1. D. 457.

23. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 761.

24. *IC GUVD KO*. F. 1. Op. 1. D. 24.

25. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 328.

26. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 548.

27. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 358.

28. *IC GUVD KO*. F. 1. Op. 1. D. 20.

29. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 456.

30. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 454.

31. *GARF*. F. R-9479. Op. 1. D. 528.

32. *IC GUVD KO*. F. 1. Op. 1. D. 44.

Е.Н. Лисицына

Социально-экономическое положение нефтяников Северного Сахалина во второй половине 1920-х – 1930-е гг.

Статья посвящена проблеме тяжелого социально-экономического положения рабочих в нефтяной отрасли Сахалина во второй половине 1920-х – 1930-е гг. Более высокий, чем на материке, уровень заработной платы нефтяников острова не компенсировал им тяжести решения таких проблем, как отсутствие нормального жилья, нехватку продуктов питания и промышленных товаров, высокий уровень травматизма на производстве, значительный рост заболеваемости рабочих при крайне слабом обеспечении медицинской помощью. Все это не способствовало закреплению кадров в отрасли. Справиться в указанный период с кадровым голодом руководство треста смогло лишь частично.

Ключевые слова: уровень заработной платы, продолжительность рабочего дня, обеспечение жильем, уровень заболеваемости, дефицит товаров.

E.N. Lisitsyna

Socio-economic situation of the oilmen of Northern Sakhalin in the second half of the 1920s – 1930s

The article is devoted to the problem of the difficult socio-economic situation of workers in the oil industry of Sakhalin in the second half of the 1920s – 1930s. Higher than on the mainland, the salaries of oil workers of the island is not compensated gravity solutions to such problems as the lack of adequate housing, lack of food and industrial goods, a high level of occupational injuries, a significant incidence of workers with extremely weak providing medical care. Did not contribute to the consolidation of personnel in the industry. The management of the trust was able to cope with the personnel shortage only partially during this period.

Key words: wages, working hours, housing, morbidity, shortage of goods.

В середине 1920-х гг. нефтяная промышленность являлась той единственной сферой экономики Северного Сахалина, в которой наблюдалось стремление властей к серьезному освоению его природных ресурсов. По решению ВСНХ, принятому 11 августа 1928 г., на территории северной части острова был образован нефтяной трест «Сахалиннефть».

С самого начала деятельности предприятия суровые сахалинские условия остро поставили перед руководством треста кадровую проблему. Трест затрачивал массу энергии и средств на поиск рабочей силы. Это объяснялось тем, что процесс вербовки работников на Сахалин, осуществляемый биржами труда, отличался формальным, бю-

рократическим подходом, без особой заинтересованности в качественном отборе специалистов.

Огромный дефицит кадров и необходимость их сохранности требовали от руководства «Сахалиннефти» создания для работников привлекательных социально-экономических условий жизни и труда.

Одним из важнейших показателей в этом являлся уровень заработной платы. С середины 1920-х гг., в связи с оживлением промышленности и стабилизацией денежного обращения, она имела тенденцию к увеличению, особенно у специалистов. В 1926–1927 гг. в горной промышленности страны среднемесячная зарплата рабочего составляла 46,92 р. [1, с. 77]. У инженерно-технического персонала она доходила до 200 р. [2, с. 180]. Кадры, прибывавшие в трест «Сахалиннефть», особенно специалисты, могли рассчитывать на существенно большее материальное вознаграждение (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика заработной платы в тресте «Сахалиннефть», р.

Годы	Рабочие	ИТР	Служащие
1927	110,10	данных нет	118,20
1928	114,90	данных нет	123,30
1929	136,07	данных нет	137,40
1930	190,19	506,69	219,68
1931	188,55	452,97	270,78
1932	214,94	525,0	319,27
1933	181,20	630,0	387,0
1934	308,0	1184,0	592,0
1935	448,0	1208,0	682,0
1936	486,0	1233,0	678,0
1937	433,0	1331,0	733,0
1938	585,0	1332,0	795,0
1939	636,0	1417,0	776,0

Источник: ГИА СО Ф. 53. Оп. 1. Д. 515. Л. 123; Ф. 54. Оп. 1. Д. 175. Л. 479; Ф. 217. Оп. 1. Д. 93. Л. 37.

Однако, несмотря на высокие показатели, зарплата на острове характеризовалась нестабильностью и была подвержена существенным колебаниям в зависимости от сезона и степени квалификации работника. Ее значительное расхождение между ИТР и рабочими и служащими являлась причиной резкого недовольства последней категории работников и приводила к падению производительности их труда. Для того чтобы не допустить отток с предприятия менее квалифицированного контингента, руководство треста было вынуждено регулировать заработную плату порой в ущерб производительности труда. Так, в 1931–1932 гг. на Охинском нефтепромысле

произошло снижение производительности труда на 8 %. Добыча нефти сократилась с 1,54 т нефти на человека в день до 1,41 т, при этом заработная плата выросла на 10,9 % [3, л. 126].

Следует отметить, что в структуре заработной платы заметное место занимали различного рода доплаты – премиальные, за выслугу лет, компенсации, оплата сверхурочных и пр. [4, л. 17]. Однако они также не были одинаковыми. Высококвалифицированным рабочим в день начислялось 12,41 р. премиальных, рабочим средней квалификации – 8,19 р., а низкоквалифицированным работникам – 6,47 р. [3, л. 125].

Кроме премиальных, существенной материальной поддержкой для работников треста являлись выплаты по государственному социальному страхованию: пособия по временной нетрудоспособности, оплата отпусков по беременности и родам. Более того, работники нижнего звена могли рассчитывать на оплату коммунальных услуг и материальную помощь [5, л. 23].

Однако высокий, по сравнению с материком, уровень зарплаты слабо компенсировал суровые условия труда, в которых приходилось работать нефтяникам, особенно непосредственно на промыслах. К сырости, грязи, мошкаре, холоду и жаре добавлялась высокая доля ручного труда и низкий уровень охраны здоровья работников. Так, до 1932 г. в тресте не существовало должности специалиста по технике безопасности, а на производстве отсутствовали типовые инструкции по ее соблюдению.

С 1931 г. в тресте начали выделять определенные средства на охрану труда (см. табл. 2), но их освоение была крайне слабым. В результате вентиляция, освещение и отопление на промыслах находились в неудовлетворительном состоянии, а технический надзор за проводимыми работами практически отсутствовал.

Таблица 2

*Динамика финансирования охраны труда
в тресте «Сахалиннефть», тыс. р.*

Годы	План	Факт
1931	40,0	15,0
1932	50,0	23,9

Источник: ГИА СО Ф. 53. Оп. 1. Д. 515. Л. 86.

Это приводило к тому, что показатели травматизма на промыслах треста были достаточно высоки (см. табл. 3).

Травматизм на промыслах "Сахалиннефти" в 1930-е гг.

Годы	Число пострадавших
1930	125
1932	163
1939	504

Источник: ГИА СО Ф. 53. Оп. 1. Д. 515. Л. 131; Ф. 217. Оп. 4. Д. 21. Л. 229.

Важным индикатором условий труда нефтяников Сахалина в 1920–1930-е гг. была продолжительность рабочего дня.

15 октября 1927 г. в связи с 10-летием Октябрьской революции ЦИК СССР издал постановление, согласно которому в стране в ближайшие годы должен был произойти переход на 7-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд [6]. К концу 1931 г. на него было переведено уже 83 % общего количества всех рабочих, занятых в промышленности, включая нефтяную. Однако на Сахалине эта норма выдерживалась редко. На таких участках работы, как электростанция, водоканал, котельная, применялась сменная работа – 8 ч непрерывного труда. В летний период на сезонных работах трест устанавливал 10-часовой рабочий день с часовым перерывом на обед. Кроме этого, руководство промыслов активно использовало ночные и сверхурочные работы [7, л. 60–61].

Тяжелый и порой опасный физический труд на промыслах для многих рабочих усугублялся плохими жилищно-бытовыми условиями. Обусловлено это было заметным отставанием строительства жилья от потребностей растущего в тресте контингента.

Основным типом жилья, предназначенного для нефтяников в 1920–1930-е гг., были бревенчатые бараки, временные постройки в виде утепленных палаток, а также здания, оставшиеся от японцев. Условия жизни в последних были очень плохими, поскольку не соответствовали санитарным нормам, особенно по температурному режиму. Квартирки отапливались дровами, которых из-за отсутствия гужевого транспорта и бездорожья постоянно не хватало [8, л. 81].

В 1927 г. в распоряжении треста находился 71 рубленый дом и 63 палатки. Общая площадь жилищного фонда составляла 5098 м². В них проживало 920 рабочих и 510 членов их семей, что составляло около 3,6 м² на человека. Плотность проживания в палатках была еще выше [8].

В 1928 г. трест сдал в эксплуатацию 2924 м² жилья [9, с. 26], однако для обеспечения рабочих нормальными условиями проживания этих объемов не хватило. За срыв неоднократных обещаний «ликвидировать квартирный вопрос», массовые нарушения трудового законодательства и плохие жилищные условия управляющий трестом М.П. Богданович и директор Охинского промысла А.А. Худяков были

привлечены к ответственности. Им было предложено принять энергичные меры к устранению указанных недостатков [10, л. 52].

Для исправления ситуации с 1929 г. руководство треста стало закупать и завозить на остров из Японии металлические здания, а из США сборные деревянные дома типа «Норд», которые собирались на месте. Кроме этого, администрация «Сахалиннефти» решила принять помощь японских концессионеров по аренде жилья, от которой раньше отказывалась. В результате 170 работников треста разместились в концессионных землянках и военном городке [12, л. 113 об.].

К концу 1920-х гг. жилищная проблема стала сдвигаться с «мертвой точки». Если в 1929 г. в распоряжении треста имелось 7787 м² жилья, то в 1930 г. эта цифра увеличилась до 13 369 м² [9, с. 26]. Однако до конца решить жилищную проблему не удалось и в 1930-е гг. Несмотря на принятое в апреле 1934 г. СНК СССР постановление «Об улучшении жилищного строительства» [13, с. 258], острый недостаток строительных материалов и нехватка рабочих рук не позволили тресту полностью реализовать его. Трест по-прежнему был вынужден практиковать облегченное строительство зданий. Плотность заселения в них продолжала оставаться высокой – на 1933 г. она составляла 4 м² на человека [14, л. 368].

В 1934 г. в жилищное строительство трест вложил денежных средств в три раза больше, чем в первый год первой пятилетки [11, с. 400]. В результате к 1937 г. он получил в свое распоряжение еще 45 868 м² жилья. Норма жилплощади на одного человека повысилась до 5,1 м² [3, л. 131].

Кроме строительства нового жилья трест занимался улучшением условий жизни работников путем ремонта жилого фонда. Средства на это получали за счет отчислений из зарплаты, которые составляли 18 % от ее размера. В 1934 г. за счет таких средств было отремонтировано 54 барака, в которых 607 железных печей заменили кирпичными [15, л. 32].

Суровые климатические условия, тяжелая работа, отсутствие нормальных условий для сна и отдыха быстро истощали силы многих рабочих, что вело к росту заболеваемости. Чаще всего рабочий контингент поражали инфекционные заболевания, расстройство органов пищеварения и цинга.

Как правило, инфекционные заболевания завозились с материка. При плохой постановке медицинской помощи в тресте инфекции получали быстрое распространение. Так, в 1931 г. в Охинском районе вспыхнула эпидемия целого ряда болезней: тифа, дизентерии, кори и скарлатины. В результате умерло 13 детей [16, л. 118]. При обсуждении данной ситуации на заседании бюро Охинского РК ВКП (б) отмечалось, что причинами сложившегося положения стали отсутствие продовольствия, медикаментов и высокая скученность населения [3, л. 126 об.]. Решить проблему нехватки медикаментов помогло руко-

водство концессии, которое предоставило лекарства, необходимые для борьбы с эпидемией.

Большие проблемы для работающего контингента создавало и заболевание цингой, о чем свидетельствуют сохранившиеся статистические данные (см. табл. 4).

Таблица 4

Заболелаемость цингой в тресте «Сахалиннефть» в 1932 г.

Месяцы	Кол-во заболевших, чел.	Потери раб. времени, дней
Июнь	204	5181
Июль	558	22033
Август	243	12277
Сентябрь	113	5443
Всего за год	1425	53596

Источник: ГИА СО Ф. 53. Оп. 1. Д. 515. Л. 126 (об.)

Потери рабочего времени в этот год составили 37,6 дней на одного рабочего. По социальному страхованию было выплачено 311334,27 р. [3].

Медицинское обслуживание в Охе находилось в неудовлетворительном состоянии. В 1927 г. в населенном пункте имелась всего одна больница на 20 коек [17, л. 409]. Численность персонала в ней составляла всего 8 чел., которые с нагрузкой не справлялись. Больница была постоянно переполнена более чем в два раза. Об организации помощи больным на дому даже не шло речи [18, л. 28].

В таких условиях в 1932 г. СНК СССР принял специальное постановление об открытии в Охе больницы на 120 мест, амбулатории, а в нефтяных районах – трех медицинских пунктов [11, с. 275]. Это позволило существенно улучшить организацию медицинского обеспечения.

К проблемам жилья и медицины добавлялось плохое снабжение населения Сахалина продовольствием и промышленными товарами.

На первый взгляд, норма завоза продуктов на одного «едока» была достаточной (см. табл. 5).

Таблица 5

Нормативное обеспечение работников «Сахалиннефти» товарами

Продукты	Норма на одного человека
Мука в переводе на печеный хлеб	1000 г в день
Мясо и рыба	11 кг в мес.
Крупы разные	2 кг в мес.
Сахар	1 кг в мес.
Жиры разные	1 кг в мес.
Ткань хлопчато-бумажная	30 м в год

Источник: Краткие сведения об острове Сахалине для переселенцев и рабочих, едущих туда. М., 1930. С. 12.

За их поставку отвечал госторг. Однако дешевые и хорошего качества товары он завозил редко и в небольшом количестве. Об этой проблеме в орготдел Далькрайкома ВКП(Б) писал секретарь Сахалинского партбюро Н. Седов: «Госторг – оптовик-богач и на мелочи не разменивается, а кооперация бедна и на мелочах боится проторговаться и берет почти те же товары, что и Госторг. Отсюда затоваривание и товарный голод. На эту проблему мы обратили внимание, но не уверены на хороший исход» [19, л. 15].

В результате возникшего конфликта в 1927 г. Дальторг и Дальсоюз отказались от снабжения нефтяников. Трест был вынужден взять решение проблемы в свои руки. Намечалось завезти товаров на общую сумму 275 тыс. р., из которых на сумму 120 тыс. р. закупить на внешнем рынке и на 155 тыс. р. – на внутреннем. Предпочтение было отдано продовольственным товарам и одежде [20, л. 88].

В 1928 г. с госторгом было заключено новое соглашение на закупку товаров на сумму 650 тыс. р. Несмотря на то, что значительная часть продовольственных товаров (горох, картофель, крупы, свинина, капуста, морковь, огурцы, чеснок, грибы), а также шапки, белье, чулочно-носочные изделия, одеяла и другие товары были завезены полностью, проблема товарного дефицита решена не была. Часть заявок на товары выполнена не была, а того, что завезли на 100 %, не хватило. Сказался более высокий рост численности работников треста и членов их семей. Кроме них на трестовское снабжение также поставили 300 служащих советских учреждений [20, л. 88]. Дефицит товаров обостряли и регулярные опоздания пароходов. В результате в начале 1929 г. Охинский райком был вынужден принять решение о введении твердых норм на хлеб для рабочих и служащих треста. Хлеб отпускался по заборным книжкам. Норма составляла 24 кг в месяц [21, л. 18]. Весной 1929 г. рабочие питались только хлебом и селедкой, так как в Дальторге других продуктов не было, а навигация еще не открылась [22, л. 115 об.]. Перебои с продовольствием привели к тому, что нормированные карточки были введены и на другие продукты: масло, мясо, сахар, крупу и пр. При этом отпускные цены на товары были на 58 % выше, чем в лавке концессионера [18, л. 8].

Летом 1929 г. с первыми пароходами Дальторга на остров было завезено 30 тыс. пуд. муки, 120 голов скота на мясо, молоко, картофель, вермишель и другие продукты питания. Но их хватило только на несколько месяцев [21, л. 65]. Из-за сбоев в поставке грузов пароходами в последующие годы ситуация с острой нехваткой продуктов питания и промышленными товарами повторялась.

В январе 1931 г. по решению политбюро наркомат снабжения СССР ввел в стране всеобщую карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары [23, с. 89]. Тогда же было введено снабжение населения и предприятий по спискам. Со-

гласно этому решению сахалинский трест был отнесен к первому списку. Однако даже государственное списочное снабжение не улучшило положение с обеспечением рабочих достаточным количеством товаров по дешевым ценам. Получая в 1932 г. на руки 2815 р., в лавке рабочий оставлял не менее 1421,52 р. [3, л. 128]. По карточке рабочие получали 800 г муки и менее 100 г мяса, которое часто заменялось солониной, консервами или рыбой. Дети рабочих в мизерном количестве получали масло, консервированное молоко, сахар, фрукты [3, л. 128]. Ситуацию с продовольствием отчасти спасали подсобные хозяйства.

В последующие годы администрация треста стала стимулировать их создание работниками, а с 1932 г. само перешло к организации трестовского пригородного хозяйства: собственной теплицы по выращиванию овощей в открытом и закрытом грунте, строительству фермы по выращиванию молодняка на мясо и для получения молока, развитию различных форм рыболовства [24, л. 95]. Все эти меры сыграли важную роль в улучшении питания работников нефтяной отрасли Сахалина, но до конца не решили ее.

Таким образом, следует констатировать, что тяжелые повседневные социально-экономические и бытовые условия не способствовали закреплению кадров в нефтяной отрасли Сахалина. По окончании договоров работники отрасли стремились вернуться на материк.

Список литературы

1. Фрумкин Б. Народное хозяйство. Заработная плата. Вопросы зарплаты в производственных программах 1926–1927 хоз. гг. // Вестн. труда. – № 7–8. – 1926. – С. 77–85.
2. Головин С.А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-х гг. XX в. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Обществ. и гуманитар. науки. – № 11 (66). – 2008. – С. 177–186.
3. Государственный исторический архив Сахалинской области (далее ГИА СО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 515.
4. ГИА СО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 138.
5. ГИА СО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 93.
6. О семичасовом рабочем дне: постановление ЦИК и СНК СССР от 2 января 1929 г. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901830217> (дата обращения: 16.12.2019).
7. Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК). Ф. 668. Оп. 1. Д. 65.
8. ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 72.
9. Стариков Г.Ф. Советский Сахалин // К пятидесятилетию Советского Сахалина. Хабаровск, 1940. – 57 с.
10. ГИА СО Ф. П-14. Оп. 1. Д. 4.
11. Социалистическое строительство на Сахалине. 1925–1945 // Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1967. – 753 с.
12. ГИА СО Ф. П-2. Оп. 3. Д. 48.
13. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского коммунально-жилищного хозяйства (1917–1941). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 334 с.

14. ГИА СО Ф. П-14. Оп. 1. Д. 5.
15. ГИА СО Ф. П-14. Оп. 1. Д. 9.
16. ГИА СО Ф. П-14. Оп. 1. Д. 4-а.
17. ГАХК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 56.
18. ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 107.
19. ГИА СО Ф. П-2. Оп. 1. Д. 5.
20. ГИА СО Ф. П-2. Оп. 1. Д. 102.
21. ГИА СО Ф. П-14. Оп. 1. Д. 1-а.
22. ГИА СО Ф. П-2. Оп. 2. Д. 48.
23. Осокина Е. За фасадом «сталинского юбилея». Распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 1998. – 271 с.
24. ГИА СО Ф. 217. Оп. 1. Д. 131.

References

1. *Frumkin B. Narodnoe khozyaistvo. Zarabotnaya plata. Voprosy zarplaty v proizvodstvennykh programmakh 1926–1927 khoz. gg.* [The National economy. Wages. Salary issues in production programs 1926–1927 households] // *Vestnik truda*. № 7-8. 1926. – S. 77–85.
2. *Golovin S.A. Imushchestvennaya differentsiatsiya dokhodov naseleniya SSSR v 20-30-kh godakh XX veka* [Property differentiation of incomes of the population of the USSR in the 20-30s of the XX century] // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Obshchetvennye i gumanitarnye nauki*. № 11 (66). 2008. – S. 177–186.
3. State historical archive of the Sakhalin region (hereinafter GIA SO). F. 53. Op. 1. D. 515.
4. GIA SO. F. 217. Op. 1. D. 138.
5. GIA SO. F. 217. Op. 1. D. 93.
6. *Postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 2 yanvarya 1929 g. O semichasovom rabochem dne* [Resolution of the CEC and SNK of the USSR of January 2, 1929 On the seven-hour working day]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901830217> (data obrashcheniya 16.12.2019).
7. The state archive of Khabarovsk territory (hereinafter-the GAKhK). F. 668. Op. 1. D. 65.
8. GAKhK. F. 353. Op. 3. D. 72.
9. *Starikov G.F. Sovetskii Sakhalin* [Soviet Sakhalin] // *K pyatnadtsatiletyu Sovetskogo Sakhalina*. Khabarovsk, 1940. – 57 s.
10. GIA SO F. P-14. Op.1. D. 4.
11. *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo na Sakhaline. 1925–1945* [Socialist construction on Sakhalin. 1925-1945] // *Sbornik dokumentov i materialov. Yuzhno-Sakhalinsk*, 1967. – 753 s.
12. GIA SO F. P-2. Op. 3. D. 48.
13. *Orlov I.B. Kommunal'naya strana: stanovlenie sovetskogo kommunal'no-zhilishchnogo khozyaistva (1917–1941)* [Communal country: formation of the Soviet communal-housing economy (1917–1941)]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2015. – 334 s.
14. GIA SO F. P-14. Op. 1. D. 5.
15. GIA SO F. P-14. Op. 1. D. 9.
16. GIA SO F. P-14. Op. 1. D. 4-а.
17. GAKhK. F. 668. Op. 1. D. 56.

18. GAKhK. F. 353. Op. 3. D. 107.
19. GIA SO F. P-2. Op. 1. D. 5.
20. GIA SO F. P-2. Op. 1. D. 102.
21. GIA SO F. P-14. Op. 1. D. 1-a.
22. GIA SO F. P-2. Op. 2. D. 48.
23. *Osokina E. Za fasadom «stalinskogo yubiley».* *Raspredelenie i rynek snabzheniya naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of "Stalin's jubilee". Distribution and supply market of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN, 1998. – 271 c.
24. GIA SO F. 217. Op. 1. D. 131.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 614.4(470.26)"1941/1942"

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

Л.А. Болокина

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Калининской области в 1941–1942 гг.

В статье рассматривается развитие ситуации с инфекционными заболеваниями среди населения Калининской области в годы Великой Отечественной войны. Приводятся количественные показатели, отражающие динамику заболеваемости сыпным тифом и некоторыми другими заразными болезнями. Особенно тяжелое положение наблюдалось в освобожденных от временной немецкой оккупации районах, где население было лишено доступа к медицинской помощи, часть лечебных учреждений оказалась разрушенной. Уже в августе 1941 г. Калининский облисполком принял решение, предусматривавшее осуществление ряда санитарных и противоэпидемических мероприятий в военное время. Показаны дальнейшие усилия советских органов власти, направленные на борьбу с распространением инфекционных заболеваний, а также ликвидацию причин, способствовавших ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки. Основой публикации послужили материалы партийных и советских структур, хранящиеся в тверских архивах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, инфекционные заболевания, отделы здравоохранения, прифронтовые районы, сыпной тиф, чрезвычайная противоэпидемическая комиссия.

L.A. Bolokina

Sanitary and epidemiological situation in the Kalinin region in 1941–1942

The article highlights the development of the situation with infectious diseases among the population of Kalinin region in years of the Great Patriotic war. The findings reveal quantitative data showing the incidence of such disease as spotted fever and some other contagious diseases. The situation was especially severe in the regions released from German occupation where the residents were deprived of medical aid and some part of medical institutions were destroyed. In August 1941 Kalinin Regional Executive Committee adopted a resolution providing taking a number of sanitary and anti-epidemic measures in time of war. The article covers further efforts of the authorities aimed at infectious diseases spread control as well as elimination of the causes contributing to deterioration of sanitary and epidemiological situation. The records of the party and Soviet structures deposited in Tver archives provided the background for the publication.

© Болокина Л.А., 2019

© Bolokina L.A., 2019

Key words: Great Patriotic war, infectious disease, health care department, front-line areas, typhus, emergency anti-epidemic Commission.

Тема развития санитарно-эпидемиологической ситуации в стране на протяжении Великой Отечественной войны не была в центре внимания советских историков. Следует назвать труд М.К. Кузьмина, на страницах которого получили освещение вопросы, относящиеся к названной проблеме [1]. В современной историографии анализ процессов, затронувших советскую систему здравоохранения в период войны, ведется прежде всего на примере различных регионов. Динамику инфекционных заболеваний, изменения в медобслуживании сельских жителей, тяжелые условия быта и труда медицинских работников Башкирии в военные годы рассматривает Н.В. Ахмадиева [2]. Общее эпидемическое состояние во Владимирской области показано в статье И.Л. Тряхова [3]. Нарастание санитарных проблем в городах Вологодской области, связанное с эвакуационными процессами в начале войны, исследовал Ф.В. Копылов [4]. Задачи и сложности функционирования санитарно-эпидемиологических служб Красноярского края и освобожденной от оккупации Курской области рассмотрены в работах Л.Н. Белогуровой и Л.Э. Мезит [5; 6].

В тверской историографии специальные работы, посвященные изучению санитарно-эпидемиологической ситуации в годы Великой Отечественной войны, пока отсутствуют, поэтому разработка данной тематики представляется актуальной. Территориальные рамки исследования включают Калининскую (ныне Тверскую) область в границах 1941–1942 гг., когда западную часть региона составляли некоторые районы современной Псковской области.

В начале Великой Отечественной войны санитарная обстановка в стране заметно осложнилась, и важнейшей задачей становится борьба с инфекционными и эпидемиологическими заболеваниями. Вслед за соответствующим постановлением СНК РСФСР от 28 июля 1941 г. исполком Калининского облсовета 4 августа принимает решение о санитарных и противоэпидемических мерах в военное время. Согласно ему устанавливались временные зоны санитарной охраны водопроводов и источников водоснабжения, независимо от их ведомственной принадлежности; вводилось обязательное хлорирование воды во всех водопроводах; исполкомы районных и сельских советов с 5 августа должны были организовать круглосуточную охрану источников водоснабжения и общественных колодцев, привлекая население. В целях гарантий доброкачества продуктов на пищевых предприятиях требовалось обеспечить строжайший санитарный режим, предусматривавший усиление лабораторного контроля за сырьем, систематическое медицинское обследование работников и т. д. Планировался целый комплекс противоэпидемических мероприятий, проводимых

районными и городскими исполкомами, в том числе освобождение и обеспечение топливом помещений колхозных и совхозных бань, занятых не по назначению. К 1 сентября в состоянии полной готовности следовало привести все дезинфекционные и дезинсекционные установки, проводить санитарную обработку прибывающего по эвакуации гражданского населения. В случае необходимости нужно было предоставить в распоряжение органов здравоохранения на местах помещения, оборудование, транспорт для развертывания временных эпидемических коек. Руководители и персонал детских учреждений обязывались немедленно сообщать в ближайшее лечебное учреждение о каждом случае заболевания, а государственным санитарным инспекторам предоставлялось право налагать штраф до 50 р. на лиц, виновных в нарушении санитарных норм [7, л. 195–198].

5 февраля 1942 г. решением исполкома Калининского облсовета была образована областная чрезвычайная полномочная противоэпидемическая комиссия под председательством главы исполкома А.П. Староторжского. В районах и городах области появились аналогичные комиссии, в состав которых входили представители партийных, советских органов, НКВД, структур здравоохранения, а также гарнизонов и армейских санитарных служб [8, л. 1].

На заседании областной комиссии 2 марта 1942 г. эпидемическое положение в Калининской области было охарактеризовано как крайне тяжелое [9, л. 1]. Спустя две недели с этой оценкой согласилось бюро Калининского обкома ВКП(б) [10, л. 41]. Серьезную угрозу представлял собой сыпной тиф. Если в январе данное заболевание регистрировалось в девяти районах, то в марте уже во всех районах области. Наибольшее распространение сыпной тиф получил на освобожденных от оккупации территориях, где население было лишено нормальных жилищных условий, медицинской помощи, истощено; к тому же банное хозяйство оказалось в значительной мере разрушенным.

При анализе причин сложившейся ситуации констатировалось, что областной отдел здравоохранения не сумел оказать достаточную помощь западным районам в восстановлении сети лечебных учреждений и в целом неудовлетворительно организовал противоэпидемическую работу в области. Так, врачебные амбулатории в освобожденных районах были восстановлены на 63 %, стационарные – на 45 %, а по количеству коек – лишь на 3 % [10, л. 41]. По мнению комиссии, районные и городские исполкомы не придали должного значения проведению противоэпидемических мероприятий. Выяснилось, что высокий рост заболеваемости брюшным тифом в Калининском во многом являлся результатом слишком медленного проведения горсоветом мер по ликвидации эпидемической вспышки, в т. ч. отсутствия поголовного освидетельствования населения, а также запоздалого развертывания инфекционных коек, поздней диагностики и госпитали-

зации больных – в среднем на 12–14-й день болезни. Было отмечено, что государственная санитарная инспекция районов и городов укомплектована весьма слабыми кадрами, к тому же не использует все свои полномочия, в частности право наложения санкций на виновных в нарушении санитарных правил. Недостатком опыта у врачей и фельдшерского персонала зачастую объяснялась поздняя постановка точного диагноза. К началу 1943 г. в Калининской области было 88 санитарных врачей и эпидемиологов, из которых 73 человека впервые привлекались на подобную работу. Из 254 дезинструкторов и дезинфекторов 166 специалистов было выпущено в 1942 г. [10, л. 78]. Для повышения их квалификации, привития практических навыков проводилась целая серия конференций и семинаров. В мартовском решении противэпидемической комиссии содержалась просьба, обращенная к наркоматам здравоохранения СССР и РСФСР, о срочном направлении в города Калинин, Ржев, Великие Луки, Торжок, Торопец, Невель опытных санитарных врачей [9, л. 1–2]. Стоит отметить и проблему нехватки прививочных средств. Так, в Калязинском районе к маю 1942 г. из запланированных 8 000 прививок от брюшного тифа реально было сделано 4 222, а от оспы привили 968 чел. из 6 500 [11, л. 57].

На неудовлетворительную работу облздравира обратили внимание члены бюро Калининского обкома партии, указав его руководству на необходимость принятия более решительных мер по предупреждению и ликвидации эпидемических вспышек и обеспечению надлежащей работы лечебных учреждений. Тем же постановлением главам райсоветов и горсоветов предписывалось в срок до 5 мая закончить очистку населенных пунктов от отбросов и наладить в дальнейшем их регулярный вывоз, привести в порядок источники воды, установить их охрану, улучшить снабжение больниц продуктами питания, обеспечить квартирами, питанием и транспортом врачей, особенно вновь прибывших и командированных для противэпидемической работы. Для мобилизации общественности и депутатов рекомендовалось провести сессии местных советов с обсуждением затронутых вопросов, выдвижением на должности общественных санитарных уполномоченных самых активных, политически развитых людей [10, л. 42].

В свою очередь, облисполком принял ряд решений, обусловленных нарастанием инфекционных заболеваний, в т. ч. об увеличении с 1 458 до 6 088 количества коек для инфекционных больных. При всех городских и районных отделах здравоохранения следовало сформировать эпидемические отряды в составе помощника санитарного врача или санитарного фельдшера и двух дезинфекторов. Указывалось на необходимость организации медицинского и санитарного обслуживания гражданского населения, привлекаемого к выполнению оборонных работ [12, л. 3]. Для решения кадрового вопроса облздравотделу

разрешалось мобилизовать на работу по специальности неработающих или работающих не по специальности медицинских и аптечных работников. Медработников, направленных на противоэпидемическую работу в освобожденные районы, предлагалось приравнять по продовольственному снабжению к категории рабочих. Чтобы ослабить транспортную проблему, председатели райисполкомов освобожденных территорий обязывались к 5 апреля обеспечить все санэпидстанции, сельские врачебные участки и даже санитарных врачей конным транспортом за счет выбракованных Красной армией и переданных исполкомам лошадей. Главам городских и районных исполкомов предписывалось немедленно принять меры к освобождению зданий лечебных учреждений, занятых иными военными или гражданскими организациями [12, л. 4]. В мае облисполком принял очередное решение по предупреждению и борьбе с острыми желудочно-кишечными заболеваниями, в котором повторялись требования о регулярной очистке населенных пунктов от мусора и нечистот, круглосуточной охране источников водоснабжения и другие, что свидетельствует о неудовлетворительном выполнении прошлых решений [13, л. 42].

Для более ясного представления о санитарной обстановке в освобожденных от оккупантов населенных пунктах обратимся к данным соответствующих источников. Из протокола заседания Старицкой чрезвычайной противоэпидемической комиссии от 5 апреля 1942 г. узнаем об «исключительно тяжелом» эпидемическом положении в районе. В марте было зарегистрировано 38 случаев заболевания сыпным тифом в 15 населенных пунктах. Сам город Старица находился в антисанитарном состоянии: грязь и навоз на улицах и во дворах, переполненные уборные и помойные ямы, загрязненные жилые помещения. Отсутствие ассенизационного обоза очень затрудняло весеннюю уборку города. Нарушения санитарных норм фиксировались и в инфекционном отделении городской больницы. Так, некоторые сыпнотифозные пациенты лежали в собственном белье, обуви, даже верхней одежде. Неимение дров и транспорта для подвоза воды не позволяло проводить полноценную санитарную обработку помещений и больных.

Решение комиссии предусматривало целый ряд мер, направленных на улучшение ситуации. Для ликвидации дефицита больничного белья обратились сразу в несколько инстанций: райисполком попросили дать указания милиции о передаче отделу здравоохранения конфискованного белья, а районный потребительский союз обязать при очередном поступлении мануфактуры выделить необходимое количество ткани для заразных барачков больницы. Главу областного отдела здравоохранения Н.И. Ермолова также просили прислать возможное количество белья для старицкой больницы. Городской исполком призвали в течение трех дней открыть городскую баню,

начальника гарнизона – установить охрану колодцев, а там, где нет воинских частей, организовать общественную охрану. В целях замены отсутствовавшего ассенизационного обоза предлагалось мобилизовать колхозных лошадей для уборки нечистот с территории райцентра. Признавая усилия районных властных структур и должностных лиц по обеспечению нормальной санитарной обстановки недостаточно планомерными и результативными, комиссия предложила заведующему Старицким отделом здравоохранения и государственному санитарному инспектору представить на рассмотрение комиссии план противоэпидемической работы на 1942 г. Что касается членов самой комиссии, они были раскреплены по сельским советам для более эффективного контроля за выполнением противоэпидемических мероприятий на местах [9, л. 13–14].

Аналогичным образом развивалась ситуация в Осташковском районе, часть которого подверглась оккупации и была освобождена в январе 1942 г. В течение весны число сыпнотифозных возрастало, однако из-за острой нехватки медицинского персонала и отсутствия транспорта на селе многие оставались дома и не учитывались; в среднем госпитализировалось немногим более 60 % больных. В больницах не было дров, воды, продуктов. Очаги заражения сначала не обрабатывались вообще, и только в апреле военные выделили две дезкамеры, тогда же открылась городская баня и санпропускник в осташковской больнице. К борьбе с тифом привлекли 45 сандружинниц РОКК, санитарных уполномоченных, в район прибыли командированный наркоматом здравоохранения эпидемиолог и временный эпидотряд, а со стороны Северо-Западного фронта был выделен транспорт. Из документов следует, что негативную роль сыграла слабая организация медицинской помощи населению со стороны райздравотдела и райисполкома. Так, не было четкого распределения функций между работниками райздрава, поэтому они не чувствовали ответственности за конкретный участок работы; при проведении кольцевых санитарных обработок не соблюдался принцип одномоментности. Заведующий отделом здравоохранения в районе был снят с должности, дело передано в прокуратуру. Новый заведующий приложил немало усилий к ликвидации условий, способствовавших распространению тифа, но желанного перелома в борьбе с инфекцией в мае и июне не произошло [14, л. 8–9].

Этот факт отражен в июньской докладной записке заместителя заведующего торговым отделом облисполкома, направленного в г. Осташков с целью проверки выполнения решений о борьбе с сыпным тифом и острыми желудочно-кишечными заболеваниями. В большинстве дворов выгребные ямы и уборные оказались также переполнены, к тому же без крышек. Имевшиеся в распоряжении городской коммунальной службы шесть лошадей явно не справлялись с

вывозкой нечистот. На колхозном рынке в уборные были превращены пустующие ларьки и палатки, столы с пищевыми продуктами убирались редко, и щели прилавков забились грязью. За неимением спецодежды и нарукавников продавцы обходились без них. Анализ поступавшей сельхозпродукции не производилось, и в целом санитарный надзор за рынком полностью отсутствовал по причине назначения на должность районного госсанинспектора человека несведущего. Подобную антисанитарию проверяющий от облисполкома наблюдал и при посещении хлебозавода, вокруг которого скопились нечистоты, а внутри помещений было много мух, тараканов, крыс. Те же замечания сделала и областной эпидемиолог, побывавшая в городе [9, л. 32–35].

13 июля областная противоэпидемическая комиссия в своем постановлении предупреждала главу Осташковского райисполкома о персональной ответственности за результаты борьбы с тифом, обязывая его немедленно начать очистку райцентра, к 1 августа завершить наконец мероприятия по оздоровлению источников водоснабжения, а к 1 сентября закончить ремонт бань, дезкамер и лечебных учреждений в районе, обеспечить городскую больницу и баню запасом топлива на три месяца. Проблему отсутствия лошадей для ассенизационного обоза предлагалось решить путем использования волов [9, л. 30].

Судя по документам, и в некоторых тыловых районах выявлялась схожая картина. Например, по сведениям противоэпидемической комиссии, в г. Кашине уборка улиц велась нерегулярно, выгребные ямы были также переполнены по причине плохой организации работы ассенизационного обоза, а из 16 грунтовых колодцев в августе 10 оказались неисправны и не охранялись. На пищевых предприятиях отмечалась грязь и антисанитария. В Максатихинском районе колодцы оставались неучтенными, без охраны и ремонта; лишь изредка в них имелись общественные ведра. Резерв инфекционных коек для полной госпитализации больных желудочно-кишечными заболеваниями отсутствовал, план прививок против брюшного тифа выполнен только на 17,4 %. Мероприятия по медицинскому и санитарному обслуживанию эвакуированных и мобилизованных на лесозаготовки проводились с опозданием [9, л. 45–49].

Резкий рост заболеваемости сыпным тифом в области произошел в ноябре и начале декабря 1942 г. и был связан с осенней эвакуацией населения из 25-километровой прифронтной полосы. Самое большое число заразившихся наблюдалось в Кесовогорском, Сонковском, Овинищенском, Краснохолмском, Новоторжском, Старицком, Луковниковском, Зубцовском, Высоковском районах. Основная причина заключалась в том, что в этих районах допустили прием эвакуированных граждан и их расселение по колхозам без медицинского осмотра и санитарной обработки. (Следует уточнить, что подобные нарушения в

целом ряде случаев произошли не по вине местных властей, а из-за неожиданных изменений маршрутов эвакуации, в результате которых значительные массы людей прибывали в места, где их не ждали и не успевали подготовиться, создавая большую переуплотненность в жилых помещениях – Л.Б.) До 85 % заболевших являлись эвакуированными, в основном из Зубцовского района, выехавшими в инкубационный период, а 15 % – контактировавшие с ними и ранее эвакуированные. В Калязинском, Кашинском, Максатихинском районах заболевшие были выявлены в детских домах, и вновь среди детей, прибывших из Зубцовского района и не прошедших карантин [15, л. 67].

Однако и позднее не везде осуществлялось должное медицинское наблюдение за приехавшими и их санитарные обработки, отчасти из-за недостаточно ответственного отношения сотрудников здравоохранения, но во многом по причине малого количества бань и дезинфекционных камер, нехватки мыла и бактериологических препаратов для прививок. Получалось так, что между медосмотром и санитарной обработкой проходило слишком много времени, что способствовало заражению окружающих. Мнение о неудовлетворительном выполнении решений о строительстве бань и дезкамер на местах комиссия высказывала еще в октябре, когда стало известно, что из запланированных 1 525 бань в области построено было лишь 538, по другим сведениям несколько меньше, т. е. не более 34 % плана, а в колхозах оборудовано только 149 дезкамер, что было совершенно недостаточно [9, л. 63]. Тогда комиссия постановила, что к 1 января 1943 г. в каждом колхозе следует оборудовать дезкамеру простейшего типа – вошебойку и обязала руководителей хозяйств, а также учреждений и предприятий, имеющих дезкамеры, в 10-дневный срок выделить работников для обслуживания камер и направить их на краткосрочную подготовку, организованную структурами здравоохранения. В начале 1943 г. на территории 53-х районов Калининской области в 2 163-х колхозах не имелось бань, а значит, большая часть населения мылась в русских печах [10, л. 79].

В постановлении областной противоэпидемической комиссии, принятом 21 декабря 1942 г., был назван комплекс действий, выполнение которых должно было сократить возможности распространения сыпного тифа из западной части области в тыловую зону. Так, председателям исполкомов 15 районов следовало организовать санитарно-контрольные посты в составе среднего медработника и двух дружинниц РОКК или санинспекторов в населенных пунктах по границе 25-километровой прифронтальной полосы и расположенных по трактам движения населения. В местах нахождения санпостов нужно было выделить заезжие дома, подготовить бани и дезкамеры для обязательной санобработки прибывших, обеспечить возможности для не-

медленной госпитализации лихорадивших, а начиная с декабря 1942 г. проводить ежедекадные подворные обходы населенных пунктов, прикрепив в помощь медработникам учителей и комсомольцев. Во всех селениях требовалось выделить из сельского актива и домохозяек общественных санитарных инспекторов для каждых десяти дворов, возложив на них обязанности организации первичных санитарных и противоэпидемических мероприятий в рамках своих участков [10, л. 49–50].

Согласно данным областного отдела здравоохранения, максимальное количество заболевших сыпным тифом в Калининской области регистрировалось в марте, апреле и ноябре 1942 г. Так, в апреле их было 2 646 чел., в ноябре 1 647 чел. За 6 месяцев 1942 г. в регионе было зафиксировано 8 006 случаев, максимальное число заболевших появилось в Осташковском районе – 950 чел. за полгода и в Великолукском – 7045 больных за год [14, л. 6; 16, л. 16]. Кроме того, неблагоприятное положение наблюдалось в переживших оккупацию Старицком, Куньинском, Плоскошском, Молодотудском, Холмском районах, где очаги тифа остались после немцев, а также в восточных Бежецком и Максатихинском районах, где первыми заболевшими являлись эвакуированные из прифронтовой зоны и вернувшиеся из восточных регионов СССР люди, к которым не проявили должного внимания местные медики и представители власти. Недостаток бань имел также большое значение, например, во всех бежецких сельсоветах, за исключением двух, присутствовали тифозные больные, при этом район входил в число наименее обеспеченных банями [10, л. 77].

Сразу после освобождения Калинина от оккупантов в городе обнаружилось 30 больных брюшным тифом. В первой половине 1942 г. заболевание фиксировалось в 45 районах области, прежде всего в крупных городах. На протяжении всего периода максимальное число заразившихся находилось в областном центре, в среднем 58,4 % от общего количества больных по области. К середине 1942 г. было привито от брюшного тифа 53 300, а от дизентерии, к примеру, 84 430 жителей города [14, л. 10]. В сельских населенных пунктах встречались лишь единичные случаи данного заболевания.

Следует добавить, что помимо тифа сотрудникам здравоохранения приходилось вести борьбу и с другими опасными инфекциями. Так, в начале 1942 г. появились первые в области случаи туляремии. Диагноз был установлен медиками из войсковой части, расположенной на территории Осташковского района и позднее подтвержден специалистами фронтовой лаборатории. В течение января и февраля в районе заболели 47 чел. [14, л. 12]. В августе туляремия проявилась уже в трех районах: Бежецком, Завидовском, Лихославльском – всего 123 случая. Причем первые инфицированные регистрировались в мае и июне, но сначала их болезнь определялась как сыпной тиф или

лимфоденит, и только более опытные врачи-клиницисты при обследовании смогли верно продиагностировать туляремию. Заболели в основном взрослые трудоспособные люди при выполнении сельскохозяйственных работ, смертность отсутствовала. В названные районы отправились две бригады дератизаторов для выяснения масштабов распространения грызунов и борьбы с этими разносчиками заразы, были проведены подворные обходы, обследованы скирды сена на сенозаготовительных пунктах, прошли совещания со всеми медицинскими работниками. В целом по области вопросы о туляремии прорабатывались на пяти кустовых межрайонных совещаниях в Калинин, Вышнем Волочке, Осташкове, Сонкове и Торопце [14, л. 3–4].

Но в октябре и ноябре 1942 г. туляремия обнаружилась в ряде других районов, в т. ч. Зубцовском, Погорельском, Старицком. Выездная бригада специалистов, в состав которой входили агроном, лаборант, энтомолог, зафиксировала на местах чрезвычайно обильное размножение грызунов, особенно мышей-полевков, которых находили и в жилых домах по причине отсутствия специальных помещений для хранения хлеба. Среди населения проводилась дополнительная разъяснительная работа, а для организации противоэпидемических мероприятий в Октябрьский, Овинищенский, Сонковский и другие районы была направлена группа врачей, «вооруженных машинками для стрижки волос, термометрами максимальными для измерения температуры дезкамеры, дезсредствами и небольшим запасом хозяйственного мыла» [14, л. 69]. В очередном постановлении областной противоэпидемической комиссии указывалось на необходимость организации в каждом колхозе и совхозе специальных отрядов дератизаторов для борьбы с грызунами и отпуске им пищевых продуктов для приготовления отравляющих приманок [9, л. 61].

Добавим, что в 1942 г. неуклонно прирастало число перенесших дизентерию, которая, как и брюшной тиф, локализовалась прежде всего в Калининне. Повышение заболеваемости дизентерией и корью наблюдалось в мае. До этого калининские медики пользовались оставшимися с довоенного времени запасами сыворотки против кори, а в мае для изучения методики приготовления сыворотки в московский бактериологический институт был отправлен врач-бактериолог; в областной лаборатории готовились к открытию коревого отделения. В области присутствовала дифтерия, несмотря на то, что план прививок против нее был перевыполнен. Больше всего заболевших фиксировалось в Бежецком и Калининском районах [14, л. 10–12].

По сведениям отдела ЗАГС, смертность от инфекционных болезней в Калининской области за ноябрь 1942 г. составила 470 чел., т. е. 11,54 % от общего числа умерших. Из них 157 чел. умерли от дифтерии, 101 – от диспепсии, 70 – от дизентерии, 65 – от кори, 16 – от скарлатины, 44 чел. – от сыпного и 17 чел. – от брюшного тифа. В де-

кабре наибольшее количество инфицированных людей умерло от сыпного тифа – 146 чел. и от дифтерии – 130 чел. [17, л. 66 об., 72 об.]. Таким образом, мы видим, что даже в период подъема заболеваемости тифом сопоставимое и даже большее количество летальных исходов было связано с другими инфекциями, хотя внимание властей прежде всего направлялось на борьбу с тифозными заболеваниями.

Знакомство с архивными источниками показывает, что в 1942 г. санитарно-эпидемиологическая обстановка на территории Калининской области значительно осложнилась, что было связано с освобождением части временно оккупированных районов, массовыми миграционными процессами, недостатком материальных и кадровых ресурсов, обусловленным военным временем. Со стороны властей был предпринят целый комплекс мер по профилактике и ликвидации инфекционных заболеваний. Деятельность Калининской областной чрезвычайной полномочной противоэпидемической комиссии и многих районных противоэпидемических комиссий являлась эффективной. В деле борьбы с санитарным и эпидемиологическим неблагополучием проявилось взаимодействие армейских и гражданских структур медицинской службы.

Список литературы

1. Кузьмин М.К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны (очерки). – М.: Медицина, 1979. – 239 с.
2. Ахмадиева Н.В. Здоровье сельского населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война – героическая и трагическая страницы в истории советского народа. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 33–38.
3. Тряхов И.Л. Санитарно-эпидемиологическая обстановка во Владимирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. – 2014. – № 3. – С. 70–80.
4. Копылов Ф.В. Санитарные проблемы прифронтовых городов Вологодской области и их влияние на здоровье эвакуируемого населения в период Великой Отечественной войны // Военная история России: люди и события. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 137–141.
5. Белогурова Л.Н. Восстановление санитарно-эпидемиологической службы Курской области после оккупации в годы Великой Отечественной войны // Здоровье населения и среда обитания. – 2015. – № 5. – С. 11–13.
6. Мезит Л.Э. Состояние и деятельность системы здравоохранения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Красноярского края) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. – Казань: Ин-т им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – С. 290–296.
7. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-2043. Оп. 18. Д. 7.
8. ГАТО. Ф. Р-2319. О. 1. Д. 16.
9. ГАТО. Ф. Р-2043. Оп. 18. Д. 18.
10. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 954.
11. ТЦДНИ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 306.
12. ГАТО. Ф. Р-2043. Оп. 18. Д. 12.

13. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 530.
14. ГАТО. Ф. Р-2319. Оп. 1. Д. 18.
15. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 541.
16. ГАТО. Ф. Р-2319. Оп. 1. Д. 27.
17. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1152.

References

1. *Kuz'min M.K. Sovetskaya meditsina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (ocherki)* [Soviet medicine during the Great Patriotic war (Essays)]. – Moscow: Medicina, 1979. – 239 p.

2. *Akhmadiyeva N.V. Zdorov'e sel'skogo naseleniya Bashkirii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Health of the rural population of Bashkiria during the Great Patriotic war] // *Velikaya Otechestvennaya voina – geroicheskaya i tragicheskaya stranitsy v istorii sovetskogo naroda* [The great Patriotic war – heroic and tragic pages in the history of the Soviet people]. – Orenburg: OGPU, 2016. P. 33–38.

3. *Tryakhov I.L. Sanitarno-epidemiologicheskaya obstanovka vo Vladimirskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Sanitary and epidemiological situation in Vladimir region during Great Patriotic war of 1941–1945] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the peoples' friendship University of Russia]. Seriya: Istoriya Rossii. 2014. №3. P. 70–80.

4. *Kopylov F.V. Sanitarnye problemy prifrontovykh gorodov Vologodskoi oblasti i ikh vliyanie na zdorov'e evakuirovannogo naseleniya v period Velikoi Otechestvennoi voiny* [Sanitary problems of the frontline cities of the Vologda region and their impact on the health of the evacuated population during the Great Patriotic war] // *Voennaya istoriya Rossii: lyudi i sobytiya* [Military history of Russia: people and events]. – St.Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. P. 137–141.

5. *Belogurova L.N. Vosstanovlenie sanitarno-epidemiologicheskoi sluzhby Kurskoi oblasti posle okkupatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Restoration of sanitary and epidemiological service of Kursk region after occupation during the Great Patriotic war] // *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya* [Population health and habitat]. 2015. №5. P. 11–13.

6. *Mezit L.E. Sosnoyanie i deyatelnost' sistemy zdravookhraneniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam Krasnoyarskogo kraya)* [The condition and operations of the health system in the Great Patriotic war (according to the materials of the Krasnoyarsk region)] // *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 gg. v sud'bach narodov i regionov* [The Great Patriotic war of 1941–1945 in the destinies of peoples and regions]. – Kazan': Institut im. Sh. Mardzhani AN RT, 2015. P. 290–296.

7. *Gosudarstvennyi archive Tverskoi oblasti* [State Archive of the Tver' Region] (GATO). F. P-2043. Op. 18. D. 7.

8. GATO. F. P-2319. Op. 1. D. 16.

9. GATO. F. P-2043. Op. 18. D. 18.

10. *Tverskoi tsentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver' Center for Documentation of Recent History] (ТТсДНИ). F. 147. Op. 3. D. 954.

11. ТТсДНИ. F. 424. Op. 1. D. 306.

12. GATO. F. P-2043. Op. 18. D. 12.

13. ТТсДНИ. F. 147. Op. 3. D. 530.

14. GATO. F. P-2319. Op. 1. D. 18.

15. ТТсДНИ. F. 147. Op. 3. D. 541.

16. GATO. F. 2319. Op. 1. D. 27.

17. ТТсДНИ. F. 147. Op. 3. D. 1152.

И.И. Ханипова, Л.В. Галимьянова

**Церковь и клуб в нарративах жителей Ошторма-Юмья
Кукморского района Республики Татарстан
(Конструирование истории в устной традиции сельчан)**

В статье рассматриваются значение церкви и клуба в социокультурном пространстве села Ошторма-Юмья Кукморского района Республики Татарстан. Культурно-досуговый и мировоззренческий аспекты жизни села. В качестве источников авторы используют устные истории, сохранившиеся в памяти и рассказах представителей разных возрастных групп. Предметом исследования выступают как повседневные религиозные практики, так и праздничные традиции сельчан. На основе анализа нарративов показано конструирование двух историй – истории местной церкви и истории клуба, находившихся в одном здании в разные временные отрезки. Авторы приходят к выводу о важной роли устных исторических источников в сохранении социокультурной памяти села.

Ключевые слова: культура, клуб, церковь, устная история, населенный пункт, Республика Татарстан.

I.I. Khanipova, L.V. Galimianova

**Church and club in the narratives of residents of the Oshtorma-
Yumya village of Kukmor district, the Republic of Tatarstan
(Construction of history in the oral traditions of the villagers)**

The article discusses the importance of the church and the club in sociocultural space of the village of Oshtorma-Yumya of the Kukmor district of the Republic of Tatarstan. It also refers to the cultural, leisure and worldview aspects of the villagers. The authors use oral stories preserved in the memory of representatives of different age groups as the sources. The subject of the research is both everyday religious practices and holiday traditions of the villagers. Based on the analysis of narratives, the construction of two stories is shown – the history of the local church and the history of the club, located in the same building at different time intervals. The authors come to the conclusion that the role of oral historical sources in preserving the socio-cultural memory of the village is of great importance.

Key words: culture, club, church, oral history, settlement, the Republic of Tatarstan.

Повышенный интерес к социокультурной истории сел и деревень советского периода заставляет обращаться к новым антропологическим подходам в социогуманитарных исследованиях: устной истории,

культурной и социальной антропологии. Актуализируя значение методов устной истории (oral history), ее связей с социальной и ментальной историей, известный исследователь историко-культурного наследия населения Сибири Т.К. Щеглова отмечает научную значимость изучения исторической памяти современной деревни «в ее временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях» [см., напр.: 1; 2, с. 7]. Нельзя не согласиться и с научно-практическими свойствами памяти, которая, по мнению А. Ассман, «...необходима, чтобы вдохнуть жизнь в массив исторических знаний в виде смыслов, перспектив и социальной релевантности», в то время как «история нужна для критической проверки конструкций памяти, которые всегда формируются под воздействием определенной конфигурации власти и продиктованы насущными потребностями современности» [3, с. 24]. Подробно размышляя о локальных измерениях памяти, различиях между «пространством» и «местом», А. Ассман говорит об определенных местах как о зонах контакта между настоящим и прошлым [см. подробнее: 4].

Обращение к устно-историческим источникам, созданным авторами статьи в ходе глубоких, а также полуструктурированных интервью, к методике лангетюдного исследования неслучайно. На наш взгляд, использование метода oral history позволяет исследователю увидеть не только отражение образа прошлого, но и его видоизменения на протяжении определенного времени.

Неслучаен и выбор места – имевшее длительную историю с. Ошторма-Юмья уже в середине XIX в. было известно наличием Казанско-Богородицкой церкви и сельской приходской школы, на базе которой в 1885 г. была открыта земская школа. В советское время село долгое время являлось одним из культурных центров Кукморского района, здесь находились средняя школа, клуб и библиотека. На сегодняшний день село является центром Оштормаюмьинского поселения, объединяющего 7 населенных пунктов с числом жителей, по данным 2010 г., 1 489 чел. Почти 90 % населения Ошторма-Юмья – удмурты и кряшены, остальные – татары-мусульмане.

Благоприятная информационная среда современной Ошторма-Юмья, в т. ч. представленная исторической памятью ее уроженцев и жителей позволила провести микроисторический анализ советского и постсоветского периода истории села, ярко демонстрирующий характерную для многих сел и деревень республики трансформацию «церковь – клуб, клуб – церковь». К сожалению, уже практически ушли в небытие свидетели раннесоветской истории, чьи истории (косвенные свидетельства) частично сохранились в рассказах современников («Я помню, одна бабушка рассказывала...»).

Несмотря на закрытие церкви и передачу ее помещений под культурное учреждение, вера на селе не переставала жить. О сохранении религиозных взглядов среди населения свидетельствовал тот факт,

что 6 января 1966 г. Кукморский райком КППС провел семинар лекторов-атеистов, в рамках которого помимо докладов о задачах атеистического воспитания трудящихся, о медицине и религии, реакционной сущности религии, прошел обмен опытом проведения атеистической работы среди населения и целесообразности индивидуальной работы с верующими [5, л. 35].

Клуб в 1960–70-е гг. был для деревенских жителей фактически единственным, кроме колхозного производства, местом массового общения. Сельчане старших поколений рассказывают о веселье, хорошем настроении тех, кто посещал клуб несмотря на тяжелый сельскохозяйственный труд, танцах под гармонь, спектаклях и самодеятельных концертах, редких визитах киноустановок, становившихся «событием», поводом «выйти в люди». Клуб действительно стал в 1970-е гг. центром культурной жизни сельчан. В то же время его оборудование ярко демонстрировало неразвитость сельских культурных учреждений, явно недостаточное финансирование, что приводило к значительному отставанию от уровня культуры города.

Многие жители Ошторма-Юмьи – выходцы из соседней Старой Юмьи. Уроженец д. Старая Юмья В.Р. рассказывал о досуге сельчан в 1970-е гг.: «Я в Ошторма-Юмье с 1975 г. Помню открытие нового здания в Старой Юмье в 1974 г. Из райкома партии приезжал второй секретарь, были выступления, концертная программа была – деревенские ставили сами. Раньше все концерты сами делали. Мы в молодости по деревням ездили, особенно летом – на машине, на тракторе. Выступали и в клубе, и в поле на лужайке. В основном из Кукмора агитбригада ездила по полям, во время посевных и уборочных работ. Мы же – по деревням. Если клуба нет – просто на лужайке выступали. И танцы и песни, и стихи, иногда даже спектакли на удмуртском языке ставили. Раньше это очень было развито – спектакли ставить, это была инициатива молодежная. Сейчас сверху заставляют. Зимой на лошадях со спектаклями ездили (конец 1960-х – начало 1970-х). Залы полные. Телевизоры редко у кого были, очень плохо показывали. Спектакли для народа бесплатно, платно еще никто не знал тогда. Альфия Авзалова, когда старый клуб был, приезжала – вот такие платно концерты были. А мы – деревенские, все бесплатно выступали.

У нас завклубом Ольга Васильевна Александрова работала. Она готовила концерты. Все дети ее трое выучились на золотую медаль. Муж военный, потом учителем физкультуры, военруком. Очень активная семья. Маня¹ студенткой даже на телевидении выступала» [6]. Вместе с тем проверяющие из района умудрялись находить «серьезные» недостатки клубной работы в Ошторме-Юмье: отсутствие наглядных, художественно оформленных форм агитации – стендов,

¹ Мария – супруга интервьюера.

плакатов, посвященных 5-летнему производственному плану, сощобязательств колхоза, партийных решений и т. п. [7, л. 44].

О весомой роли клуба в свободном времяпровождении говорили и представители молодежи 1980–90-х гг. [8]. Д. Ромазанов, приезжающий в Ошторму-Юмью в родительский дом на выходные, рассказывая о досуге деревенской молодежи в 1990-е гг., о танцах, общении, веселье в деревенском клубе, проводил параллели с досугом «выходного дня» современных сельских подростков, реже выходящих на клубные вечера и даже во время посещения дискотеки умудряющихся «зависать» в телефонах [9]. «Сейчас хотят новый ДК построить, рассказывал старожил села, но пока денег нет. Программа есть о строительстве клуба на 50 мест, но надо на 100 мест, для деревни на 50 мест площадь маленькая. В очереди на строительство стоит первая. Старая Юмья – правление, административные. А культурный центр всегда в Ошторма-Юмья был – школа, церковь» [6].

Вместе с тем клубные работники продолжают прикладывать немалые усилия для сохранения традиционного народного досуга – игр и танцев. Так, работники Ошторма-Юмьинского и Старо-Юмьинского сельских клубов Л. Макарова, В. Тукташев, Н. Кусаева, М. Чернова во время летнего лагеря знакомили отдыхающих школьников с удмуртскими, татарскими и русскими народными танцами, играми, песнями и обрядами. А учитель-ветеран школы Л.П. Семенова научила детей игре «Чабата» («Лапти») и удмуртской народной игре «Зайнабей» [10].

В июле 2010 г. в селе была восстановлена православная община, здание церкви вновь передано верующим, начались восстановительно-реставрационные работы в помещении храма. Старинные фрески, обнаруженные в церкви во время ее ремонта, были написаны в 1897 г. специально приглашенным художником на средства прихожан, численность которых к началу XX в. доходила до 2 тыс. чел. [11]. Если для многих молодых прихожан они – свидетельства, иллюстрирующие историческую или бытовую среду давних времен, то для старшего поколения восстановленные из-под штукатурки и краски фрески – некий символ «советскости» и светскости помещения, в бытность его клубом. Традиционно в нарративах о разрушении храмов (как церквей, так и мечетей) прослеживается мотив – наказание за разрушение святого места (разрушавшие церковь – умерли). Похожая история сохранилась и в памяти ош-юмьинцев.

При соблюдении норм духовно-религиозной жизни важно восстановление храма как восстановление цельности общины. Открытие церкви в Ошторма-Юмье стало важным событием и для ее жителей и для выходцев из села. Однако с самим открытием храма связаны нарративы мистического характера. Так, по свидетельству О.В. Ромазановой, когда проходил первый молебен, в восстановленной церкви из-под земли доносились страшные жуткие стоны, неверо-

ятный крик [8]. При этом старшее поколение рассказывает, что в церкви на сегодняшний день очень спокойно, хорошо, несмотря на то, что несколько десятилетий здесь был клуб, танцы.

О роли церкви в жизни деревни рассуждает и младшее поколение. Маша и Саша, приезжающие каждое лето к родным в деревню, имеющие опыт посещения служб с родителями, с бабушкой, не понаслышке знающие о церковных праздниках. Дети не проявляют явной религиозности в обыденной жизни, но знают и соблюдают все заповеди, знают, кто из деревенских и приезжих детишек ходит в церковь, носит крестик, считают, что церковь дарит радость, помогает в раздумьях человеку, освобождает от тяжелых мыслей: «после церкви всегда станет легко и светло на душе...» [12].

«В деревне я провожу почти все лето и каждые выходные у бабушки с дедушкой. Я крещенка, в церковь хожу с мамой и сестрёнкой Юлей, папа иногда ходит». «После церкви наша душа становится чище, светлее, Бог прощает наши грехи (например, я жадничала, бабюшка в специальный день нас покрывает своим епитрахилем, мы ему рассказываем про свои грехи, читает молитву и отпускает наши грехи, иногда). Эта церковь дает нашей деревне спокойствие и мир в нашем селе – чтобы люди были добрые, дети с чистой душой, чтобы жители не были грубыми. Сюда приезжают из разных городов и деревень – сыновья и внуки к старым приезжают помогают, и некоторые ходят в церковь. А есть и с другой религией. В нашей деревне много удмуртов и крещен, татар мало. Но мы все равно все дружим, и дети вместе играем. Просто когда мы с ними уже познакомились-подружились – уже не хочется с ними расставаться. В Кукмор мы недавно переехали, все время жили в деревне, здесь хорошо» [13]. Нарративы о церкви выступают факторами, конструирующие идентичность села.

С храмом – сердцем села, тесно связаны религиозные обряды. Однако даже в бытность храма клубом жители Ошторма-Юмь, как и жители других деревень Кукморского района, продолжали сохранять обрядовые традиции. В материалах устной истории находит яркое отражение религиозная праздничная культура советской деревни. «В Пасху дети, ходили по домам, им подавали крашеные яйца – красила вся деревня, потом мы этими крашеными яйцами продолжали играть, нужно было. Я уже в 9–10 классе (1966–1967 г.), весна, проталины, около реки мы обычно собирались, холодное время, в деревне много снега было, катали яйца друг об друга, заденет не заденет, в лунку должны были попасть... попадали» [14].

По свидетельству Л.В. Галимьяновой, главным праздником православных жителей села являлась Пасха. «Конечно, в советский период с его атеизмом праздновать ее открыто запрещали. Главным символом являлись крашеные яйца. Дети собирали их только у близких соседей и родственников. Праздничный стол украшал вареный

гусь. Взрослые собирались только вечером, исключительно с родственниками (где-то 2–3, а где-то до 5–6 семей).

Более открыто стали отмечать в конце 1980-х годов. Традиции сохранились. Сейчас верующие идут в церковь на богослужение, раньше такой возможности не было. Дети, например, в Ошторма-Юмье собирают крашеные яички по всей деревне. Приезжает много гостей. Участвуют не только дети православных, но и неверующих, а также дети мусульман» [15].

О происходящей трансформации в праздничной и досуговой культуре жителей села свидетельствуют рассказы сельчан о традициях и новшествах в сфере культуры в позднесоветское время. «Раньше в советские времена многие не знали о Рождестве (за исключением истинно верующих). Сейчас верующие идут в церковь. Проводят для детей Рождественскую елку. Взрослые ходят друг к другу в гости. После Рождества начинаются святки. В 1960–70-е гг. во время святок некоторые взрослые, но особенно дети, переодевались в разные костюмы (медведя, Бабы Яги, лешего, повара и т.п.). Они ходили по домам, плясали, старались говорить не своим голосом. Учителя запрещали, если увидят, то старались поймать. Высмеивали в стенгазетах. Но эта традиция все равно продолжалась. Сейчас никто не запрещает, но как ни странно, эта традиция забывается. У детей, видимо, другие интересы» [15].

«На Троицу сельчане по-прежнему ходят на кладбище. Сейчас может быть утерян религиозный смысл, но ее отмечают как День поминовения усопших. Если раньше несли целую сумку угощения, включая вино, то теперь все больше людей от этого отказались. А идут просто отдать дань памяти своим родственникам, ушедшим в иной мир. Раньше много людей приезжали на Сабантуй, то теперь наоборот, приезжают на Троицу» [15].

И на сегодняшний день в деревне живут православные традиции, например отмечать Рождество. Секулярно-политизированный праздник Нового года для оштормаюмьинцев отошел на второй план. В Оштома-Юмье вновь восстановлены старые традиции – для жителей и приезжающих из города гостей в клубе устраивается рождественская елка и спектакль силами самих гостей и сельчан. Сохраняется по сей день и новогодняя атрибутика советской эпохи с ее символикой (Дед Мороз с мешком подарков, Снегурочка, елка, украшенная игрушками и др.), елка-утренник проводится для школьников.

С теплом и любовью рассказывает 10-летняя Аня Нигматуллина о своем опыте участия в церковных праздниках. «Жизнь в городе отличается от деревенской. В городах несколько храмов и мечетей. А в нашей деревне одна. Здесь мы всей деревней отмечаем Новый год, Рождество, Масленицу, Пасху, и дни рождения родных и друзей. Мне больше всего нравятся Рождество и Пасха. В Рождество мы дарим

подарки и исполняем сценку в воскресной школе (в Кукморе), в деревне тоже мои братья и сестры и друзья ставят рождественскую сказку в клубе. А в Пасху мы собираемся все вместе – все родные в одно время, и идем собрать сладости и пасхальные яйца. Мы сперва идем на самый верх в конец нашей деревни, а заканчиваем на другой улице нашей деревни. Мы заходим в каждый дом (где нет злых собак) и кричим "Христос Воскрес" и в кряшенские и в удмуртские и даже татарские дома. Потом хозяева дома нас встречают и отвечают «Воистину воскресе» и угощают сладостями. Когда пройдем все дома идем домой и считаем – у кого сколько подарков и яиц, а потом все вместе празднуем и их кушаем» [13].

В дни православных и деревенских праздников проявляется активная гражданская позиция многих сельских семей. Многодетная семья Любови и Владимира Ивановых, теперь уже большая многопоколенная семья, собирающаяся в уютном родительском доме не только в праздники, но и при первой возможности, дружной ватагой от мала до велика участвует в рождественских мероприятиях, которые проводятся в деревенском клубе. Все поколения знакомы с христианскими традициями, чтимыми в доме, при этом свободно разговаривают на русском, татарском и удмуртском языках. Одному из авторов 6 января 2019 г. посчастливилось принять участие в праздновании Рождества Христова, наблюдать за исполнением христианских религиозных обрядов, в то время как на столе стояли исконно татарские национальные блюда (например, бэлиш), а разговор велся на удмуртском и татарском языках. Неудивительно, что некоторые прихожане, посещающие сельский храм – кряшены, прекрасно говорят не только на татарском, но и удмуртском языках, чтят и уважают традиции и культуру всех народов, проживающих на селе.

История храма, тесно связанная с настоящим села, продолжает конструировать историю места. Жители деревни, а также жители всех окрестных и даже дальних деревень, приезжающие на службы, помогают восстановлению церкви. Неоднократные обращения к районным властям с просьбой об оказании материальной помощи не всегда заканчиваются положительным решением. Так, на сходе граждан села, состоявшегося 19 августа 2019 г., сельчане вновь подняли вопрос перед администрацией района о выделении финансирования на капитальный ремонт и установление купола, привезенного из с. Нырьи, где был установлен новый купол. По словам ошторминцев, «в с. Нырья сильный колхоз – «Рассвет», и он оказывает помощь церкви» [6]. Сегодня при церкви работают прихожане по собственной инициативе, в частности, бывшая учительница начальных классов.

Заметим, что приход Казанской иконы Божьей Матери с. Ошторма Юмья, не единственный в районе. В первое десятилетие XXI в. были вновь открыты Петропавловская церковь в Кукморе, Свято-Троицкая

церковь в с. С. Чура, Космодемьянская церковь в с. Нырья – официально зарегистрированные православные религиозные организации. Эти церкви, а также действующие Петропавловская церковь в с. Яныль, Никольская в с. Чарли, ведут духовно-просветительскую, социальную и благотворительную работу, оказывая заметное влияние на жизнь района [16, с. 116–117]. Уничтоженные в результате государственной антирелигиозной политики в 1930-е гг., возрожденные храмы на сегодняшний день оказывают духовную поддержку разным социальным группам – ветеранам, инвалидам, воспитанникам детского приюта и детского реабилитационного центра. Более того, в приходах Свято-Троицкой и Космодемьянской церкви богослужения совершаются на удмуртском и татарском языках (для удмуртов и кряшен), при этом усиленное внимание уделяется межнациональному и межконфессиональному миру и согласию. Священники этих приходов, активно противодействуя пьянству, алкоголизму и наркомании, пропагандируют здоровый образ жизни, возвращают сельчан к традиционным и семейным ценностям [16, с. 119].

В целом, фиксируя и документируя эмпирический опыт нескольких поколений сельчан, устная история способствует сохранению не только индивидуальной, семейной, но коллективной исторической памяти о традиционной культуре российского общества.

Список литературы

1. Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 364 с.
2. Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. – Барнаул: АлтГПУ, 2018. – 508 с.
3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Нов. лит. обозрение, 2016. – 232 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Нов. лит. обозрение, 2018. – 328 с.
5. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 522(П). Оп. 1а. Д. 279.
6. Интервью с жителем с. Ошторма-Юмья Кукморского района В.Р., 1950 г.р., 18–21 августа 2019 г. // Архив И.И. Ханиповой.
7. ГА РТ. Ф. 522(П). Оп. 1а. Д. 409.
8. Интервью с уроженкой с. Ошторма-Юмья Кукморского района О.В. Ромазановой (Ивановой), 20 августа 2019 г. // Архив И.И. Ханиповой.
9. Интервью с уроженцем с. Ошторма-Юмья Кукморского района Д. Ромазановым, 28 октября 2019 г. // Архив И.И. Ханиповой.
10. Стартинейджер – Танцы народов мира. – URL: <https://edu.tatar.ru/kukmor/o-yumya/sch/read-news/2099229> (дата обращения: 21.08.2019).
11. Во время ремонта церкви в селе Ошторма Юмья обнаружены старинные фрески // Православие в Татарстане. Информационно-просветительский сайт Татарстанской митрополии. – URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/hramy_tatarstana/?id=43907 (дата обращения: 21.09.2019).

12. Интервью с М.Д. Ромазановой, 2008 г.р., А.Д. Ромазановым, 2009 г.р. 20 августа 2019 г. // Архив И.И. Ханиповой.
13. Интервью с Анной Ильгизовной Нигматуллиной, уроженкой г. Кукмора, 2009 г.р. 23 августа 2019 г. // Архив И.И. Ханиповой.
14. Интервью с жительницей с. Ошторма-Юмья Марией Рамазановой, 1951 г.р. 6 января 2019 г. // Архив И.И. Ханиповой.
15. Интервью с жительницей с. Ошторма-Юмья Л.В. Галимьяновой. 17 ноября 2019 г. // Архив И.И. Ханповой.
16. Кукморский край. Т. 2 / авт.-сост. А.С. Сафина. [Б/м]: Изд. дом «Новости МИРА», 2010. – 280 с.

References

1. *Shcheglova T.K. Ustnaya istoriya: ucheb. posobie* [Oral history]. – Barnaul: AltGPA, 2011. – 364 p.
2. *Shcheglova T.K. Kul'tura i byt russkogo sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v 1930–1950-kh gg.: zhilishche, pishcha, odezhda, semeinye i trudovye traditsii* [Culture and everyday life of Russian rural population of the South of Western Siberia in the years 1930–1950: dwelling, food, clothing, family and labor traditions]. – Barnaul: AltGPU, 2018. – 508 p.
3. *Assman A. Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New dissatisfaction with the memorial culture] / Per. s nem. B. Khlebnikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 232 p.
4. *Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [A Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics] / Per. s nem. B. Khlebnikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. – 328 p.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT)*. [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 522(P). Op. 1a. D. 279.
6. *Interv'yu s zhitelem s. Oshorma-Yum'ya Kukmorskogo raiona V.R., 1950 g.r., 18-21 avgusta 2019 g.* [Interview with an Oshorma-Yumya village resident of V.R., born in 1950/ August 18-21, 2019] // Arkhiv I.I. Khanipovoi.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT)*. [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 522(P). Op. 1a. D. 409.
8. *Interv'yu s urozhenkoi s. Oshorma-Yum'ya Kukmorskogo raiona O.V. Romazanovoi (Ivanovoi), 20 avgusta 2019 g.* [Interview with the native of Oshorma-Yumya village O.V. Romazanova, August 20, 2019] // Arkhiv I.I. Khanipovoi.
9. *Interv'yu s urozhentsem s. Oshorma-Yum'ya Kukmorskogo raiona D. Romazanovym, 28 oktyabrya 2019 g.* [Interview with the native of Oshorma-Yumya village D. Romazanov, born in 1977. October 28, 2019] // Arkhiv I.I. Khanipovoi.
10. *Startineidzher – Tantsy narodov mira* [Startager – Dances of the peoples of the world]. Available at: <https://edu.tatar.ru/kukmor/o-yumya/sch/read-news/2099229> (accessed: 1.08.2019).
11. *Vo vremya remonta tserkvi v sele Oshorma Yum'ya obnaruzhilis' starinnye freski* [During the repair of the church in the village of Oshorma Yumya ancient frescoes were discovered]. *Pravoslavie v Tatarstane. Informatsionno-prosvetitel'skii sait Tatarstanskoi mitropolii* [Orthodoxy in Tatarstan. Educational site of the Tatarstan Metropolis]. Available at: https://tatmitropolia.ru/all_publications/hramy_tatarstana/?id=43907 (accessed: 21.09.2019).
12. *Interv'yu s M.D. Romazanovoi, 2008 g.r., A.D. Romazanovym, 2009 g.r. 20 avgusta 2019 g.* [Interview with M.D. Romazanova, born in 2008, A.D. Romazanov, born in 2009. August 20, 2019] // Arkhiv I.I. Khanipovoi.

13. *Interv'yu s Annoi Il'gizovnoi Nigmatullinoi, urozhenki g. Kukmora, 2009 g.r. 23 avgusta 2019 g.* [Interview with Anna Nigmatullina, born in Kukmor in 2009. August 23, 2019 // I.I. Khanipova] // Arkhiv I.I. Khanipovoi.

14. *Interv'yu s zhitel'nitsei s. Otorma-Yum'ya Mariei Ramazanovoi, 1951 g.r. 6 yanvarya 2019 g.* [Interview with an Oshtorma-Yumya village resident Maria Ramazanova, born in 1951. January 6, 2019] // Arkhiv I.I. Khanipovoi.

15. *Interv'yu s zhitel'nitsei s. Otorma-Yum'ya L.V. Galimyanovoi/ 17 noyabrya 2019 g.* [Interview with an Oshtorma-Yumya village resident L.V. Galimianova. November 17, 2019] // Arkhiv I.I. Khanipovoi.

16. *Kukmorskii krai* [Kukmor District]. T. 2 / Avt. sost. A.S. Safina. [B/m]: Izdatel'skii dom «Novosti MIRA», 2010. – 280 p.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 364-055.26(470.23-25)(091)

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

О.А. Семёнова

Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока»*

В статье дается характеристика деятельности социально ориентированной благотворительной организации «Капля молока» и причин появления такого учреждения. На основании архивных материалов и отчетов учреждения делается вывод, что сотрудники «Капли молока» не только готовили «детское молоко» и снабжали им неимущих матерей, но и вели просвещение матерей – беседовали, устраивали систематические чтения по вопросам вскармливания детей и ухода за ними, организовывали выставки. Задача «Капли молока» заключалась в том, чтобы по возможности дольше сохранить связь между матерью и ребенком. Можно утверждать, что деятельность «Капли молока» являлась одним из средств борьбы с детской смертностью.

Ключевые слова: материнство и младенчество, благотворительность, «Капля молока», детское питание, уход за ребенком, А.В. Попова.

O.A. Semenova

The care of mothers and babies in St. Petersburg in the early XX century on the example of the city "Drop of milk»

The article characterizes activities of a socially oriented charitable organization – the city “Drop of milk” and the reasons for emergence of such an institution. On the base of archival materials and reports of the institution, it is concluded that the staff of “Drop of Milk” not only prepared “baby milk” and supplied the poor mothers with it, but also educated mothers – talked, arranged systematic readings on the issues of feeding and caring for children, organized exhibitions. The aim of “Drop of Milk” was to keep the connection between mother and child as long as possible. It can also be affirmed that the “Drop of Milk” activity was one of the means of combating infant mortality.

Key words: motherhood and infancy, charity, "Drop of milk", infant feeding, child care, A.V. Popova.

В начале XX в. в медицинской литературе активно обсуждалась проблема детской смертности в России и методы борьбы с ней [1–6].

* При поддержке гранта Президента РФ, проект МД-3743.2018.6.

© Семёнова О.А., 2019

© Semenova O.A., 2019

Одной из причин этого явления считалось отсутствие у матерей необходимых знаний о правильном уходе за грудными детьми. Несмотря на то, что к этому времени сложилась практика раздачи в городских родильных приютах матерям распечатанных правил ухода, проблема не была решена. Женщины по-прежнему не знали, где достать хорошее коровье молоко и как соблюсти чистоту при приготовлении молока для грудного ребенка. Именно несоблюдение самых простых санитарных правил ухода и вскармливания приводило к большой смертности младенцев. На это обстоятельство было обращено внимание городских врачей-акушеров. Специалисты высказались за необходимость образования таких учреждений, где бы неимущие матери могли бы получать бесплатно от города коровье молоко для вскармливания детей, так называемое «детское молоко» [7]. Для этой цели постановлением Городской думы от 7 ноября 1908 г. был установлен бесплатный отпуск из городских амбулаторий и городского приюта для недоносков молока для кормления детей неимущего населения столицы [8, л. 7]. Затем на отпущенный по ходатайству санитарной комиссии кредит в 14 000 р. было образовано в 1909 г. учреждение «Капля молока» при городском приюте для недоношенных детей¹. В январе 1910 г. это заведение перевели на Свечной пер. в дом № 6 на 4-й этаж. На двери была размещена вывеска с надписью «Гор. Капля молока. Бесплатная раздача молока бедным матерям» [9, л. 11].

Помещение состояло из девяти комнат, снабженных всеми необходимыми приборами и приспособлениями [9, л. 142]. Две комнаты были отведены для амбулатории, три – для молочной кухни (в одной из них была лаборатория, в двух других – стерилизационная и для мытья бутылок) и три – для фельдшер и служительского персонала. Амбулатория занимала две комнаты, так как одна была для «ожидания», другая для взвешивания детей, она же служила кабинетом врача.

В проекте временных правил для учреждения «Капля молока» было записано, что данное городское учреждение – это орган санитарной комиссии, находящийся под наблюдением местного окружного санитарного попечителя и в заведывании врача педиатра [9, л. 84–84 об.]. Главным в работе было готовить «детское молоко» и снабжать им неимущих матерей, вести с ними беседы, устраивать систематические чтения по вопросам вскармливания детей и ухода за ними. Кроме того, здесь же делали бесплатное прививание детей от оспы [9, л. 143 об.].

¹ С 1901 г. по 1909 г. было организовано благотворительное учреждение «Капля молока» при городском приюте недоносков под руководством В.О. Губерта.

Специалисты учреждения постоянно подчеркивали свой ключевой принцип: кормление грудью есть основное правило, а откармливание или полностью искусственное кормление только исключение [10, с. 4]. Задача учреждения заключалась в том, чтобы по возможности дольше сохранить связь между матерью и ребенком. Поэтому «Капля молока» не имела своей целью поощрение искусственного вскармливания в ущерб кормлению грудью.

Для приобретения опыта заведующая городской «Каплей молока» А.В. Попова была направлена в командировку в Берлин (учреждение Fursorgestellen), Париж и Брюссель (учреждение Goutte de lait) для осмотра заведений по борьбе с заболеваемостью детей грудного возраста [9, л. 22]. В своем отчете она писала, что в Берлине Fursorgestellen располагались в рабочих районах и содержались на средства города. Там бедные матери получали бесплатно наставления о целесообразном и правильном вскармливании ребенка и врачебные советы. Особо подчеркивалось, что кормящие грудью получали денежные премии, не кормящие – молоко, даром или за умеренную плату. Также в отчете была приведена статистика работы семи Fursorgestellen за 1908 г. [9, л. 22], условия работы персонала, организация выдачи молока матерям, описание молочных ферм и требования к детскому молоку. Подробно описывались помещения, в которых проходили осмотры детей, консультации врачей и выдача молока. Задача этих учреждений главным образом была профилактическая. Для них было необходимо, чтобы грудные дети попадали под контроль как можно раньше, так как при условии кормления грудью матери получали премии. К тому же грудные дети должны были находиться под контролем врача, чтобы отслеживать смертельные случаи и причины смерти.

В Санкт-Петербургской «Капле молока» придерживались похожей организации деятельности. Служительницы должны были перед началом работы тщательно вымыть руки теплой водой со щеткой и мылом, надеть чепчик и поверх платья чистый закрытый фартук. Бутылочки стерилизовали следующим образом «...наполнить ванну при аппарате для мытья бутылок теплым раствором соды; осмотреть щетки, ремни и педаль, если нужно, смазать машину маслом; осмотреть кран для поступающей стерилизованной воды; тщательно вычистить подставку для просушки бутылок. В ванне с раствором соды бутылки вымачиваются и вычищаются от видимых следов молока, особенно тщательно дно и горлышко. Затем бутылки моются щетками машины. По окончании мытья ополаскиваются стерилизованной водой из машины с 12 фонтанчиками. После ополаскивания ставятся горлышком вниз в подставку для просушки бутылок» [11, л. 20].

Для выполнения задач врачу требовалось ежедневно не менее 4–5 ч рабочего времени, не считая посещения родильных приютов. У

фельдшериц (их было две) рабочий день длился с 6.00 до 18.00. Их утро начиналось с приготовления молока и питательных смесей, с 10.00 до 13.00 фельдшерицы были заняты отпуском молочных продуктов, с 14.00 они участвовали в амбулаторном приеме, т. е. взвешивали детей, купали их, прививали от оспы, вели регистрационные записи [12, л. 60]. В опросных листах фиксировалось, когда производилось обследование, имя ребенка, когда родился ребенок, возраст, адрес проживания, статус рождения (в браке / внебрачный), имя отца, заработная плата за неделю (отца и матери), имя и возраст матери, национальность, грамотная / неграмотная, сфера деятельности, наличие пособий, условия проживания и плата за жилье, сколько помещается в одной комнате взрослых и детей, величина комнаты и количество окон, этаж, состояние жилого помещения, наличие клопов и заболевших, есть ли в помещении ещё дети, вид кормления, где спит ребенок, дают ли ему соску [13, л. 3].

По статистике больше всего детей поступало с заболеваниями, связанными с недостатком «света, воздуха и питания». Так, например, в 1910 г. рахитиков было 283 чел., страдающих желудочно-кишечным катаром – 173 чел., золотухой – 62 чел., туберкулезом – 11 чел., с заболеваниями дыхательных путей – 24 чел., кожных – 53 чел. Средний вес доношенного ребенка считался в норме 3–3,5 кг, а были случаи, когда вес был равен 1,8 кг. Кроме того, среди поступивших были и такие дети: «одиннадцатимесячный ребенок с весом 5,35 кг, вместо 9 кг, семи с половиной месячный с весом 4,45 кг, восьмимесячный с весом 3,43 кг». Возраст младенцев колебался от одной недели до одного года [14, с. 4].

В «Каплю молока» обращались родители, которые были чернорабочими, поденщиками, мелкими ремесленниками, нищими, извозчиками, безработными, прачками, портнихами, фабричными [9, л. 87–88]. Большинство клиентов проживали в углах, в одной комнате, на кухне, в квартирах [15]. Причем родители вместе с детьми сами обитали в кухне или занимали одну комнату, остальные комнаты сдавали для покрытия расхода по найму квартиры.

В 1910 г. услугами «Капли молока» воспользовалось 824 чел., а к 1914 г. число их возросло до 1 588 в год. Среднее количество лиц, являвшихся на амбулаторный прием, в 1910 г. было около 18 в день, между тем как в 1914 г. оно увеличилось до 35,6. Иногда посещаемость амбулатории возрастала до 50 и даже до 60 чел. в день, количество отпускаемого молока составляло в день около 1 000 рожков и более 300 бутылок. Число же пользующихся услугами питательных смесей увеличилось, сравнительно с 1910 г., вдвое (было 8, стало 16) [12, л. 60]. Наконец нельзя не отметить, что молочная лаборатория заготавливала молоко и питательные смеси не только для нужд названного учреждения, но и для заведения под названием «Помощь

матерям» при IV городском попечительстве о бедных и для грудного отделения яслей 7-го попечительства о бедных.

Матери приносили детей для врачебного осмотра, взвешивания, назначения количества и состава молока каждые две недели. Ежедневно им выдавалась проволочная корзинка с семью бутылочками «детского молока», каждая закрытая резиновым колпачком [16, с. 212]. С 1911 г. в ответ на многочисленные просьбы «выкупать ребенка в учреждении» неимущим матерям, обитавшим в сырых углах и мансардах, была предоставлена возможность пользоваться ванной. Купание детей происходило под наблюдением фельдшерского персонала. Всего в течение 1911 г. было сделано 350 ванн [17, с. 260].

С разрешения санитарной комиссии с октября месяца 1911 г. была сделана попытка платной выдачи молока по удешевленной цене. Для этого учреждение стало изготавливать следующие виды смесей [9, л. 131]:

I. $\frac{1}{3}$ молока + $\frac{2}{3}$ (воды, рисового отвара, ячневового, овсяного) + 4 % свекольного сахара, 8 % молочного сахара, 8 % питательного сахара.

II. $\frac{1}{2}$ молока + $\frac{1}{2}$ (воды, рисового отвара, ячневового, овсяного) + 4 % свекольного сахара, 8 % молочного сахара, 8 % питательного сахара.

III. $\frac{2}{3}$ молока + $\frac{1}{3}$ (воды, рисового отвара, ячневового, овсяного) + 4 % свекольного сахара, 8 % молочного сахара, 8 % питательного сахара.

IV. Цельное молоко.

V. Овсяный, рисовый, ячневый отвар с 4 % обыкновенного сахара.

VI. «Pegnin-Milch» – молоко, обработанное Pegninom в различных пропорциях с водой и обыкновенным сахаром.

VII. Снятое молоко в разведении, как II и III смеси.

VIII. Liebig-Kellerовский суп.

IX. Суп Fenkelsteina при экземах грудного возраста.

X. Пахтанье по Texiera de Mattos.

Молочные смеси отпускались, только если молоко и другие питательные смеси назначались врачами; в заказе должен был быть точно указан номер смеси, обозначенный римскими цифрами или степень разведения молока ($\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$), отвар (рисовый, овсяный, ячневый), род сахара (обыкновенный, молочный, питательный д-ра Soxleta), а также количество бутылочек и количество смеси в каждой из бутылочек. При установке дозировки молока принимался в расчет вес и возраст ребенка и количество молока у матери. Заказ, сделанный до 18.00, выполнялся на следующий день, а смеси для новорожденных – через 2 ч после требования. Плата за смеси происходила каждый понедельник за неделю вперед. В случае несвоевременной оплаты выдача молока осуществлялась еще в течение двух дней, а затем

прекращалась. Учреждение также практиковало доставку молока на дом за плату в 1,5 р. в месяц сверх платы за сам продукт [9, л. 131 об.].

Врачебная помощь в «Капле молока» сопровождалась просветительской работой. А.В. Попова проводила с матерями систематические беседы по вопросам, относящимся к уходу и правильному кормлению ребенка. В виду того, что многие матери служили на фабриках и заканчивали свою работу к вечеру, городская «Капля молока» установила врачебные консультации по вечерам [18, с. 225]. В программу бесед входили следующие вопросы: уход за новорожденным ребенком; легкая охлаждаемость ребенка; меры предосторожности; вес при рождении; уход за глазами и ножками; ванны; сон ребенка; нагноение пупка; бленнорея глаз. Меры борьбы с этим злом; молоко матери – лучшая пища для детей; различие смертности детей, вскармливаемых грудью и вскармливаемых искусственно; правила кормления недоношенных детей; врожденная слабость. Уход за ними. Грелки; кормление с ложечки. Навертывание в вату; искусственное вскармливание. Правила кормления; промежутки между кормлениями; продолжительность кормлений; испражнения детей. Перекармливание; прорезывание зубов. Молочные зубы; первые шаги ребенка; болезни желудка и кишечника. Детская холера. Глисты; английская болезнь и золотуха; оспа и оспопрививание; помощь в несчастных случаях с детьми; приготовление и применение горчичников и детских клистиров и ванн [11, л. 68, 71].

Помимо матерей «Каплю молока» посещали как петербургские, так и провинциальные врачи. В «Каплю» присылались письменные запросы из провинции как относительно устройства учреждений, так и приготовления детской пищи. В связи с этим в конце 1915 г. санитарная комиссия наметила план для организации курсов сельских попечительств. Курсы сестер попечительства были для лиц двух категорий: 1) с общим образованием 2) с медицинской подготовкой [19, с. 39–39, 41]. По этой программе А.В. Попова должна была вести некоторые практические занятия.

Годом ранее, в 1914 г., санитарная комиссия для представления в Городской думе подготовила доклад по вопросу о необходимых преобразованиях детальности «Капли молока», об изменении штатов этого учреждения и о присвоении ему наименования «Городская консультация для матерей и грудных детей» [20, л. 65]. Но закончилось всё только обсуждениями. Лишь в 1916 г. к этому вопросу вернулись снова, и Дума постановила «признать деятельность «Капли молока» рациональной и новое положение... поручить санитарной комиссии, изменить название учреждения, не употребляя иностранное слово консультация, более понятным для простого народа русским словом...» [12, л. 114]. Новые правила должны были вступить в силу с 1 января 1917 г.

Подводя итог, можно сказать, что учреждение городская «Капля молока» действительно являлось одним из средств борьбы с детской смертностью, изготавливая и распространяя детское питание среди беднейших слоев населения столицы [21, 22], прививая младенцев от оспы и осуществляя патронаж.

Об этом месте писали, что оно «поражает своим образцовым устройством и царящей в нем чистотой» [1, с. 7]. Подобного рода учреждения являлись не только точкой «питания» детей, но центром распространения знаний об уходе за новорожденными, своего рода «школой» для матерей. И главное, здесь следовали принципу, что искусственное вскармливание не может быть заменено грудным, а должно быть только вспомогательным средством.

Список литературы

1. Иванов В.М. Детская смертность и значение «Капли молока» в борьбе с нею. – Новочеркасск: Тип. «Дмитрий Печатников», 1911. – 35 с.
2. Гундобин Н.П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею: лекция, чит. 6 июня 1906 г. на I Рос. педол. съезде. – СПб.: Лит.-мед. журн. д-ра Окса, 1906. – 31 с.
3. Гундобин Н.П. Жизнь ребенка. – СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1901. – 114 с.
4. Шестакова О.А. Детская смертность в России. – СПб.: Тип. «Родник», 1914. – 10 с.
5. Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 77 с.
6. Зайцева С.В. Российские и международные съезды по вопросам призрения незаконных детей и подкидышей в конце XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – Сер. История. – 2008. – № 4. – С. 92–97.
7. Мицюк Н.А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 2 (75). – С. 90–104.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф 210. Оп. 1000. Д. 14.
9. ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 426.
10. Ямпольский С.М. Задачи и организация учреждений «Капля молока». – Харьков: Тип. «Печатное дело», 1912. – 5 с.
11. ЦГИА СПб. Ф 210. Оп. 1. Д. 592.
12. ЦГИА СПб. Ф 513. Оп. 117. Д. 130.
13. ЦГИА СПб. Ф 241. Оп. 1. Д. 14.
14. Губерт В.О. Капля молока (Goulte de lait) как благотворительно-гигиеническая организация и участие в ней городских аптек. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1904. – 13 с.
15. Верременко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. История. – 2012. – Т. 4. – № 3. – С. 18–31.
16. Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1909 г. Ч. XII. Санитарная комиссия. – СПб.: Городская тип., 1912. – 228 с.
17. Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1911 г. Санитарная комиссия. – СПб.: Городская тип., 1914. – 390 с.

18. Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1910 г. Ч. XII. Санитарная комиссия. – СПб.: Городская тип., 1913. – 231 с.
19. Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. – Петроград: Тип. В. Безобразов и К., 1917. – 110 с.
20. ЦГИА СПб. Ф 210. Оп 1. Д. 1000.
21. Мицюк Н.А. Распространение детских смесей в России (начало XX в.): медицина и коммерциализация детского питания // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 17–19 марта 2016 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 155–160.
22. Мицюк Н.А. Формирование системы медицинского патронажа беременных на рубеже XIX–XX вв. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 329–335.

References

1. *Ivanov V.M. Detskaya smertnost' i znachenie «Kapli moloka» v bor'be s neyu* [Infant mortality and the importance of the "Drop of milk" in the fight against it]. – Novocherkassk: Тип. «Dmitrii Pechatnikov», 1911. 35 p.
2. *Gundobin N.P. Detskaya smertnost' v Rossii i mery bor'by s neyu* [Infant mortality in Russia and measures to combat it]: *lektsiya, chit. 6 iyunya 1906 g. na I Ros. pedol. s"ezde*. – St. Petersburg: Lit.-med. zhurn. d-ra Oksa, 1906. 31 p.
3. *Gundobin N.P. Zhizn' rebenka* [Child's life]. – St. Petersburg: Тип. T-va «Narodnaya pol'za», 1901. 114 p.
4. *Shestakova O.A. Detskaya smertnost' v Rossii* [The infant mortality rate in Russia]. – St. Petersburg: тип. «Rodnik», 1914. 10 p.
5. *Sokolov D.A., Grebenshchikov V.I. Smertnost' v Rossii i bor'ba s nei* [Mortality in Russia and the fight against it]. – St. Petersburg: тип. М.М. Стасыuleвича, 1901. 77 p.
6. *Zaitseva S.V. Rossiiskie i mezhdunarodnye s"ezdy po voprosam prizreniya nezakonnykh detei i podkidyshei v kontse XIX – nachale XX vv.* [Russian and international congresses on the care of illegitimate children and foundlings in the late XIX-early XX centuries.] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: istoriya* [Vestnik Pushkin Leningrad State University. History series]. 2008. № 4. P. 92–97.
7. *Mitsyuk N.A. Tandem «soznatel'noi materi» i vracha: zarozhdenie pediatricheskogo patronazha nad grudnymi det'mi v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Tandem "conscious mother" and doctor: the emergence of pediatric patronage of infants in Russia at the turn of the XIX–XX cc.] // *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. 2015. № 2 (75). P. 90–104.
8. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga* [Central state historical archive of St. Petersburg] (hereinafter TsGIA St. Petersburg). F 210. Op. 1000. D. 14.
9. *TsGIA St. Petersburg*. F. 210. Op. 1. D. 426.
10. *Yampol'skii S.M. Zadachi i organizatsiya uchrezhdenii «Kaplya moloka»* [Tasks and organization of institutions " Drop of milk"]. – Khar'kov: Тип. «Pechatnoe delo», 1912. 5 p.
11. *TsGIA St. Petersburg*. F 210. Op. 1. D. 592.
12. *TsGIA St. Petersburg*. F 513. Op. 117. D. 130.

13. TsGIA St. Petersburg. F 241. Op. 1. D. 14.
14. Gubert V.O. *Kaplya moloka (Goulte de lait) kak blagotvoritel'no-gigienicheskaya organizatsiya i uchastie v nei gorodskikh aptek* [Drop of milk (Goulte de lait) as a charity and hygiene organization and participation of city pharmacies]. St. Petersburg: Tip. P.P. Soikina, 1904. 13 p.
15. Veremenko V.A. *Ukhod za det'mi rannego vozrasta v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh v.* [Early childhood care in Russian noble families in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina Seriya: istoriya* [Vestnik Pushkin Leningrad State University. History series]. 2012. T. 4. № 3. P. 18–31.
16. *Otchet Sankt-Peterburgskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya za 1909 g.* [Report of the St. Petersburg city public administration for 1909]. Ch. XII. *Sanitarnaya komissiya.* – St. Petersburg: Gorodskaya tip., 1912. 228 p.
17. *Otchet Sankt-Peterburgskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya za 1911 g.* [Report of the St. Petersburg city public administration for 1911]. *Sanitarnaya komissiya.* – St. Petersburg: Gorodskaya tip., 1914. 390 p.
18. *Otchet Sankt-Peterburgskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya za 1910 g.* [Report of the St. Petersburg city public administration for 1910]. Ch. XII. *Sanitarnaya komissiya.* – St. Petersburg: Gorodskaya tip., 1913. 231 p.
19. *Kratkii otchet o deyatel'nosti Vserossiiskogo popechitel'stva ob okhrane materinstva i mladenchestva za 1916 g.* [A brief report on the activities of the all-Russian guardianship for the protection of motherhood and infancy in 1916]. – Petrograd: tip. V. Bezobrazov i K., 1917. 110 p.
20. TsGIA St. Petersburg. F 210. Op 1. D. 1000.
21. Mitsyuk N.A. *Rasprostranenie detskikh smesei v Rossii (nachalo XX v.): medikalizatsiya i kommertsializatsiya detskogo pitaniya* [Distribution of infant formula in Russia (beginning of XX century): medicalization and commercialization of baby food] // *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [The material factor, and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity]: *materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvortsova; otv. red. V.A. Veremenko.* St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. P. 155–160.
22. Mitsyuk N.A. *Formirovanie sistemy meditsinskogo patronazha beremennykh na rubezhe XIX–XX vv.* [Development of the patronage system of the pregnant women at the turn of 19th – 20th century] // *Ekstremal'noe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoi revolyutsii 1917 g.)* [Extreme in the everyday life of the population of Russia: history and modernity (to the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917)]: *materialy mezhdunar. nauch. konf., 16–18 marta 2017 g. / otv. red. V.A. Veremenko.* – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. P. 329–335.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 930.1(47):394

ГРНТИ 03.23.07: Историография и источниковедение истории России;
03.01.09: История исторической науки. Персоналия

А.Д. Резанов

Н.М. Карамзин как родоначальник изучения древнерусского быта и повседневной жизни

В статье рассматривается изучение аспектов древнерусского быта и повседневной жизни русским государственным историографом Н.М. Карамзиным. Автор делает вывод, что именно Н.М. Карамзин был первым исследователем в русской исторической науке, обратившим внимание на вопросы внесударственного существования и рассмотревшим их системно, в специальных главах своей «Истории государства Российского». Позиционирование Н.М. Карамзина как родоначальника изучения быта и повседневности Древней Руси обосновывается фактами весьма качественного (для своего времени) в методологическом плане рассмотрения им множества элементов структуры повседневной и бытовой жизни Руси, влиянием, которое Н.М. Карамзин оказал в этом плане на последующих исследователей, вводом исследователем в русскую историческую науку категории «состояния» как понятия о внесударственной истории или истории как жизни: совокупности бытописания, анализа этических и духовных представлений и истории повседневности.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, историография, повседневность, быт, нравы, Древняя Русь, славяне, История государства Российского, дворянская историография, просвещение, романтизм.

A.D. Rezanov

N.M. Karamzin as a founder of the study of ancient Rus' daily routine and everyday life

The article considers the study of aspects of ancient Rus' everyday life by the Russian state historiographer N.M. Karamzin. The author seeks to prove that N.M. Karamzin was the first researcher in Russian historical science who paid attention to the issues of non-state existence and considered them systematically in special chapters of his "History of the Russian state". Positioning N.M. Karamzin as a founder of the study of ancient Rus' daily life is justified by very high (in terms of his time) quality of methodological consideration of a variety of structure elements of Rus' daily life, by the impact of N.M. Karamzin on the later explorers in this context, by introduction into Russian historical science of the category of "status" as the concept of non-state history

or history of life: the complex description of life chronicles, ethical and spiritual views analysis and history of everyday life.

Key words: N.M. Karamzin, historiography, everyday life, daily routine, ethics and mores, Ancient Rus', Slavs, History of the Russian state, "nobiliary historiography", enlightenment era, romantic era.

Русский литератор и историк (государственный историограф) Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) значим в отечественной исторической науке во многих отношениях: именно он стал первым писателем, создавшим исторический труд доступным обществу языком; мыслителем, сформулировавшим полноценную теорию развития России как государства; исследователем, использовавшим приемы критики летописных сведений, развившим метод историков-романтиков по «вживанию» в дух эпохи и пониманию особенностей исторических личностей, их характеров, мотиваций. Именно Н.М. Карамзин стал первым исследователем множества теоретических вопросов в отечественной историографии: это и значение Крещения Руси, и проблема распада Древнерусского государства, и причины опричной политики Ивана Грозного, и осмысление наследия реформ Петра Великого.

О влиянии Н.М. Карамзина на последующих исследователей этих и многих других вопросов русской истории сказано немало. Но тем не менее следует признать, что практически не рассматривался еще один важный вопрос исторической деятельности Н.М. Карамзина – изучение исследователем в «Истории государства Российского» аспектов древнерусского быта и повседневной жизни. При этом в современной историографии начинают появляться исследования отдельных элементов повседневности в трудах Н.М. Карамзина – в основном в культурологическом дискурсе. Так, следует отметить работы И.А. Киселевой и К.А. Поташовой. В статье «Семантика и поэтика русского костюма в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина» авторы отмечают, что, реконструируя мир одежды в русской истории и культуре, Карамзин максимально конкретен, и это позволяет ему укрепить веру читателя в достоверность описываемых событий. Замечается внимание Карамзина к одежде, обусловленное как художественным, так и историческим интересом: «Писатель намеренно останавливает внимание читателя, предлагая полюбоваться красотой исторического костюма, изображение которого придает большую достоверность описываемым событиям, насладиться зримым воплощением русской истории» [1, с. 41].

Этот тезис обозначен в статье тех же авторов «Одежда у Н.М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера». Подчеркивается, что для Н.М. Карамзина одежда «является отражением исторического времени, социального статуса чело-

века, связана с его национально-культурной идентификацией, становится знаком отношения к духовному миру, мерой личностной состоятельности её обладателя... Карамзин по сути утверждает, что облачение напрямую связано с сущностью» [2, с. 113–115]. То есть мы можем заметить в новейшей историографии рост интереса к рассмотрению Н.М. Карамзиным тех или иных элементов бытовой и повседневной жизни, что подтверждает необходимость нашего исследования уже всей «сферы обыденности» как объекта изучения историком-писателем.

Цель автора статьи – обосновать значение и решающую роль Н.М. Карамзина в формировании научного описания и рассмотрения различных аспектов быта и повседневности Древней Руси (под этим периодом мы понимаем время от объединения восточных славян и формирования Древнерусского государства в течение VII–IX вв. до разгрома основного числа древнерусских княжеств монгольскими нашествиями XIII в.) Перед рассмотрением древнерусского быта и повседневности как объектов изучения в «Истории...» Н.М. Карамзина необходимо сделать несколько вводных теоретических замечаний.

Фундаментальный труд Н.М. Карамзина «История государства Российского», вышедший в течение 1818–1829 гг., является обобщением всего опыта предыдущих историков. Заметим, что в этом плане работа Карамзина представляется, с одной стороны, вершиной развития «дворянской историографии», а с другой – качественно новым типом исторического исследования в России.

Известно, что литературный стиль изложения истории позволил Н.М. Карамзину стать, выражаясь словами А.С. Пушкина, «Колумбом русской истории» – пробудить интерес к истории России у общества, что не удалось историкам XVIII в. Или, как писал Ю.М. Лотман, работа Карамзина «не просто сообщила читателям плоды многолетних изысканий историка – она перевернула сознание русского читающего общества» [3, с. 208]. Важно, что Ю.М. Лотман также отмечает тот факт, что «История государства Российского», как ни странно, не зациклена на истории лишь государства. Напротив, подход Н.М. Карамзина сильно отличается от того, как изучали историю представители собственно «государственно-юридического» направления. Для Н.М. Карамзина государство – это, по сути, вся страна как «цивилизация», а не государственно-административная структура. Столь широкий взгляд на сущность русской государственности позволил Н.М. Карамзину найти возможность рассматривать вопросы быта и повседневной жизни.

Отметим также, что в дальнейшем, говоря, например, об «истории повседневности от Карамзина», мы, безусловно, не будем иметь в виду, что исследователь работал в рамках соответствующего современного направления исторической науки. В контексте творчества

историков прошлого мы будем понимать «историю повседневности» в широком смысле – как адекватное и соответствующее их времени рассмотрение различных аспектов быта и повседневной жизни, обобщение данных, описание различных структур и ситуаций. Безусловно, Н.М. Карамзин не использовал в своем труде современные категории и термины истории повседневности, такие как «типичная ситуация», «структуры повседневности», «фокус-группа» и даже собственно «повседневность». Но важнейшим фактом является наличие в его «Истории...» повседневности как отдельно выделенной и изучаемой сферы жизни общества, как особого объекта исследования. Заметим при этом, что это исследование оставалось преимущественно в рамках специфики «дворянской историографии». Н.Л. Рубинштейн называет ее основные черты: «Чисто рационалистическая трактовка исторического развития, в котором решающая роль отводится выдающейся исторической личности, в трактовке исторических событий он намерен придерживаться юмовского принципа прагматического повествования и литературно живописующего стиля» [4, с. 196].

Однако существенно, что именно в вопросах изучения повседневности и быта творчество Н.М. Карамзина качественно отличается от опыта предшественников. И здесь мы должны сделать последнее перед анализом «Истории...» замечание – сказать о том, как именно сфера повседневности фигурировала в работах историков XVIII в. Собственно, следует отметить, что такие исследователи, как Н.В. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов и И.Н. Болтин, не рассматривали вопросы быта и повседневности Руси специально. Все их замечания о жизни и нравах Руси носили исключительно контекстуальный характер. Поскольку практически единственными источниками для «дворянских историков» служили древнерусские летописи, то описание каких-либо аспектов повседневной жизни происходило в рамках приведенных в летописях ситуаций. Например, М.В. Ломоносов пересказывал известный летописный отрывок, подчеркивающий превосходство полян над прочими племенами: «...Поляне от своих предков обычаем кротки, стыдливы к родителям и к сродникам и брачное сочетание наблюдают. Древляне живут зверским образом: убивают друг друга, едят нечистую зверину. Брачных чинов не держат: женский незамужний пол хватают у воды и вместо жен держат. Радимичи, кривичи, вятичи и северяне...живут в лесах, как дикие звери, всякую нечистоту в пищу принимают...» [5, с. 18–19]. М.М. Щербатов, в контексте обличения языческого сознания уже крещеных князей и показа «тогдашних нравов, грубостей и суеверий», обусловленных еще нетвердым положением христианства, пересказывает приведенный в летописи рассказ об обряде: «Великий князь Ярослав, не взирая на то, что по смерти никому покаяния быть не может, не токмо обращения, повелел выкопать кости Ярополка и Олега,

своих идолопоклонных дядей, соверша над ними мертвыми костями крещение, погребя их в церкви Богородицы, созданной Владимиром» [6, с. 279]. Как видим, в трудах историков XVIII в. присутствовали лишь упоминания о тех или иных обрядах и бытовых аспектах. Летописные сведения, предоставлявшие их, как правило, не критиковались.

Именно Н.М. Карамзин порвал с подобным подходом, став родоначальником системного и специального изучения вопросов быта и повседневности Древней Руси. Важнейшим фактом является то, что историк рассматривает интересующую нас тематику в специальных главах, которые так или иначе присутствуют во многих томах его труда. Точно заметил это С.В. Алексеев: «Карамзин первым осознал, что подробное и самостоятельное описание древнерусской жизни является непременным условием понимания и живого восприятия древнерусской истории. Соответственно, в своей "Истории" он посвящает целые главы, специально для этого отведенные, общим описаниям повседневности, общественного устройства, права, культуры и веры, хозяйства древних славян и Руси» [7, с. 51]. Например, в первом томе описанию и рассмотрению быта и повседневности посвящена третья глава «О физическом и нравственном характере славян древних». Начиная общую характеристику быта восточных славян, Н.М. Карамзин указывает, что их жизнь была тяжелой: славяне часто голодали и терпели нужду, питались грубой пищей и т.д. При этом автор отмечает гостеприимность и открытость славян: «Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки» [8, с. 104]. Затем Н.М. Карамзин говорит о том, как и чем именно питались славяне: при этом он гораздо конкретнее, чем историки XVIII в., описывает повседневное питание славян, говоря, что они кормились «просом, гречихою и молоком... выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою... Мед был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец и сами разводили их» [8, с. 110].

В этой же главе не обходит стороной историк и вопрос о зодчестве славян – строительстве домов и храмов: «предки наши... не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города Славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом» [8, с. 114]. Несмотря на то, что это описание является, конечно, несостоятельным с точки зрения современной истории и археологии, важно, что Н.М. Карамзин первым настолько подробно обратил внимание на условия жизни славян и позже – на Руси.

Затем историк касается такого значимого элемента повседневности, как музыка и танцы, опять же до него никто не рассматривал эти аспекты русского быта специально. Он пишет, что на Руси были распространены такие музыкальные инструменты, как гусли и гудок. Танцы (пляски) Н.М. Карамзин называет любимой забавой «диких народов»: он указывает, что по нынешней русской пляске можно судить о древней у славян, которой «они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи».

Н.М. Карамзин пишет о таком важном элементе бытовой жизни, как дом. У восточных славян «хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее... Каждое семейство было маленькою, независимую Республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связью» [8, с. 118]. Позже множество домов обрели все более тесные связи друг с другом.

Также автор выделяет обрядную повседневность. Например, он пишет о праздничных практиках Коляды: «дети земледельцев собираются колядовать под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя Коляды и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника» [7, с. 140]. Безусловно, Н.М. Карамзин говорит и о погребальных обрядах, впервые, между прочим, вводя понятие «тризна»: славяне «показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог» [8, с. 153].

Десятая глава первого тома «Истории...» называется «О состоянии Древней России». Впоследствии, как мы заметим, в томах работы Карамзина будут встречаться главы с подобным названием. Крайне важно сразу же отметить, что эта самая категория («состояние») является у исследователя по сути ничем иным, как прообразом понятий «быт» и «повседневность» в современном понимании. Конечно, Н.М. Карамзин не изучает их подобно современным исследователям, однако чрезвычайно показательным, что он в принципе вводит данную категорию в свой труд. Мы увидим также, что подобный подход позволит следующим поколениям историков добавлять новые категории для обозначения «сферы быденности и жизни». В главе содержится анализ многих аспектов быта и повседневности. Например, Н.М. Карамзин говорит о бытовавших у восточных славян законах и обычаях. Рассматривая различные повседневные юридические ситуации, он пишет, что они как бы отражая «бытовую этику», «делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверенности к клятвам, следственно, к совести людей, и на справедливости» [8, с. 312]. То есть Н.М. Карамзин объединяет вопросы повседневности с

изучением нравов Руси – таким образом «материальный быт» соединяется с «духовным бытом» как «нравами», образуя целостное представление о древнерусской жизни. Говоря о торговле, Н.М. Карамзин описывает торги в Новгороде: «Там скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову, езжали новгородцы еще в Олеговы времена» [8, с. 319]. Также историк указывает, что податью вместо денег в IX и X вв. служили вещи из разных областей Руси: в столицу ходили обозы с медом и шкурами, или с оброком. Это называлось «возить повоз». Долгое время вещи ценились не монетами, а шкурами зверей, особенно часто куниц. Поэтому слово «куна» в течение длительного периода обозначало деньги.

Чрезвычайно показательный и значимый отрывок этой главы касается описания Н.М. Карамзиным повседневности такой структуры, как «княжеский двор (терем)». Историк пишет: «Друзья Владимира, обедая у Князя, ели серебряными ложками. Мед, древнее любимое питье всех народов Славянских, был еще душою славных пиров его; но Киевляне в Олеговы времена уже имели вина Греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец Индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги и проч.» [8, с. 323]. Здесь мы видим очень качественное для своего времени описание повседневности знати: Н.М. Карамзин говорит о конкретных вещах – «мелочах» (одежде, пище, столовых приборах), чего до него не делал ни один историк.

Также Н.М. Карамзин описывает жилищные условия крестьян и горожан: «Вероятно, что и тогдашние деревенские избы были подобны нынешним; а горожане имели высокие дома и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низ, может быть, для погребов, кладовых и проч. Клетки, или горницы, с обеих сторон дома разделялись помостом или сенями; спальни назывались одринами. На дворах строились вышки для голубей...». Со ссылкой на летописное описание идола Перуна исследователь отмечает, что на Руси знали резное и плавильное искусство. Также он предполагает и знание русичами хотя и грубой, но живописи, о чем свидетельствуют росписи церквей. По предположению Карамзина, греческие художники могли выучить русских. В бою русским воинам помогала музыка труб, что доказывает развитость на Руси уже во времена Святослава музыкального искусства [9, с. 62].

Во втором томе, говоря о Русской правде, Н.М. Карамзин пытается реконструировать черты повседневного мировоззрения на Руси. Статьи Русской правды, по его оценке, «изъявляют какое-то удивли-

тельное простосердечие; кратки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти» [9, с. 63]. Описывая время правления Владимира Мономаха, Н.М. Карамзин, опираясь на летописи, приводит различные сведения о бытовых ситуациях, а также влиянии стихийных бедствий на жизнь народа: «...были некоторые бедствия: редкая засуха в 1124 году и сильный в Киеве пожар, который продолжался два дня, обратив в пепел большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю Жидовскую улицу. Народ с ужасом видел еще одно совершенное затмение солнца и звезды на небе в самый полдень. В южной России случились два землетрясения, а в северной страшная буря, которая срывала дома и потопила множество скота в Волхове» [9, с. 163–164]. Также на основании этого отрывка можно заметить, что в то время заметную роль в жизни Киева играла еврейская община. Это подтверждается наличием в городе Жидовской улицы.

В третьем томе «Истории...» быту и повседневности Руси посвящена шестая глава «Состояние России с XI до XIII века». Н.М. Карамзин пишет об одежде возвышающихся бояр, а также о врачевании на Руси: «древние Бояре Княжеские обыкновенно носили у нас шитые золотом оплечья: итак, искусство золотошвеев... было известно в России прежде, нежели во многих других землях европейских. Мы упомянули о лекарях: ибо врачевание принадлежит к самым первым и необходимейшим наукам людей. Во времена Мономаховы славились в Киеве Арменские врачи: один из них (как пишут), взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти» [10, с. 215–216].

Говоря об изменении нравов на Руси, Н.М. Карамзин указывает, что на это влияло распространение христианства, усиление принципов «гражданского общежития» и развитие торговли. В повседневной жизни это отражалось в том, что «князья, вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и нередко сами укрывались в них от сует мира. Достойные Святители и Пастыри Церкви учили Государей стыдиться злодеяний, внушаемых дикими, необузданными страстями; были ходатаями человечества и вступались за утесненных» [10, с. 220]. То есть можно сказать, что на Руси оформлялась повседневная культура «верхов». Однако совершенно другой была повседневность и культура «низов»: народ на Руси любил «веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость как добродетель; явно имели наложниц, но оскорбитель целомудренной жены наказывался как убийца...». Постепенно это приводило к разрыву единого древнерусского мира и, можно сказать, формированию двух масштабных структур: «общины» и «двора». Н.М. Карамзин заключает это так: «торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народ жаловался на корыстолюбие Тиунов и Князей» [10, с. 221–222].

Таким образом, по приведенным характерным фрагментам мы можем подтвердить, что именно Н.М. Карамзин был первым из русских историков, кто в своем труде всерьез обратил внимание на проблему быта и повседневности Древней Руси и описал ее аспекты. Думается, что он сделал это в основном неосознанно, не ставя перед собой отдельную цель изучения этих вопросов. Однако исходя из своего литературного стиля, теории развития государственной жизни и влияния романтизма с попытками вживания в эпоху и ее чувства, Н.М. Карамзин смог комплексно и подробно взглянуть на древнерусские быт и повседневность и не просто описать их, но даже выделить определенные структуры повседневности. Таким образом он, во многом неожиданно для себя, сформировал основы научного изучения древнерусского быта и аспектов повседневной жизни разных социальных слоев. Важнейшим фактом стал также ввод Н.М. Карамзиным такой категории, как «состояние» – прообраза современного понимания сферы быта и повседневности.

Подтверждением значимости роли Н.М. Карамзина в заложении основ изучения «сферы обыденности» является то, что последующие историки стали активно использовать понятие «состояние», а также вводить новые категории для описания «статичной» стороны истории – «истории как жизни». Например, именно понятие «жизнь» использует археолог и историк И.Е. Забелин. Это слово отражено как в названии его труда («История русской жизни»), так и в отдельных главах (например, шестая глава называется «Круговорот жизни в языческое время»). И.Е. Забелин развивает взгляд Н.М. Карамзина, пытаясь не просто рассмотреть «жизнь», но и объяснить причины недостатка сведений по древнерусскому быту и повседневности. Летописные источники, как отмечает И.Е. Забелин, практически не касались этих вопросов, не воспринимая их ценными: «Из года в год, изо дня в день здесь происходило все одно и то же» [11, с. 357].

Для Д.И. Иловайского категорией, описывающей быт, нравы и повседневность, является «строй». В своей «Истории России» Д.И. Иловайский также опирается на подход Н.М. Карамзина, при этом развивая изучение соответствующих вопросов. Как и Карамзин, Д.И. Иловайский описывает отличия в одежде, жилищных условиях и питании боярского сословия и простолюдинов [12, с. 298].

Категорию «состояние» мы видим в труде историка М.П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига». При том, что М.П. Погодин не раз критиковал концепцию Н.М. Карамзина, для него «состояние» – это именно понятие негосударственного, обыденного, «народного» бытия. Например, в главе «Состояние общества» охарактеризована жизнь древнерусского города [13, с. 81–84].

Однако построения Н.М. Карамзина встречали и критику. Например, декабрист Н.М. Муравьев, написавший в 1818 г. «Мысли об "Ис-

тории государства Российского" Н.М. Карамзина» отмечал, что до Н.М. Карамзина никто не пытался писать о быте народа, говоря только о политических событиях и личностях князей. Но при этом и Карамзин, по мнению Н.М. Муравьева, недостаточно широко и полезно для общества раскрыл вопросы обыденной жизни простых людей в истории России [14].

Важно, что основы того, что можно с поправкой на методологические различия назвать «историей повседневности» в отечественной исторической науке, сложились в эпоху «дворянской историографии» (хотя и в ее конце). То есть уже в первый научный этап развития русской исторической мысли Н.М. Карамзиным было обращено внимание на различные аспекты быта и повседневности Древней Руси. Его подход, как мы убедились, повлиял на многих крупных историков. Н.М. Карамзин открыл не только русскую историю как последовательность важных событий в чередовании правления различных монархов. Он открыл и историю как жизнь – как обыденные действия и представления различных слоев древнерусского населения, актуальные для долгих веков. Благодаря этому, читающее общество России впервые смогло сформулировать в себе базовые знания о том, как, собственно, жила Древняя Русь – во что одевались знать и народ, чем питались, где жили, какие совершали обряды в различных ситуациях, почему судились и чем торговали и т. д. Без понимания и изучения Н.М. Карамзиным «состояния Руси» была бы немыслима деятельность последующих историков: бытописателей и этнографов XIX в., советских исследователей сферы «внегосударственного существования» (например, Б.А. Романова, автора классического труда «Люди и нравы Древней Руси») и современных историков повседневности. Сегодня, по мнению В.П. Корзуна, «классик оживает, это уже не памятник. Безусловно, в такой интерпретации личности историка очевидно влияние антропологического поворота, который захватил и историческую науку» [15, с. 467]. С этим вполне можно согласиться, так как интересующая нас история повседневности как раз является направлением, появившимся в исторической науке под влиянием антропологического поворота. Это подтверждает наш тезис о взаимосвязанности деятельности Н.М. Карамзина и истории повседневности.

Список литературы

1. Киселева И.А., Поташова К.А. Семантика и поэтика русского костюма в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 36–48.
2. Киселева И.А., Поташова К.А. Одежда у Н.М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. – 2017. – № 5. – С. 113–121.
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. II. Статьи по истории русской литературы первой половины XIX века. Ч. I. – Таллин: Александра, 1992. – 480 с.

4. Рубинштейн Н.Л. Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. – СПб., 2008. – 938 с.
5. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и королевской Шведской Академии наук. – М., 1950. – 146 с.
6. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен: в 7 т. Т. 1. – СПб., 1771. – 402 с.
7. Алексеев С.В. Н.М. Карамзин и Древняя Русь // Историческое обозрение. – 2017. – № 18. – С. 49–51.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. – СПб., 1818. – 492 с.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2. – СПб., 1818. – 584 с.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. – СПб., 1818. – 507 с.
11. Забелин И.Е. История Русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. – М., 1879. – 520 с.
12. Иловайский Д.И. История России. Т. 1. Ч. 2. – М., 1876. – 337 с.
13. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. – М., 1871. – 401 с.
14. Муравьев Н.М. Мысли об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Карамзин: pro et contra / сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. – СПб.: РХГА, 2006. – 1080 с.
15. Корзун Н.М. Карамзин в учебниках по историографии: о зигзагах формирования корпоративной памяти // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 4. – Ч. 2. – С. 459–470.

References

1. Kiseleva I.A., Potashova K.A. *Semantika i poetika russkogo kostyuma v "Istorii gosudarstva Rossijskogo" N.M. Karamzina* [Semantics and poetics of the Russian costume in N.M. Karamzin's "History of the Russian state"] // *Problemy istoricheskoy poetiki*. Tom 16 [Problems of historical poetics]. Vol. 16]. 2018. № 2. P. 36–48.
2. Kiseleva I.A., Potashova K.A. *Odezhda u N.M. Karamzina kak primeta istoricheskogo vremeni i nacional'nogo haraktera* [Clothing in N.M. Karamzin's works as a sign of historical time and national character] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2017. № 5. P. 113–121.
3. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i. Tom II. Stat'i po istorii russkoj literatury pervoj poloviny XIX veka. Chast' I* [Selected articles. Vol. 2. Articles on the history of Russian literature of first half of the XIX century]. – Tallin: "Aleksandra", 1992. – 480 p.
4. Rubinshtejn N.L. *Russkaya istoriografiya. Pod red. A.Yu. Dvornichenko, Yu.V. Krivosheeva, M.V. Mandrik* [Russian historiography. Edited by A. Dvornichenko, Yu. Krivosheeva, M. Mandrik]. – SPb., 2008. – 938 p.
5. Lomonosov M.V. *Drevnyaya Rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda, sochinennaya Mihailom Lomonosovym, statskim sovetnikom, professorom himii i chlenom Sankpeterburgskoj imperatorskoj i korolevskoj SHvedskoj Akademii nauk* [Ancient Russian history from the beginning of the Russian people until the death of Grand Duke Yaroslav the First or till 1054, composed by Mikhail Lomonosov, State Counsellor, Professor of

Chemistry and a member of St. Petersburg Imperial and Royal Swedish Academy of Sciences]. – M., 1950. – 146 p.

6. Scherbatov M.M. *Istoriya rossijskaya ot drevnejshih vremen (v 7 tomah). T. 1.* [History of Russia from the Earliest times (in 7 volumes). Vol. 1]. – SPb., 1771. – 402 p.

7. Alekseev S.V. *N.M. Karamzin i Drevnyaya Rus'* [N.M. Karamzin and Ancient Rus'] // *Istoricheskoe obozrenie* [Historical Review]. 2017. № 18. P. 49–51.

8. *Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. Tom 1* [History of the Russian state. Vol. 1]. – SPb., 1818. – 492 p.

9. *Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. Tom 2* [History of the Russian state. Vol. 2]. – SPb., 1818. – 584 p.

10. *Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. Tom 3* [History of the Russian state. Vol. 3]. – SPb., 1818. – 507 p.

11. *Zabelin I.E. Istoriya Russkoj zhizni s drevnejshih vremen. Chast' 2* [History of Russian life from the Earliest times. Chapter 2]. – M., 1879. – 520 p.

12. *Ilovajskij D.I. Istoriya Rossii. Tom 1. Chast' 2.* [History of Russia. Vol. 1. Chapter 2]. – M., 1876. – 337 p.

13. *Pogodin M.P. Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga* [Ancient Russian history before Mongol yoke]. – M., 1871. – 401 p.

14. *Murav'ev N.M. Mysli ob "Istorii gosudarstva Rossijskogo" N. M. Karamzina* [Reflections on N.M. Karamzin's "History of the Russian state"] // *Karamzin: pro et contra / Sost., vstup. st. L.A. Sapchenko* [Karamzin: pro et contra / form. by L.A. Sapchenko]. – SPb.: RHGA, 2006. – 1080 p.

15. *Korzun N.M. Karamzin v uchebnykh po istoriografii: o zigzagah formirovaniya korporativnoj pamyati* [N.M. Karamzin in historiography textbooks: on the zigzags of corporate memory formation] // *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of XXI century]. 2016. № 4, chapter 2. P. 459–470.

УДК 930.1(47+410.1)"11/12"
ГРНТИ 03.09.25: Средние века (V–XVI вв.); 03.29: История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности

А.С. Новиков

Гендерные отношения в Англии XII–XIII вв.: русскоязычная и англоязычная историография

В данной статье раскрываются основные аспекты и тенденции в историографии гендерных отношений в Англии в XII–XIII вв., а также дается характеристика проблематики и выявляются «белые пятна». Значительных исследований по гендерной истории Англии указанного периода до сих пор нет и приходится улавливать канву происходящего из контекстуальной литературы – работ, касающихся общих для католической Европы тенденций, гендерных отношений в соседних странах или же в самой Англии, но более ранних или поздних периодов. Кроме того, на примере изучения английских гендерных отношений XII–XIII вв. можно явно отследить процесс становления гендерной истории (или гендерного подхода) в современной исторической науке, а также наметившееся изменение гендерной истории от сугубо женской к истории различных гендерных ролей. Так, в последние годы начали появляться труды, посвященные вопросам классической мужской гендерной роли и различным гендерным аномалиям.

Ключевые слова: гендерная история, гендерные отношения, историография, Средневековье, Западная Европа, Англия, XII век, XIII век.

A.S. Novikov

Gender relations in England of the 12th-13th centuries: Russian- language and English-language historiography

This article reveals the main aspects and trends in the historiography of gender relations in England in the XII–XIII centuries, as well as characterizes the problems and identifies "white spots". There is still no significant research on the gender history of England in this period, and we have to catch the outline of what is happening from contextual literature-works relating to trends common to Catholic Europe, gender relations in neighboring countries or in England itself, but earlier or later periods. Moreover, on example of studying English gender relations in the XII–XIII centuries process of becoming gender history (or gender approach) in modern historical science and also the emerging climate gender history from strictly female to history of various gender roles can be clearly traced. Thus, in recent years, works have begun to appear on the classical male gender role and various gender anomalies.

Key words: gender history, gender relations, historiography, medieval, Western Europe, England, XII century, XIII century.

В современной исторической науке наметился постепенный отход от традиционной событийной истории. Постоянно появляются все новые направления в исследованиях, одним из которых становится гендерная история, достаточно быстро развивающаяся в последнее время. Она рассматривает происходящее в прошлом через призму социокультурного пола, т. е. того, чем является гендер [1, с. 81].

Гендерная история тесно связана с историей повседневности. Гендерный подход показал эффективность в исследовании таких сфер жизни, как семья, труд (домашний и общественный), религия, образование и культура в целом [2, с. 10–42].

Возникновение гендерной истории связано с женским движением, что соответствует и развитию подходов в средневековой гендеристике. Так, например, феминистки стремились покончить с «мужской историей» и показать, что женщины играли в историческом процессе роль не меньшую, если не большую, чем мужчины. Так или иначе именно средневековой принадлежит заслуга первооткрывателя в женских исторических исследованиях – утверждалось, что женщины были обделены вниманием в письменных источниках именно благодаря мужчинам, и внимание первых гендеристов пало как раз на Средние века как на наиболее показательную в этом плане эпоху [3, с. 64].

Так, в значительной степени «пострадали» женщины, находясь в рамках специфического взгляда на свое место в обществе. В основе представлений о женщине в Средние века лежала философия Аристотеля, считавшего женщину «недомужчиной» [4, с. 376–644]. В соответствии со средневековыми концепциями, мужчинам и женщинам следовало находиться в изолированных сферах и исполнять положенные обязанности в своей собственной области. Общественное пространство настолько резко отличалось от домашнего, что такое разделение стало восприниматься как естественное, а через какое-то время стало совпадать с различием между мужским и женским началом. Наряду с концепцией Аристотеля, весьма значимое влияние на представления о мужском и женском имела, разумеется, церковь. Значительная часть доступных источников, касающихся жизни средневековых женщин, создана именно духовенством, что вело зачастую к различным нелепостям ввиду минимизированного общения духовных лиц с женщинами.

Однако гендерный подход в исторической средневековедении появился не так давно, в 1980-е гг., поэтому информация о гендерных аспектах жизни средневекового общества во многом фрагментарна.

Помимо прочего, крайне сложно систематизировать существующие в историографии труды и публикации, поскольку таковых на общем фоне чрезвычайно мало. Поэтому в данной статье предлагается рассмотреть развитие взглядов на вопрос в эволюционном порядке –

порядке расширения и конкретизации существующей информации, трактовок и взглядов.

Одной из ранних работ, посвященных гендерной проблематике, является монография Х. Брука «Средневековое представление о браке» [5]. Главной задачей этого труда было выяснение сути христианского брака как явления и брака в общем. Для решения обозначенных задач автор опирался на разного рода источники в сфере художественной литературы, теологии, истории права и социальной истории. В итоге Брук выводит концепцию брака в Средневековье, акцентируя внимание на значительное влияние в ней богословия и римского права [5, с. 123–125].

Среди ранних трудов, посвященных указанной проблематике особое место занимает пятитомное издание «История женщин на Западе» (1990–1991) под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро [6]. Именно оно дало значительный толчок к развитию истории женщин. Второй том данного издания целиком посвящен Средневековью. Статьи Ж. Даларена [6, с. 11–83], К. Томассе [6, с. 83–112], К. Казагранде [6, с. 113–151], С. Веккьо [6, с. 152–201] посвящены вопросу о том, как Церковь воспринимала женщин. Авторы приходят к выводу о том, что Святые Отцы в массе своей выступают как отъявленные женоненавистники, а женщины для теологов того времени являлись созданиями грешными и испорченными. Даже проблема женской одежды и моды рассматривается Д.О. Хьюг через призму греховности, так как именно такой ракурс диктовался источниками и целью исследования. По мнению авторов, весь средневековый мир стремился контролировать женщин во всем ввиду греховности их как созданий [6, с. 202–221].

Статьи С. Фоне-Вампль [6, с. 223–235], П. Л'Эрмит-Леклерк [6, с. 235–250], Ж. Дюби [6, с. 251–259], К. Опитц [6, с. 260–307] посвящены другому аспекту женского бытия, а именно ее месту и роли в семье, занятиям, повседневной жизни. Таким образом, мы видим, что авторы данного издания показывали, каким образом гендер влиял на социальную, политическую и экономическую жизнь общества, и, в свою очередь, определялся этими категориями, демонстрируя различные методологические и теоретические подходы, которые могут быть использованы при изучении жизни женщины. Каждая глава этого издания основывается на оригинальном исследовании существующих источников и литературы. Авторы использовали и мифы, и законодательство, и хроники, и памятники художественной литературы, и изобразительный материал, и массу других источников, изучая их при помощи различных методов, в том числе количественных. Этот труд, несмотря на название, не может быть причислен к работам по истории женщин. Скорее, это гендерное исследование, в котором анализируются только некоторые аспекты гендерной структуры общества.

В отечественной историографии вопросы взаимоотношений полов в среде правящей элиты Средневековья в 1990-е гг. затрагивал в ходе своих комплексных демографических исследований Ю.Л. Бессмертный [7; 8].

На рубеже 1990–2000-х гг. изучаемая нами проблематика стала объектом внимания уже в рамках собственно женских, а позднее и гендерных исследований российских историков. Так, М.А. Буланаква, анализируя брачные практики и специфику социального статуса женщин из высших слоев средневекового общества, обратилась и к особенностям положения представительниц правящей элиты, их политическим возможностям, «сетям влияния», роли в воспитании наследников престола [9, с. 462], однако писала она преимущественно о позднесредневековой ситуации.

2000-е гг. ознаменовались появлением многочисленных работ, посвященных гендерной истории Средневековья. Наиболее распространенной формой стали коллективные монографии, в которых статьи объединены в книгу общей идеей, но каждая имеет своего автора, специалиста в одной определенной области. Одним из подобных изданий стала монография «Пол и различия в Средние века», вышедшая под редакцией Ш. Фармер и К. Пастернак. В параграфе, написанном Д. Боярин, анализируется генезис феномена маскулинности в христианском мире с учетом того, что данный феномен формировался под влиянием античной философии [10, с. 107–122]. М. Куефлер разрабатывал проблему мужской дружбы, тесно связанную с гомосексуальностью и изучением мужской интимности [10, с. 204–221]. Изучая цистерцианских монахов в XIII в., М. Ньюмен обратила внимание на то, что монахи, говоря о религиозных женщинах, не отделяли их от себя по половому признаку, а осознавали себя вместе с ними некой общностью, посвятившей жизнь Богу. Однако исследовательница подчеркивает формирование самоидентификации образованных монастырских элит [10, с. 297–309]. В работе Ш. Фармер анализировалась связь физической работы и нищеты с гендерными ожиданиями [10, с. 311–320].

В коллективной монографии «Гендер в Средние века», подготовленной П. Стаффорди и А.Б. Мюлдер-Баккер, поднимаются различные проблемы, связанные с изучением гендерной истории на протяжении всего Средневекового периода. Раздел К. Купер и К. Лейзера посвящен фактору гендера в проблеме подчинения в Западной Европе в V в. Исследование, основанное на трудах Августина и других Отцов Церкви, посвящено восприятию ими гендерных различий и сексуальности, в том числе в контексте аскетизма [11, с. 97–111]. Дж. Смит рассматривает вопрос о изменениях в положении женщин от античности к Средневековью [11, с. 113–120]. Р. Воаден и С. Вольф затрагивают проблему детства в Средние века [11, с. 251–270]. Кроме того,

часть исследований посвящена более узким темам, связанным в первую очередь со святостью, монашеской жизнью и властью.

Помимо вышерассмотренных коллективных монографий, в последнее время вышло немало сборников статей, посвященных этой проблематике. Ярчайший пример – издание «Святые, ученые и политики: гендер как метод медиевистических исследований», свидетельствующее о все увеличивающемся интересе в современной исторической науке, и в частности в медиевистике, к гендерной истории и к применению гендерного подхода для изучения истории Средних веков [12].

Выходят в последние годы и монографии, касающиеся одной, достаточно узкой проблемы, связанной с гендерной историей, как, например, работа М. Маклаулин, посвященная взаимодействию гендера и епископской власти в период реформ 1000–1122 г. Как отмечает автор, книга затрагивает проблемы пола и политического дискурса, а не политической практики [13, с. 3]. XI – начало XII вв. были временем интенсивных дебатов, касающихся духовной реформы в Западной Европе. Автор обращает внимание на то, что в данных дебатах, рассматривалась общественная жизнь церкви через частную, «семейную жизнь», а епископы изображались как мужья и в то же время сыновья Церкви-Матери и Папы Римского, так как он в качестве отца епископов выступал в различных интеллектуальных и ритуальных традициях [13, с. 51–60]. Таким образом, мы видим, что гендерный подход начинает использоваться не только для исследований, напрямую связанных с половозрастной идентичностью, браком и семьей, но для изучения процессов, на первый взгляд, не имеющих тесной связи с гендерной характеристикой. Но, тем не менее, при исследовании выясняется обусловленность источниками применения данного подхода в рассматриваемом процессе [13, с. 178]. Именно так М. Маклаулин, изучая церковную реформу, использует гендерный подход, что позволяет открыть новые грани в этом явлении.

Гендерные исследования с самого начала были междисциплинарными, что проявляется и сейчас. Коллективная монография под редакцией Е. Триер, исследовательницы английской литературы, посвящена связям между полом и жанрами в английской литературе Средневековья. В статьях М. Свэн [14, с. 23–37], Д. Солтера [14, с. 51–70], Г. Уокера [14, с. 197–213] выявляется зависимость изображений и образов женщины в контексте употребления того или иного литературного жанра.

В 2000-х гг. увеличилось и количество тематических публикаций источников по истории Средних веков, связанных с гендерными исследованиями.

Наиболее ярким примером является издание М.А. Брозины «Пол и сексуальность в Средние века», содержащее фрагменты как религи-

озных, так и светских текстов, посвященных гендерной проблематике, начиная с Библии, канонического права и Корана и заканчивая скандинавскими сагами и «Тайной историей» Прокопия Кесарийского [15]. Безусловно, это свидетельствует о возрастающем интересе к гендерной истории Средних веков.

Появление отдельной энциклопедии, посвященной женщине и гендеру в Средние века, говорит об достаточном накоплении знаний по этому вопросу. Во вступлении к ней отмечается актуальность данного издания в связи с постоянно возрастающим научным интересом к данной теме и сложностью доступа к специальным монографиям и статьям. Энциклопедия под редакцией М. Шаус охватывает такие вопросы, как положение различных социальных групп и история определенных стран, в гендерном контексте [16]. Каждая статья написана специалистом в той или иной области, что позволяет говорить о высокой степени научной достоверности. Список литературы к каждой словарной статье дает возможность познакомиться с основными исследованиями по данной проблематике. В энциклопедии описываются как отдельные явления, например, аборт, красота и т. д., так и яркие личности средневековых женщин, к примеру Элеонора Аквитанская. Кроме того характеризуются определенные социальные группы женщин, такие как императрицы, аббатисы, а также особенности положения женщин в различных странах, таких как Англия, Франция, Византия и другие; обозначаются важнейшие гендерные понятия, как, например, брак, семья, евнухи и т. д. Таким образом, можно сказать, что данная энциклопедия охватывает все основные сферы жизни женщины, а также связанные с этим гендерные характеристики средневековой жизни, что говорит как о значительном накоплении эмпирических знаний, так и существенном продвижении в деле его осмысления и анализа. Необходимо также отметить, что большинство авторов в своих исследованиях ставят гендерный статус в контекст других идентичностей, подчеркивая, что для Средних веков одной из самых важных характеристик являлись вероисповедание и религиозные взгляды, так как именно они во многом влияли в том числе и на гендерную идентичность.

На протяжении 2000-х гг. появилось несколько работ отечественных историков, специализирующихся на женских и гендерных исследованиях. Среди прочих стоит особенно выделить статьи Ю.Е. Арнаутовой, на материалах агиографии охарактеризовавшей образы королей и супружеских пар правителей, а также символику телесной красоты представителей правящей элиты [17; 18].

В 2000-е гг. с распространением гендерной методологии и исходя из ее специфики изучение рассматриваемой в статье проблематики стало осуществляться через призму анализа тех или иных общественных институтов, социальных и культурных феноменов. В

то же время на всем протяжении всех трех этапов особенное внимание ученых привлекали фигуры выдающихся или известных женщин-правительниц.

Из вышеописанного можно сделать несколько выводов о публикациях и трудах по проблематике гендерных отношений в Англии XII–XIII вв., а также затрагивающих данную проблему косвенно. Прежде всего стоит отметить, что с момента возникновения исследований в гендерной медиевистике до сегодняшнего дня упомянутые исследования претерпели определенную эволюцию – так, от понимания гендерных исследований как изучения сугубо женщин в определенный период гендерная медиевистика постепенно приходит к расширению проблематики – исследованию гендерного аспекта роли мужчин в обществе, а также ряда гендерных аномалий. Однако стоит также обратить внимание на тот факт, что и на данный момент исследования часто носят описательный характер, и попытки анализа являются довольно редким явлением. Кроме того, некоторые исследования – от момента зарождения вопроса в исторической науке и до сегодняшнего момента – зачастую страдают от подмены понятий и методологий, применяя методики из сферы философии к историческим исследованиям. Так или иначе гендерные исследования в медиевистике являются направлением бурно и активно развивающимся и меняющимся, находятся свежие подходы к анализу прошлого, что отражает серьезные перспективы развития данного направления в исторической науке.

Список литературы

1. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // *Вопр. истории.* – 1998. – № 6. – С. 76–86.
2. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. – М.: Российская полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. – 352 с.
3. Когут Е.В. Последние исследования в англоязычной медиевистике: гендерный подход // *Вестн. Омск. ун-та.* – 2013. – № 3. – С. 63–69.
4. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
5. Brooke C.N.L. *The Medieval Idea of Marriage.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 352 p.
6. История женщин на Западе: в 5 т. Т. 2: Молчание Средних веков / под ред. К. Клапиш-Зубер. – СПб.: Алетейя, 2009. – 511 с.
7. Бессмертный, Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
8. Бессмертный Ю.Л. Рыцарское счастье – рыцарское несчастье: Западная Европа, XII–XIII вв. // *В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени / под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле.* – М.: ИВИ РАН Москва, 2003. – С. 51–87.
9. Буланакова М.А. Представление о материнстве в стюартовском обществе и повседневный опыт английских аристократок // *Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы.* – 2010. – №.12. – С. 455–468.

10. Gender and difference in Middle ages / ed. by Sh. Farmer, C.B. Pasternack. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. – 208 p.
11. Gendering the Middle Ages / ed. by P. Stafford, A.B. Mulder-Bakker. – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2002. – 252 p.
12. Saints, scholars, and politicians: gender as a tool in medieval studies: Festschrift in honor of Anneke Mulder-Bakker on the occasion of her sixty-fifth birthday / ed. by M. v. Dijk, R. Nip. – Turnhout: Brepols (Turnhout), 2005. – 261 p.
13. McLaughlin M. Sex, gender and Episcopal authority in an age of reform, 1000–1122. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 288 p.
14. Writing Gender and Genre in Medieval Literature: Approaches to Old and Middle English Texts / ed. by E. Treharne. – Cambridge: Brewer, 2002. – 148 p.
15. Brozyna M.A. Gender and sexuality in the Middle Ages: a medieval source documents reader. – London: McFarland & Co., 2005. – 316 p.
16. Women and gender in medieval Europe / ed. by M. Schaus. – New York: Routledge, 2015. – 944 p.
17. Арнаутова Ю.Е. Размышления медиевиста о новом «образе Средневековья» // Новое прошлое. – 2016. – № 1. – С. 26–36.
18. Арнаутова Ю.Е. Социальная идентичность средневекового человека // Формы идентичности в мемория социальных групп / отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. – М.: Наука, 2007. – С. 70–87.

References

1. Pushkareva N.L. *Gendernye issledovanija: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy* [Gender studies: birth, formation, methods and perspectives] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 1998. № 6. S. 76–86.
2. Repina L.P. *Zhenshhiny i muzhchiny v istorii: Novaja kartina evropejskogo proshlogo. Oчерki. Hrestomatija* [Women and men in history: The new picture of the European past. Essays. Chrestomathy]. – М.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJN), 2002. 352 s.
3. Kogut E.V. *Poslednie issledovanija v anglojazыchnoj medivistike: gendernyj podhod* [The last researches in English-language medieval studies: gender approach] // *Vestnik Omskogo universiteta* [The messenger of Omsk University]. 2013. № 3. S. 63–69.
4. *Aristotel'. Sochinenija: V 4 t. T. 4.* [Compositions: In 4 vols. Vol. 4]. – М.: Mysl', 1983. 830 s.
5. Brooke C.N.L. *The Medieval Idea of Marriage.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 352 p.
6. *Istorija zhenshhin na Zapade: v 5 t. T.2: Molchanie Srednih vekov* [Women history on the West: in 5 vols. Vol. 2: Silence of Medieval]. / *pod red. K. Klapish-Zuber* [ed. by K. Klapish-Zuber]. – SPb.: Aletejja. 2009. 511 s.
7. Bessmertnyj, J.L. *Zhizn' i smert' v srednie veka: Oчерki demograficheskoj istorii Francii* [Life and death in the middle ages: Esseys of demographical history of France]. – М.: Nauka, 1991. 240 s.
8. Bessmertnyj, J.L. *Rycarskoe schast'e – rycarskoe neschast'e: Zapadnaja Evropa, XII – XIII vv.* [Knights' bliss – knights' disaster: The Western Europe, XII–XIII centuries] // *V svoem krugu. Individ i gruppa na Zapade i Vostoke Evropy do nachala novogo vremeni / pod red. M.A. Bojcova i O.G. Jeksle* [In their own circle. Individual ad group at the West and East of Europe prior to Modern times / ed. by M.A. Bojcova and O.G. Jeksle]. – М.: IVI RAN Moskva, 2003. S. 51–87.
9. Bulanakova M.A. *Predstavlenie o materinstve v stjuartovskom obshhestve i povsednevnyj opyt anglijskih aristokratok* [Ideas about motherhood in Stuart society and

- everyday experiences of English noblewomen]. // *Chelovek. Priroda. Obshchestvo. Aktual'nye problemy* [Human. Nature. Society. Actual problems]. 2010. №12. С. 455–468.
10. *Gender and difference in Middle ages* / ed. by Sh. Farmer, C.B. Pasternack. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. 208 p.
11. *Gendering the Middle Ages* / ed. by P. Stafford, A.B. Mulder-Bakker. – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2002. 252 p.
12. *Saints, scholars, and politicians: gender as a tool in medieval studies: Festschrift in honor of Anneke Mulder-Bakker on the occasion of her sixty-fifth birthday* / ed. by M. v. Dijk, R. Nip. – Turnhout: Brepols (Turnhout), 2005. 261 p.
13. McLaughlin M. *Sex, gender and Episcopal authority in an age of reform, 1000-1122*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 288 p.
14. *Writing Gender and Genre in Medieval Literature: Approaches to Old and Middle English Texts* / ed. by E. Treharne. – Cambridge: Brewer, 2002. 148 p.
15. Brozyna M. A. *Gender and sexuality in the Middle Ages: a medieval source documents reader*. – London: McFarland & Co., 2005. 316 p.
16. *Women and gender in medieval Europe* / ed. by M. Schaus. – New York: Routledge, 2015. 944 p.
17. Arnautova J.E. *Razmyshlenija medievista o novom «obrazе Srednevekov'ja»* [Considerations of medievalist about the new «image of Medieval»] // *Novoe proshloe* [The new past]. – 2016. – №1. – S. 26–36.
18. Arnautova J.E. *Social'naja identichnost' srednevekovogo cheloveka* [Social identity of medieval human] // *Formy identichnosti v memoria social'nyh grupp / otv. red. A.A. Svanidze, P.J. Uvarov* [The forms of identity in memoria of social groups / resp. ed. A.A. Svanidze, P.J. Uvarov]. – M.: Nauka, 2007. – S. 70–87.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94-057.36(47+57)

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

В.В. Каминский

Они создавали Красную армию: Леонид Лаврович Ключев и его вполне успешная судьба

Выпускник самого престижного военно-учебного заведения как царской, так и советской России – Академии Генерального штаба, Генштаба подполковник Леонид Лаврович Ключев вполне может считаться одним из создателей «несокрушимой и легендарной» Красной армии на «местах». Начав с мая 1918 г. службу при Нижегородском военкомате с должности помощника губернского военрука, Л. Ключев прямым или косвенным образом содействовал превращению Ярославского военного округа (далее – ЯВО) в «житницу» сразу двух главных фронтов Красной армии периода Гражданской войны (1918–1920) – Восточного и Южного.

В то же время служба в ЯВО стала для героя настоящей статьи неким «трамплином» для дальнейшего карьерного продвижения в рядах РККА. Будучи командирован на исходе осени на Южный фронт, Л. Ключев прошел славный путь от начальника опер-разведотдела штаба Южфронта до командующего армией (10-й) и далее до начальника штаба самого известного соединения периода Гражданской войны начала прошлого столетия – Первой конной армии. Военно-профессиональное искусство Л. Ключева заслужило высокую оценку как у «белых», так и у «красных» военачальников.

По окончании Гражданской войны Леонид Лаврович служил в той же РККА, преимущественно по военно-учебной части.

Примечательность его судьбы заключается еще и в том, что он не был каким-либо образом репрессирован во время сталинско-ежовского террора в отношении комсостава РККА.

Ключевые слова: «генштабист», кавалерия, армия, военный округ.

V.V. Kaminskii

They created the Red Army: Leonid Lavrovich Klyuev and his quite successful fate

A graduate of the most prestigious military educational institution of both tsarist and Soviet Russia – the Academy of the General Staff, General staff Lieutenant Colonel Leonid Klyuev may well be considered one of the creators of the "indestructible and legendary" Red Army in the "field". Starting in May 1918, the service at the Nizhny Novgorod military enlistment office with the post of assistant provincial military leader, L. Klyuev, thus, directly or indirectly contributed to the transformation of the Yaroslavl

military district (hereinafter – YaVO) in the "breadbasket" for the two main fronts of the Red Army during the Civil war (1918–1920) – Eastern and Southern.

At the same time, the service in YaVO became for the hero of this article a kind of "springboard" for further career advancement in the ranks of the Red Army. Being sent at the end of autumn to the Southern front, L. Klyuev passed a glorious way from the chief of operational-intelligence staff of the Southern front up to the commander of the army (10th) and later to the chief of staff of the known compounds of the Civil war period of the last century – the First cavalry army. Military-professional art of L. Klyuev has earned a high assessment both at "white", and at "red" military commanders.

At the end of the civil war, Leonid Lavrovich served in the same Red Army, mainly in the military training unit.

The remarkable thing about his fate lies in the fact that he was not in any way repressed during the Stalinist-Yezhov terror against the Commanders of the Red Army.

Key words: "General staff", cavalry, army, military district.

Леонид Лаврович Ключев¹ родился 4 августа 1880 г. в крестьянской семье. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. [1; 2, с. 337; 3, л. 258], хотя сложно понять, находился ли он в это время уже в офицерском звании или нет. Однако известно, что на 1 января 1909 г. герой настоящей статьи уже был поручиком 149-го пех. Черноморского полка, расквартированного на указанный срок в г. Владимир-Волыньске [2, с. 337], и, следовательно, предварительно он получил военное образование, окончив одно из военных училищ Русской императорской армии (далее – РИА).

В 1914 г. Леонид Ключев окончил два класса самого престижного военно-учебного заведения Российской империи – Николаевской Академии Генерального штаба (далее – АГШ), а 22 декабря 1915 г. был причислен к Генштабу [4, с. 144; 5, л. 33, 34 об; 6, л. 20 об; 7, л. 49; 8, л. 380; 9, л. 354]². После объявления мобилизации по случаю начала Первой мировой войны Л. Ключев был откомандирован из академии в свою часть. Леонид Лаврович принял участие в войне, продвигаясь одновременно и по службе: на 14 июля 1916 г. он служил штабс-капитаном того же 149-го пех. Черноморского полка.

К 1916 г. в РИА нехватка офицеров с академическим образованием стала очевидной³ и Высочайшим приказом от 14 июля с.г. Л. Ключев был произведен в капитаны с назначением обер-офицером для пору-

¹ Другой вариант отчества: Лаврентьевич [2, с. 337]; третий вариант отчества: Лавреинович [3, л. 258].

² Поскольку Л. Ключев к 18 июля 1914 г. дополнительный курс АГШ не прошел, он и не был включен в последний предвоенный список Генштаба РИА, составленный как раз на этот последний срок [10, с. V–XX, 1–779].

³ Неслучайно 30 октября 1916 г. российский император Николай II подписал приказ о последовательном открытии в стенах АГШ трех очередей ускоренных академических курсов с тем, чтобы пополнить существенно поредевший в боях Корпус русского Генштаба [11].

чений при штабе 5-го арм. корпуса; это была его первая должность, которую он занимал в системе Генштаба. На 15 августа – 24 сентября 1916 г. Леонид Лаврович пребывал в том же чине и должности [12, с. 10; 13, с. 17; 14, с. 18]. Высочайшим приказом от 24 сентября 1916 г. он был назначен старшим адъютантом штаба 5-го армейского корпуса; на 22 марта 1917 г. – в той же должности [14, с. 18; 4, с. 144; 15]; с 27 сентября 1917 г. – и. д. штаб-офицера для поручений при штабе того же корпуса; на указ. срок – капитан [16].

Последней служебной занятостью героя нашей статьи в «добольшевистской» армии стало исполнение должности начальника штаба 10-й пех. дивизии¹ [17, л. 66], а последним чином – подполковник [7, л. 49; 9, л. 354; 5, л. 12 об, 33, 34 об; 6, л. 20 об.]. В этот чин Л. Ключев был произведен в 1917 г.

А далее можно по праву сказать, что Леонид Лаврович Ключев волею судеб оказался у самых истоков образования Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА), причем именно ее «местного» военно-административного аппарата.

Службу в РККА Л. Ключев начал с марта 1918 г., а уже с мая с.г. он состоял в должности помощника военрука Нижегородского губернского военкомата [1]; на 1 июня 1918 г. – также и зав. учебно-мобилизационным отделом того же губвоенкомата [17, л. 66]; наконец, на 15 июня – 30 сентября 1918 г. Л. Ключев служил помощником военрука Нижегородского губвоенкомата [3, л. 258; 8, л. 380, 510]. Здесь же, при Нижегородском губвоенкомате, на 1 июня 1918 г. Леонид Лаврович и проживал [17, л. 66].

Иными словами, герой настоящей статьи значительную часть 1918 г. провел на службе в учреждениях одного из крупнейших и «густонаселенных» выпускниками АГШ военном округе – Ярославском (далее – ЯВО)². Значение этого округа для Красной армии периода Гражданской войны начала пошлого столетия трудно переоценить. Специфика его деятельности заключалась в том, что ЯВО снабжал войсками, военным оборудованием и командными кадрами (в т.ч. и «персонами Генштаба») сразу два главных фронта гражданской войны – Восточный и Южный.

А потому остановимся на деятельности этого округа несколько подробнее. ЯВО был образован приказом Высшего военного совета от 31 марта 1918 г. на территории Ярославской, Петроградской, Псковской, Новгородской, Костромской, Нижегородской, Владимирской и

¹ По др. данным: после октября 1917 г. – выборный командир 5-го арм. корпуса [1].

² Подробнее о выпускниках АГШ, служивших в 1918 г. в штабах и формированиях ЯВО см. в нашей статье: Kaminskii V.V. "Genshtabisty" in Service at the Headquarters of the Red Army's Yaroslavl Military District During the Civil War [18, с. 673–713].

Тверской губерний. С образованием в сентябре 1918 г. Петроградского военного округа и расформированием Беломорского военного округа в состав ЯВО вошли кроме вышеназванных также и территории Вологодской, Северо-Двинской и части Архангельской губерний. К концу 1918 г. на территории ЯВО было призвано в ряды РККА более 128 тыс. чел., в 1919 г. – свыше 161 тыс. чел. Только в октябре-ноябре 1918 г. в округе формировались три стрелковые бригады и одна стрелковая дивизия и при них шесть запасных пехотных батальонов для подготовки пополнений. В системе Всеобуча на территории ЯВО было подготовлено свыше 77 тыс. чел. [19, с. 681]. Только на срок к 30 сентября – 14/15 октября 1918 г. в штабах ЯВО служило от семи до десяти специалистов старого Генштаба [20, с. 285–286].

Служба в военно-административных учреждениях ЯВО для многих специалистов корпуса Генштаба РККА стала своеобразным карьерным трамплином в этой армии¹. Не был в этом отношении исключением и бывший подполковник Генштаба Леонид Лаврович Ключев.

К ноябрю 1918 г. Л. Ключев был командирован на Южфронт, а уже на 24–28 ноября 1918 г. он – начальник опер.-разведотдела штаба Южфронта² [21, л. 8; 7, л. 42 об. 49]; 26 декабря 1918 г. – 25 мая 1919 г. – начальник штаба 10-й армии; 26 мая – 28 декабря 1919 г. – командующий 10-й армией Южфронта (24 июня – 6 ноября 1919 г. – в указанной должности) [22, л. 18 об; 19, с. 186; 23, с. 178–180, 210, 212, 222, 225, 230–232, 314–315]. Относительно начального периода пребывания Л. Ключева в должности командующего 10-й армией сам командующий легендарной Первой конной армии С.М. Буденный в своих мемуарах дал ему следующую характеристику: «Л.Л. Ключев, будучи хорошим начальником штаба, оставшись за командующего, не смог, очевидно, по слабости своего характера проявить должной воли, настойчивости и принципиальности и других качеств, необходимых для командарма». И далее Буденный добавляет, что «члены РВС армии вмешивались в дела командующего армией и тем вредили ей».

¹ В учреждениях ЯВО в 1918 г. начинали свою службу в РККА, кроме Л. Ключева, многие видные специалисты русского и советского Генштаба, не только внесшие существенный вклад в победы Красной армии на фронтах Гражданской войны (1918–1920), но и активно участвовавшие в ее «мирном» послевоенном строительстве. Это, в частности, следующие персоны: Г.А. Армадеров, Н.Е. Варфоломеев, В.К. Гершельман, Ф.Л. Григорьев, Н.В. Громов, Р.И. Дубинин, З.И. Зайченко, А.Ф. Кадошников, Н.И. Косогоров, Д.П. Малеев, А.И. Медель, Ф.Ф. Новицкий, И.Х. Паука, В.И. Преображенский, Е.Д. Филаретов, В.В. Фрейганг, И.И. Щолоков, А.Н. Ягода и др. В справочнике автора настоящей статьи выложены более-менее подробные биографии всех вышеперечисленных персон [20, с. 475, 490, 500, 504, 505, 513, 521, 530, 545, 562, 568, 579, 587, 598, 638, 640, 655, 657].

² По др. данным: в указ. должности – с ноября 1918 г. [1].

На период не раньше мая 1919 г. относится еще одна характеристика деятельности Л. Ключева, данная тем же Буденным (в характеристике явно заметно неадекватно панегирическое отношение к «заслугам» Сталина и Ворошилова): «Вспоминая оборону Царицына в 1918 г., когда 10-й армией руководили Ворошилов и Сталин, нельзя было не задуматься о работе Реввоенсовета 10-й армии нового состава. Сам собой напрашивается вывод, что в лице Ключева, Ефремова, Сомова (последние два были комиссарами. – В.К.) Реввоенсовет не способен руководить обороной Царицына. Руководители армии оторвались от жизни своих войск, не знали, на что способны войска армии, не верили в их боевые возможности; их пугала конница белогвардейцев, они жаловались, что в их распоряжении мало кавалерии. Они как огня боялись окружения и эту боязнь оправдывали отходом 8-й и 9-й армий» [23, с. 200, 205, 207].

Так или иначе на 15 ноября 1919 г. Л. Ключев продолжал командовать 10-й армией Южфронта [9, л. 354]. Будущий командующий фронтами в период Великой Отечественной войны, а в годы Гражданской войны командир 4-й кавалерийской дивизии И.В. Тюленев, вспоминал о Л. Ключеве так: «...тихий, скромный полковник царской армии, хорошо знавший военное дело. Он принял меня приветливо, ввел в обстановку, которая к тому времени (лето 1919 г. – В.К.) была не из приятных» [24, с. 145].

По всей вероятности, С.М. Буденный несколько «сгустил краски» в своей негативной оценке Л. Ключева как строевого начальника (на лето 1919 г. как командарма – 10). Дело в том, что Л. Ключев именно летом 1919 г., когда деникинские Вооруженные силы Юга России (далее – ВСЮР) казались «красным» грозными и почти необоримыми¹), сумел оказать последним достойное сопротивление.

Оперативное искусство командующего 10-й армией Леонида Ключева в конце лета 1919 г. привлекло внимание самого главнокомандующего ВСЮР А.И. Деникина. В своих воспоминаниях последний писал: «1 августа армия Ключева (10-я армия РККА – В.К.) с многочисленной конницей Буденного на западном крыле, поддержанная Волжской флотилией..., обрушилась на кавказскую армию. Ведя непрерывные тяжелые бои, под напором сильнейшего противника, в течение 3-х недель армия вынуждена была отходить на юг, отдав Камышин, и к 23-му дошла до самого Царицына. В этот день началось решительное сражение, в котором, атакуя с севера и с нижней Волги..., противник прорвал уже было укрепленную позицию...». Лишь «...с

¹ «Красный» южный фронт к лету 1919 г. был провален, а опьяненный успехами Главком ВСЮР А.И. Деникин 3 июля 1919 г. даже подписал на радостях т. н. московскую директиву, предполагающую дальнейшее наступление на Москву. Подробнее о походе Деникина на Москву летом-осенью 1919 г. см., например, [25].

введением в бой последних резервов и атаками кубанской конницы...» генералу Врангелю удалось отбросить армию Л. Ключева: «атаки Ключева, повторенные в последующие дни, становились все слабее и постепенно замерли» (Кавказская армия «белых» – одна из частей ВСЮР; курсив наш. – В.К.) [25, с. 118].

В начале 1920 г. Леонид Лаврович на некоторое время получил своеобразную передышку от строевой службы – с января с.г. он служил в системе ГУВУЗа, заняв должность заведующего 2-ми московскими пех. курсами комсостава [1].

А далее в карьере «генштабиста» РККА Л.Л. Ключева имела место служба в самом известном кавалерийском соединении РККА периода Гражданской войны – Первой конной армии под начальством выдающегося кавалериста начала XX столетия, заслужившего прозвище «красный Мюрат» – С.М. Буденного¹.

В состав Первой конной армии С. Буденного входили следующие войсковые соединения: 1-я Кавказская дивизия (апрель 1920 г.), 2-я кав. дивизия (апрель-май 1920 г.), 4-я кав. дивизия (ноябрь 1919 г. – август 1923 г.), 6-я кав. дивизия (ноябрь 1919 г. – октябрь 1923 г.), 8-я кав. дивизия (август 1920 г.), 9-я кав. дивизия (апрель – май 1920 г.), 11-я кав. дивизия (ноябрь 1919 г. – май 1921 г.), 14-я кав. дивизия (январь 1920 г. – октябрь 1923 г.), 19-я кав. дивизия (январь – апрель 1921 г.) и кав. дивизия Г.М. Екимова (апрель – май 1920 г.).

Иными словами, в состав Первой конной армии, по крайней мере, на 1920 г. входило сразу 10 кав. дивизий! Кроме того, в оперативном подчинении командования Первой конной армии находились: 2-й конный корпус (в марте 1920 г.), а также восемь стрелковых дивизий: 9-я (декабрь 1919 г. – январь 1920 г.), 12-я (декабрь 1919 г. – февраль 1920 г.), 20-я (февраль – март 1920 г.), 24-я (июль – август 1920 г.), 34-я (февраль – март 1920 г.), 45-я (июнь – август 1920 г.), 47-я (август 1920 г.) и 50-я (февраль – март 1920 г.). В состав Первой конной армии были включены также поезда, автобронепоезда, авиагруппа [19, с. 444].

Численность Первой конной армии, по некоторым сетевым источникам, составляла приблизительно 17–19 тыс. чел. [27]. Однако эти цифровые данные представляются существенно заниженными. Уже приказом РВСР от 26 декабря 1918 г. штатная численность кав. дивизии РККА увеличивалась до 8 346 чел., а к июлю 1920 г. она же составила 9 499 чел. [19, с. 240]. Понятно, что штатная численность боевой дивизии отнюдь не всегда совпадала с реальными данными. Так, численность л/с как стрелковых, так и кавалерийских дивизий уже позднее, на август 1923 г., колебалась в пределах от 1 359 и 3 696 до

¹ Скорее популярную, нежели научную биографию С.М. Буденного, к тому же содержащую массу фактографических ошибок, см. [26].

6 240 чел. Причем известно, что численность той же 11-й кав. дивизии, входившей в состав 1-й конной армии, на тот же срок составляла 6240 чел. [28, л. 2–5, 15, 18].

Если мы возьмем теперь средний результат из представленных выше цифр, то получим в качестве средней численности л/с дивизии периода первых послевоенных лет (1920–1923) примерно 7 000 чел. Иными словами, только в составе десяти кав. дивизий численность Первой конной армии могла составлять порядка 70 000 чел.

Как бы то ни было, мы выше дали столь подробную раскладку войскового состава Первой конной армии на начало 1920-х гг. для того, чтобы читатель понял, каким мощным и разветвленным войсковым аппаратом пришлось управлять герою настоящей статьи – Л.Л. Ключеву.

Не ранее 16 июня 1920 г. Леонид Лаврович Ключев приступил к обязанностям начальника штаба 1-й конной. Вот как сам командарм Первой конной С.М. Буденный описывает назначение Л. Ключева на должность начштаба своей армии: «в разговоре по прямому проводу А.И. Егоров (судя по тексту мемуаров «красного Мюрата, указанный разговор мог состояться не позднее начала июня 1920 г. – В.К.) порекомендовал нам укрепить основной штаб Конармии и предложил на должность начальника штаба Л.Л. Ключева. У нас не было возражений против этого назначения. Мы хорошо знали Леонида Лавровича по царицынской обороне, когда он успешно руководил штабом 10-й армии. Ключев – полковник русского Генерального штаба – вступил в Красную Армию в 1918 г. Он отличался исключительным трудолюбием, скромностью и хорошо знал штабную работу» и в др. месте: «оперативная часть работы у Ключева была организована хорошо»¹ [23, с. 99, 139, 246].

На 20 июня 1920 г. – 16 февраля 1921 г. Л. Ключев продолжал занимать должность начштаба 1-й конной армии² [29]. Одновременно: на 16 февраля 1921 г. – врид командующего 1-й конной армии, после чего «вызыва[л]ся в распоряжение начальника АГШ» [31, л. 12 об.]; на 12 апреля 1921 г. – штатный руководитель практическими занятиями в АГШ [6, л. 20 об.]; на 6–29 мая 1921 г. – в распоряжении начальника ГУВУЗа для назначения на должность начальника 7-й пех. школы [5, л. 33, 34 об.]. В 1923 г. приказом РВСР № 156 Л. Ключев был награжден орденом Красного знамени как командующий 10-й армией – за бои 1919–1920 гг. [32, с. 107].

¹ В мемуары «красного Мюрата» вкралась фактическая ошибка: последним воинским чином Л. Ключева в «добольшевистской» армии был подполковник, а не полковник [1].

² По др. данным: в должности начштаба 1-й конной Л. Ключев состоял на 16 июня – 9 сентября 1920 г. [30, с. 140, 237, 245–247, 255, 257, 259, 337, 346, 348–349, 357, 376–379, 385].

После Гражданской войны Леонид Лаврович служил преподавателем Военной академии РККА (та же АГШ), затем последовательно занимал должности: начальника и комиссара Московской пех. школы, помощника начальника курсов «Выстрел», начальника отдела ГУВУЗа, начальника отдела наркомвоена. С декабря 1930 г. – на преподавательской работе в гражданских вузах [1]; на 16 января 1931 г. – снова на службе в Красной армии, врид. начальника 5-го Управления Штаба РККА [33, л. 41]; с января 1933 г. – руководитель кафедры Военно-химической академии РККА, доктор военных наук, профессор; с 28 ноября 1935 г. – комдив; с 4 июня 1940 г. – генерал-лейтенант [1]. Персональное воинское звание «комдив» получено приказом НКО за № 2488 от 28 ноября 1935 г. [34].

Биографический очерк о нашем герое будет неполным, если не сказать о его отношении к правящему в России с ноября 1917 г. режиму большевиков. О подлинном и искреннем отношении здесь утверждать, конечно, сложно, однако весьма показателен факт раннего вступления Л.Л. Ключева в ряды РКП (б) – с 1919 г. [1; 35]. Факт столь раннего вступления в ряды партии большевиков был весьма редок среди выпускников АГШ периода до 1918–1922 гг. и может свидетельствовать если не об искренних симпатиях Л. Ключева к большевизму, то уж, по крайней мере, о высокой степени его конформизма...

Другим замечательным явлением в судьбе нашего героя был тот факт, что Л.Л. Ключев принадлежал к той части командно-административного состава РККА, которую сталинско-ежовские репрессии в армии (1937–1938) обошли стороной. И эта часть была отнюдь немалой.

Леонид Лаврович Ключев скончался 29 января 1943 г. и был похоронен в Москве [1].

Список литературы

1. Картотека Лихотворика А.А. Ключев Леонид Лаврович. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1893>.
2. Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. Сост. по 1 января 1909 г. – СПб.: Воен. тип., 1909. – 1080 с.
3. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 51.
4. Список Генерального штаба (испр. по 3-е янв. с приложением изменений по 8 февр. 1917 г.). – Петроград, 1917. С. I–XXX, 1–164.
5. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916.
6. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8.
7. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97.
8. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122.
9. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191.
10. Список Генерального штаба, испр. по 1 июня 1914 г. с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г. – Петроград: Воен. тип., 1914. – 779 с.

11. Положение об ускоренной подготовке офицеров в Императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны. – Петроград, 1917. – 15 с.
12. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г. 14 июля.
13. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г. 15 августа. Дополнение к приказу.
14. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г. 24 сент.
15. Приказы армии и флоту о чинах военных. 1917 г. 22 марта.
16. Приказы армии и флоту о чинах военных. 1917 г. 27 сент.
17. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96.
18. Kaminskii V. V. "Genshtabisty" in Service at the Headquarters of the Red Army's Iaroslavl Military District During the Civil War // Journal of Slavic Military Studies. 2004. 17 (4). P. 673–713.
19. Гражданская война и военная интервенция: энцикл. / гл. ред. С.С. Хромов. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 703 с.
20. Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. – СПб.: Алетейя, 2011. – 734 с.
21. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1106.
22. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609.
23. Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1958. – 447 с.
24. Тюленев И.В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами 1941–1945 гг. – М.: Центрполиграф, 2007. – 399 с.
25. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Поход на Москву. // Белое движение: начало и конец / сост. и прим. В.А. Дурова; авт. предисл. П.Г. Горелов. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 527 с.
26. Соколов Б.В. Буденный – красный Мюрат. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 333 с.
27. Конармия. Как царский вахмистр создал главную легенду Гражданской войны. – URL: http://www.aif.ru/society/history/konarmiya_kak_carskiy_vahmistr_sozdal_glavnuyu_legendu_grazhdanskoj_voyny
28. РГВА. Ф. 25889. Оп. 2. Д. 587.
29. Кавалерия гражданской войны. Командный состав кавалерийских соединений и объединений. – URL: http://rkka.ru/cavalry/Gv/kav_gv_kom.html.
30. Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2. – М.: Воениздат, 1965. – 392 с.
31. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916.
32. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. – М.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 302 с.
33. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 464.
34. Список присвоения высших офицерских званий армии, флота и НКВД 1935–1942 гг. // Энциклопедия РККА. – URL: <http://www.rkka.ru/ihandbook.htm>
35. Хронос. Всемирная история в Интернете. Биографический указатель. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/klyuev_II.html

References

1. *Kartoteka Likhovorika A.A. Klyuev Leonid Lavrovich* [A. A. Likhovorik Card catalogue. Klyuev Leonid Lavrovich]. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1893>.
2. *Obshchii Spisok ofitserkim chinam Russkoi Imperatorskoi Armii. Sostavlen po 1 yanvarya 1909 g.* [General List of the officer ranks of Russian Imperial Army. Compiled on January 1, 1909]. – St.-Peterburg: Voen. tip., 1909. – 1080 p.

3. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (dalee – RGVA) [The Russian State Military Archive (hereinafter – RGVA)]. F. 3. Op. 1. D. 51.

4. *Spisok General'nogo Shtaba (ispravlen po 3-e yanvarya s prilozheniem izmenenii po 8 fevralya 1917 g.)* [The list of the General Staff (corrected on January 3 with amendments till February 8, 1917)]. – Petrograd, 1917. P. I–XXX, 1–164.

5. RGVA. F. 6. Op. 4. D. 916.

6. RGVA. F. 7. Op. 2. D. 8.

7. RGVA. F. 11. Op. 5. D. 97.

8. RGVA. F. 11. Op. 5. D. 122.

9. RGVA. F. 185. Op. 3. D. 1191.

10. *Spisok General'nogo Shtaba, ispravlen po 1 iyunya 1914 g. s prilozheniem izmenenii, ob"yavlennykh v Vysochaishikh prikazakh po 18 iyulya 1914 g.* [The list of the General Staff, corrected on June 1, 1914 with the amendments announced in the Highest Orders on July 18, 1914]. – Petrograd: Voennaya tipografiya, 1914. – 779 p.

11. *Polozhenie ob uskorennoi podgotovke ofitserov v Imperatorskoi Nikolaevskoi Voennoi Akademii v techenie nastoyashchei voiny* [The provision on the accelerated officers training in the Imperial Nikolaev Military Academy during the present war]. Petrograd, 1917. – 15 p.

12. *Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh* [The Highest orders on the military ranks]. 1916. July 14.

13. *Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh* [The Highest orders on the military ranks]. 1916. August 15. Addition to the order.

14. *Vysochaishie prikazy o chinakh voennykh* [The Highest orders on the military ranks]. 1916. September 24.

15. *Prikazy armii i flotu o chinakh voennykh* [Orders to the army and navy on the military ranks]. 1917. March 22.

16. *Prikazy armii i flotu o chinakh voennykh* [Orders to the army and navy on the military ranks]. 1917. September 27.

17. RGVA. F. 11. Op. 6. D. 96.

18. Kaminskii V.V. “Genshtabisty” in Service at the Headquarters of the Red Army’s Iaroslavl Military District During the Civil War // *Journal of Slavic Military Studies*. 2004. 17 (4). P. 673-713.

19. *Grazhdanskaya voina i voennaya interventsia. Entsiklopediya* [Civil war and military intervention. Encyclopedia] / Chief editor S.S. Khromov. – M.: Sov. entsikl., 1983. – 703 p.

20. Kaminskii V.V. *Vypuskniki Nikolaevskoi akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoi Armii* [Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff in the service in the Red Army]. – St.-Peterburg: Aleteiya, 2011. – 734 p.

21. RGVA. F. 6. Op. 4. D. 1106.

22. RGVA. F. 4. Op. 3. D. 1609.

23. *Budennyi S. M. Proidennyi put'* [The way passed]. Book 1. – M.: Voenizdat, 1958. – 447 p.

24. *Tyulenev I.V. Cherez tri voiny. Vospominaniya komanduyushchego Yuzhnym i Zakavkazskim frontami 1941–1945 gg.* [Through three wars. Memoirs of the Southern and Transcaucasian Fronts commander 1941–1945]. – M.: Tsentrpoligraf, 2007. – 399 p.

25. *Denikin A.I. Ocherki russkoi smuty. Pokhod na Moskvu* [Essays on Russian disturbance. Moscow Campaign] // *Beloe dvizhenie: nachalo i konets* [White movement: beginning and end] / Comp. V.A. Durov; preface by P.G. Gorelov. – M.: Mosk. rabochii, 1990. – 527 p.

26. Sokolov B.V. *Budennyi – krasnyi Myurat* [Budyonny – red Murat]. – M.: Molodaya gvardiya, 2007. – 333 p.
27. *Konarmiya. Kak tsarskii vakhmistr sozdal glavnuyu legendu grazhdanskoj voiny* [Conarmia. How the tsarist wahmister created the main legend of the Civil war]. – URL: http://www.aif.ru/society/history/konarmiya_kak_carskiy_vahmistr_sozdal_glavnuyu_legendu_grazhdanskoy_voyny.
28. RGVA. F. 25889. Op. 2. D. 587.
29. *Kavaleriya grazhdanskoj voiny. Komandnyi sostav kavaleriiskikh soedinenii i ob"edinenii* [Cavalry of the Civil War. The command staff of cavalry formations and associations]. URL: http://rkka.ru/cavalry/Gv/kav_gv_kom.html.
30. *Budennyi S.M. Proidennyi put'* [The way passed]. Book 2. – M.: Voenizdat, 1965. – 392 p.
31. RGVA. F. 6. Op. 4. D. 916.
32. *Sbornik lits, nagrazhdennykh ordenom Krasnogo Znameni i pochetyym revolyutsionnym oruzhiem* [Collection of persons awarded by the Order of the Red Banner and honorary revolutionary weapons]. – M.: Gos. voen. izd-vo, 1926. – 302 p.
33. RGVA. F. 37976. Op. 1. D. 464.
34. *Spisok prisvoeniya vysshikh ofiterskikh zvanii Armii, Flota i NKVD 1935–1942 gg.* [The list of assignment of the highest officer ranks of the Army, Navy and NKVD 1935–1942] // *Entsiklopediya RKKA* [Encyclopedia of the Red Army.]. – URL: <http://www.rkka.ru/ihandbook.htm>
35. *Khronos. Vsemirnaya istoriya v Internete. Biograficheskii ukazatel'* [Chronos. World History in the Internet. Biographical Index]. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/klyuev_II.html

С.С. Войтиков

**Наталья Ивановна Басовская
(21 мая 1941 г. – 24 мая 2019 г.)**

В настоящей статье рассказывается о замечательном специалисте по истории Средних веков, видном деятеле отечественной науки, крупном популяризаторе истории Натальи Ивановне Басовской. Статья основана на рассказах о ней и о той атмосфере, в которой сформировалась и которую формировала её кипучая, деятельная натура. Общение Натальи Ивановны с аудиторией некоторые сравнивали с театральным действием, называя его «театром одного историка». «Я "дитя Октября" – мама из дворян, папа из подмосковных крестьян», – говорила Н.И. Басовская. От своего отца – полковника Красной Армии, ветерана Великой Отечественной войны – она унаследовала невероятное упорство, абсолютный патриотизм и огромное чувство юмора. От мамы – удивительное чувство такта, умение окружить вниманием каждого гостя в их доме. Многие запомнили Наталью Ивановну как яркого полемиста, пламенного борца за гуманитарное знание в нашей стране.

Ключевые слова: Н.И. Басовская, М.А. Варш, А.Г. Бокщанин, М.А. Куренкова, И.Ф. Куренков, А.А. Сванидзе, С.Д. Сказкин, Л.В. Цукасова, меди-
евистика.

S.S. Voytikov

**Natalia Ivanovna Basovskaya
(May 21, 1941 – May 24, 2019)**

This article describes a remarkable specialist in the history of the Middle Ages, a prominent figure in Russian science and a major popularizer of history – Natalia Ivanovna Basovskaya. The article is based on stories about her and the atmosphere in which her active nature was formed and which formed her. Some compared Natalia Ivanovna's communication with the audience with dramatic action, calling it «the theater of one historian». «I am the October Revolution's child: my mother is from the nobles, my father is from the peasants» – said N.I. Basovskaya. She inherited from her father, Red Army's colonel, veteran of the Great Patriotic War incredible tenacity, absolute patriotism and a great sense of humor. From her mother she inherited an amazing sense of tact, the ability to surround each guest in their house with attention. Lots of people remembered Natalia Ivanovna as a bright polemicist, an ardent fighter for humanitarian knowledge in Russia.

Key words: N.I. Basovskaya, M.A. Varsh, A.G. Bokshchanin, M.A. Kurenkova, I.F. Kurenkov, A.A. Svanidze, S.D. Skazkin, L.V. Tsukasova, Medieval studies.

Наталия Ивановна была замечательной женщиной, о которой менее всего хочется писать «некролог»: более жизнелюбивого, твердого и целеустремленного человека, щедро делившегося с окружающими собственным зарядом оптимизма, трудно себе представить. Поэтому здесь основанная на её рассказах статья о ней и о той атмосфере, в которой сформировалась и которую формировала её кипучая, деятельная натура. Ученики и друзья Наталии Ивановны рассеяны по всему миру. Её как преподавателя с теплотой вспоминают не только российские, но и иностранные учёные. Она обладала редким умением дружить с людьми.

Наибольшее влияние на дальнейшую судьбу Н.И. Басовской оказала её бабушка – Мария Алексеевна Варш. Дедом Наталии Ивановны по женской линии был обрусевший поляк Адам Францевич Варш, нотариус. «Я жила при трёх императорах, – рассказывала Мария Алексеевна Наталии Ивановне. – Император Николай [II] мне не понравился. Меня представили ему как первую ученицу. Глаза у него были, видишь ли, такие холодные...» «На этом, – поясняла самая Наталия Ивановна, – её классовый подход и заканчивался...» [1]. «Я все думала: какая странная фамилия, – рассказывала Наталия Ивановна. – Ибо это были такие годы, едва-едва послевоенные, когда "странное" происхождение тщательно скрывалось. Только в хрущевский период я узнала, почему у мамы такое странное отчество и кто такой мой дед, Адам Варш» [1]; «Мой дед был из обрусевших дворян-поляков. Это был брак между католиком и православной. Некие Варши, по легенде, основали Варшаву – видимо, мы. Бабушка была тоже из дворян, но всегда подчеркивала, что дворянство жалованное. Дед был юристом, успешным [нотариусом]. Бабушка окончила Екатерининский институт благородных девиц. Я считала, что все бабушки такие. Она мне на ночь рассказывала жизнь римских императоров. Увлекательно. Или читала "Воздушный корабль" Лермонтова. Как я сочувствовала этому императору: "Соратников громко он кличет. / И маршалов грозно зовёт". Вот это заложенное изначально – интерес к прошлому, к истории, к античной, а потом ко всякой истории, – конечно, сказалось впоследствии» [2].

Н.И. Басовская констатировала: «Я "дитя Октября" – мама из дворян, папа из подмосковных крестьян. Без Октябрьской революции мои родители никогда бы не встретились и не полюбили бы так, чтобы несколько десятилетий их совместной жизни не стали бы счастьем для меня и моей младшей сестры» [1]. Наталия Ивановна любила рассказывать о первом свидании родителей: папа пригласил маму в театр, а в антракте стремительно куда-то умчался. Как оказалось, вовсе не по той причине, что заподозрила Мария Адамовна, а для того, чтобы купить ей коробку шоколадных конфет.

Отец Наталии Ивановны – офицер Красной армии, участник Великой Отечественной войны Иван Фёдорович Куренков. Каждый год в любимый праздник – 9 мая – Н.И. Басовская дарила отцу свои любимые цветы – красные гвоздики. Иван Фёдорович родился 1 мая, однако отмечал свой день рождения одновременно с Днём Победы, словно в этот день он родился во второй раз.

Мама Наталии Ивановны – агроном Мария Адамовна Куренкова (Варш) (1909–2011), 28 июня 2009 г. отпраздновала 100-летний юбилей. Эта чудесная женщина могла создать прочный семейный тыл буквально из ничего. Обладая удивительным чувством такта, Мария Адамовна окружала силовым полем своего внимания каждого, кто приходил в их дом. Мария Адамовна «...давала частные уроки, выбивалась как могла, но она считалась социально неблагонадёжным элементом. Брак с моим отцом её защитил от возможности преследования» [3] со стороны «компетентных органов».

Ивана Фёдоровича после женитьбы попытались «проработать»: предложили ему, перспективному офицеру Красной армии, развестись со своей женой из бывших, так сказать, ликвидировать «изъян» в анкете. Иван Фёдорович «...незадолго перед смертью маме рассказал: "Меня, – говорит, – Маруся, тогда вызывали, – всех Марий звали "Маруся", – вызывали к начальству, и начальник сказал: Ваня, ты хороший офицер, у тебя прекрасное крестьянское происхождение, но ты совершил ошибку: женился на социально чуждом элементе. У нас очень гуманная власть – развод легкий". – Что же ты ответил? – Я ответил: "Я подумаю". – И? – И с тех пор все годы думал: "Какое счастье, что я на тебе женился"» [3]. Правда, за это с ним поквитались по-советски: так и не позволили получить высшее военное образование, каждый раз находили предлог для откомандирования из высшего военно-учебного заведения.

Иван Фёдорович и его семья встретили Великую Отечественную войну в Москве. Некоторое время он служил под Горьким, где формировались части для отправки на фронт. Затем убыл под Ленинград – на защиту Отечества. Как и многие фронтовики, И.Ф. Куренков не любил говорить о войне в целом и своих заслугах в частности. Ограничивался скупым упоминанием фактов своей военной биографии: был под Сталинградом, участвовал в Курской битве, а в конце войны, в составе Первого Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И.С. Конева – в освобождении Праги. Иван Фёдорович начал войну лейтенантом, а закончил полковником. Его отличали невероятное упорство, абсолютный патриотизм и огромное чувство юмора. Иван Фёдорович до конца своих дней оставался верным сталинцем, каковых было великое множество – из числа тех крестьянских ребят, которым Октябрьская революция дала всё. «Я не всё знала, – рассказывала Наталия Ивановна, – но вот, например, помню. "Ваня, –

говорит мама, – конечно, Сталин великий человек, но согласись, когда пишут “Отец всех народов” – да как-то неприлично”. Он говорил: “Маруся! Маруся! Не надо при ребенке!”. Они не ругались, они не сталкивались лбами, они искали пути сближения. Помню их споры о поэзии. Папа, конечно, говорит: “Маяковский – лучший поэт. Сталин сказал – все”. Она говорит: “Ваня, ну, Есенин же – это певец русской природы”. Вместо того, чтобы разругаться, [делают “логичный” вывод]: “Но Пушкин лучше всех”» [3].

Несмотря на то, что у Ивана Фёдоровича вся грудь была в орденах, человеком он оставался скромным, о своих фронтовых подвигах рассказывал нечасто. До глубокой старости сохраняя голос, полковник исполнял в кругу семьи казачьи (украинские, кубанские) песни, большим поклонником которых он был. Этим песням он обучил несколько поколений гостей их семьи. После войны Иван Фёдорович служил в Германии, Венгрии и на Западной Украине. Генеральскую звезду И.Ф. Куренкову не дали, несмотря на генеральскую должность на момент окончания Великой Отечественной войны (он уже почти год был заместителем командира корпуса по политчасти).

Родители Наталии Ивановны, прожившие долгую жизнь, до самого конца с большой нежностью относились друг к другу.

В школьные годы у Наталии Ивановны были две учительницы истории, оказавшие на неё серьезное влияние. Первая – А.А. Сванидзе: «В школьные годы, в 5-м классе, произошла одна значительная встреча в моей жизни. К нам, тогда еще в женскую школу, пришла молодая учительница – Ада Анатольевна Сванидзе [...], мама известного историка и журналиста Николая Карловича Сванидзе. С ней я дружу по сей день и уважаю ее как историка и как совершенно дивного человека. Итак, приходит Ада Анатольевна Сванидзе преподавать историю в 5 классе. Сверкающие глаза – как искры, красивая, что для детей очень важно. Полюбили ее все. Она нам преподавала Древний мир. И группа девочек во главе со мной – мы превратились в аргонатов. Сделали себе золотое руно из какой-то коробочки золотого цвета. Наши задние парты стали кораблем Арга. Мы плыли, раскачивая парты. Заканчивалось это иногда плохо: там были чернильницы встроенные, и из них текли чернильные ручейки. И попадало же нам от учителей! Ада Анатольевна преподавала у нас всего один год. Потом мы с ней встретились, когда я была уже студенткой университета» [2]. Только спустя многие годы Наталия Ивановна узнала, что А.А. Сванидзе дальнейшее преподавание в школе запретили [1].

Вторая учительница истории – Л.И. Караулова: «Советскую историю в 9–10 классах нам преподавала Лидия Ивановна Караулова, которая страстно любила историю и умела эту любовь передать. А еще мы с одной подругой занимались тем, что сегодня назвали бы моделированием. Напичканные строгой марксистской схемой, очень со-

блзнительной схемой исторического процесса, – всё ясно, всё четко, всё объяснено, – мы пытались представить, что было бы, если бы победило восстание Степана Разина или Емельяна Пугачева. Что было бы? Помню один главный наш тезис: мы бы начали стремительно развивать капитализм, чтобы по марксистской схеме скорее созрели условия для социалистической революции. Вот такая набитая схемами голова в сочетании с романтической любовью к героям прошлого» [2].

В школьные годы Наталия Ивановна пробовала свои силы в актёрском искусстве: в кружке художественного слова при Доме комсомольца и школьника на Покровке [4]. Младшая сестра Н.И. Басовской, замечательный преподаватель географии, палеогеограф Елена Ивановна Куренкова, рассказывала о том, что на неё опыты старшей сестры производили сильное впечатление – на Гоголевском вечере Наталия Ивановна играла даму просто приятную из «Мёртвых душ» и Параску из «Сорочинской ярмарки». «Мне казалось, – сказала Елена Ивановна, – я актёров лучше не видела» [5]. Очень большую роль в жизни Наталии Ивановны сыграла её педагог в этом кружке. В Доме комсомольца и школьника «...был замечательный преподаватель Щепкинского училища – Людмила Викторовна Цукасова. Она учила нас слову – учила говорить по-русски. Я увлекалась...» [4]. Людмила Викторовна выстраивала отношения со своими учениками так же, как впоследствии это будет делать Наталия Ивановна. Из учеников они постепенно выросли в друзей и коллег (в друзей, если кто-то по тем или иным причинам уходил из профессии).

По окончании школы Наталия Ивановна колебалась, идти ей в актрисы или в историки. На вопрос, «почему актриса Наталия Басовская не победила историка Наталию Басовскую» [5], историк ответила: «Ой, я так счастлива, что этого не произошло. Мысль о том, чтобы пойти в театральное, была, но [...] Людмила Викторовна [Цукасова] сказала мне: «Не надо. Иди лучше в науку. Театр – это такой тяжелый мир, а преподавая, ты можешь быть немного и актрисой» [4]. Впоследствии журналист Дмитрий Кириллов спросил Н.И. Басовскую: «Ваше общение с аудиторией некоторые сравнивают с театральным действием. Говорят: "Театр одного историка". Обидно?» [3] Наталия Ивановна ответила: «Совершенно не обижает. [...] Дело в том, что театр – тоже прекрасный способ воздействовать на людей» [3]. И пояснила: «История это бесконечная драматургия. Как это [тонко] чувствовал Шекспир!» [3].

Когда маму спрашивали, куда её дочь намерена поступать, и она отвечала, что на истфак, говорили в ответ: «Надо же, а так хорошо училась...» Марию Адамовну уверяли, что на истфаках готовят председателей колхозов. «Не знаю, какой бы из меня вышел председатель колхоза (хотя я бы постаралась, – заверила Н.И. Басовская аудиторию

телеканала «Культура»), но меня взяли в аспирантуру. И всю жизнь история остается источником моего наслаждения» [1].

Наталия Ивановна окончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1963 г., с отличием), специальность – зарубежная история, специализировалась по кафедре истории средних веков; аспирантура того же факультета. Училась у академика С.Д. Сказкина и известного советского медиевиста профессора Е.В. Гутновой, которая была научным руководителем при подготовке её диссертации. Из своих преподавателей она особенно любила рассказывать о двоих. Прежде всего о С.Д. Сказкине, который в заграничной командировке отвечал на вопросы иностранным учёным на их родных языках, а отстав от советской делегации в Италии, спросил, как пройти в консульство, на классической латыни. Итальянец ответил: «На руках отнесу, только зайди со мной в тратторию». В траттории он радостно закричал: «Этот человек говорит на латыни!». И о А.Г. Бокщанине – по её определению, «лекторе от Бога», с классической древнеримской стрижкой. Когда на одной лекции Анатолий Георгиевич рассказывал о ходе битвы при Каннах и с размаху раскрошил о доску мел так, что его обсыпало, словно пудрой, не рассмеялся ни один студент – из почтения к историку, полностью погружённому в изучаемую им эпоху.

В 1969 г. Н.И. Басовская защитила кандидатскую диссертацию «Английская политика в Гаскони в конце XIII – начале XIV в.» С тех пор тема англо-французского противостояния оказалась в центре научных интересов Н.И. Басовской, нашла отражение в её многочисленных публикациях.

Наталия Ивановна рассказала впоследствии: «Я поступала на истфак МГУ с очевидным желанием заниматься русской историей, меня привлекал XVII век, Смутное время, которое тогда было мало исследовано. Но я сразу ощутила идеологический напор: в учебниках все ответы уже были. Лет двадцать назад в академическом институте я была на довольно спорной защите докторской на тему из нашей истории. И там выступил представитель старшего поколения: "Зачем было избирать эту тему? Я про неё всё написал, всё исследовал". Поэтому у меня ориентир был такой – подальше. Я хорошо владела английским, поэтому выбрала Англию. Дипломную работу писала по Англии. А Средневековье – потому, что отползала подальше от идеологически понимаемой "актуальности"» [6].

Само собой разумеется, медиевистика стала «браком по любви». Наталия Ивановна была убеждена, что «Средние века – это ключ к пониманию современной Западной Европы и мира в целом».

Самая «идеологически понимаемая "актуальность"», как водится, была на кафедре истории КПСС, которую у них на курсе называли не иначе, как Дубовой рощей. С этой кафедрой связана по-своему уни-

кальная в биографии Наталии Ивановны история. На вступительном экзамене в аспирантуру МГУ Н.И. Басовская «оттарабанила» необходимый сакральный в марксистско-ленинском учении текст («а там нельзя было не тарабанить») и получила оценку «хорошо». Е.В. Гутнова, которая с вопросами относительно своих учеников не подходила ни к кому и никогда, на этот раз всё же сделала исключение. И получила в ответ: «Не было полета». Летать в данном конкретном случае действительно было сложно. Добавим о Дубовой роще: её аналогу – Кафедре чёрных полковников – с присущими этим кафедрам косностью, ортодоксальностью и конъюнктурностью Наталия Ивановна будет противостоять уже в качестве преподавателя Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ). Правда, об этих стычках она в интервью не рассказывала. Соответствующими воспоминаниями делились впоследствии ученики Наталии Ивановны.

С большим чувством юмора Наталия Ивановна рассказывала о начале своей исследовательской работы: «Первое впечатление от работы в библиотеке: хочется спать, причем безумно. Пока работаешь. Выходишь из библиотеки – спать уже не хочется. Мистика. Второе – страшно хочется есть. Притом что в читальных залах публичных библиотек всегда были демонстративно гадкие буфеты: чтобы не отвлекались. Сначала никакого счастья. Мучительное чувство борьбы со сном и голодом. [...] Борьба с собой, преодоление физических слабостей – и вот начинается... И приведу конкретный пример. Читаю хроники XV века. Это была работа над темой моей уже докторской диссертации, и я вдруг понимаю, что я сделала своё маленькое, но восхитившее меня открытие. 1415 год. Битва при Азенкуре. Генрих V из династии Ланкастеров в очередной раз наголову разбил французов. Описано во всех монографиях и хрониках, что шёл дождь и стрелы генуэзских лучников не долетали до английских рядов. А английские лучники разили наповал медленно наступавших по рыхлому, мокрому полю французов. Возникал вопрос: почему у одних долетали, а у других не долетали? [...] И вот очередная хроника, и я узнаю: когда начался ливень, английские лучники, а это были зажиточные английские крестьяне, сняли тетиву с луков и положили ее на головы под шлемы. Ливень прошел, тетива была сухая, и они ее снова натянули. А у генуэзских наемников, которые были на стороне французов (это же наемники, им только заплати), тетива намокла, и стрелы не долетали. Какая прелесть!» [1].

Наталия Ивановна пошла по пути, отличному от того, что «избрала» советская медиевистика. Гораздо позднее, в конце 1980-х гг., она смогла отразить суть своих «стилистических разногласий» с советской медиевистикой, которые из смутных ощущений переросли в чёткое и обоснованное убеждение: «Гуманитарные науки отличаются интере-

сом и вниманием к человеку, его деятельности, и в первую очередь – деятельности духовной. Известно, однако, что современная научная и учебная литература по истории почти "обезлюдена". Главное место в учебниках прочно заняли "объективные предпосылки", "факторы", "процессы", "структуры", "закономерности", "исторические последствия", "типологические признаки", "системообразующие функции" и другие многочисленные категории. [...] Доводя до абсурда самую борьбу против "событийности" и "описательности", авторы пособий пришли, на мой взгляд, к другой крайности: с помощью современного учебника истории читателю невозможно представить картину жизни, ощутить аромат ушедших эпох, услышать голоса конкретных людей». И далее: «История – великая человеческая драма. И писать ее без образов действующих лиц, без реальной обстановки их действия нельзя» [7].

По мнению известных современных медиевистов, «именно поэтому на первый план в лекциях Н.И. Басовской вышли конкретные исторические персонажи – живые люди в контексте реальных судеб реальных эпох. В её научном творчестве интерес к историческому портрету, пожалуй, наиболее полно воплотился в поздней статье «Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность» (1991). Констатируя, что «знаменитый англо-французский конфликт – это грандиозная человеческая драма» [7], она обосновала выдвинутый тезис на примерах конкретных биографий королей Англии Эдуарда III и Ричарда II, а также французского монарха Карла V Мудрого. В самой подаче материала чувствуется явное влияние традиции русской историографической школы XIX в. (в частности, работ Н.И. Кареева), не получившей достаточного развития в советской медиевистике» [7]. Помимо Н.И. Кареева здесь можно назвать и его учителя – В.И. Герье, все работы которого, по словам самого Кареева, «будучи всегда литературно обработанными произведениями», отличались «широкой постановкой трактуемых предметов и идейным содержанием».

С 1971 г. Н.И. Басовская преподавала на кафедре всеобщей истории МГИАИ, читала курс лекций «Всеобщая история. Средние века», позднее спецкурс «Леопард против лилии». На вопрос, почему не истфак МГУ, Наталия Ивановна ответила с присущим ей юмором: «Близко к Красной площади. И члены Политбюро сдавали туда своих детишек для обучения – и нормальных, и ненормальных. (Смех в студии.) У меня были и такие, и такие. Почему не истфак? Попасть преподавать на истфак было очень трудно даже из аспирантуры, которая называлась – целевая для кафедры. Была очень большая конкуренция. Были люди заслуженные, те, кто уже начинал работать. Например, лаборантом человек поработал: надо его поддержать. И не нашлось места. Это не козни чьи-то, тем более, не дьявольские проски. Не нашлось места. И я какое-то время совершенно беспомощно

металась – куда деться? Попреподавала в Высшей комсомольской школе, получив огромное удовольствие. [...] Туда отбирали лучших комсомольцев. Это были не самые бездарные люди. Они с удовольствием ходили на занятия. Я им преподавала всеобщую историю [...]! Это не был вычеркнутый кусок жизни. [...] А потом появилась вакансия в этом маленьком Историко-архивном. И туда у меня данных хватило. Я была счастлива, что меня взяли. Со всем трепетом, энтузиазмом, желанием работать я начала преподавать и, конечно, появился успех: студенты ценят, когда преподаватель любит две вещи – свой предмет и студентов. А есть такие, которые любят один предмет – себя, и тогда неинтересно. А я старалась преподавать хорошо, мы очень подружились со студентами. И годы преподавания в Историко-архивном были хороши. Там я встретила прекрасных ученых архивистов – Сигурда Оттовича Шмидта, например, с которым очень подружилась, и по сей день горжусь этой дружбой, Александра Давидовича Степанского. Пусть маленький институт, но достойный» [4].

В 1988 г. Н.И. Басовская защитила докторскую диссертацию по теме «Англо-французские противоречия в международных отношениях Западной Европы второй половины XII – середины XV в.» Докторская диссертация по политической истории стала естественным продолжением кандидатской Наталии Ивановны: «...логика вела к Столетней войне. Было ясно, что это владение (Гасконь. – *С.В.*) им никогда не поделить, что за него будет битва. И эта логика вытолкала меня в политическую историю: в войну между Англией и Францией. А это уже несколько другие источники – это письма королей, [большое количество] политических актов, это мирные договоры, после каждого – новая вспышка войны. Я вижу, что мирный договор – это основа для новой войны [...]. Стало очень интересно. Я стала историком по политической истории, а это логично привело к людям. Никакая политическая история без тех, кто ею занят, просто невозможна! И я бросилась углубляться в личности своих королей, королев, которые воевали в этой войне. Абсолютно влюбилась в личность Жанны д'Арк» [4].

Не секрет, что, как правило, на спецкурсах профессора «присматривает» себе будущих учеников и коллег, поэтому многие преподаватели не особенно любят, когда на их занятиях присутствуют те студенты, которые гарантированно не будут писать под их руководством курсовые, дипломы и кандидатские. Наталия Ивановна в этом плане была редким исключением. «Я вообще с большим уважением отношусь к вольнослушателям», – подчёркивала она. В РГГУ действовало твердое правило: любой студент имеет право посещать любую лекцию или любой семинар – по собственному выбору. Судя по всему, это была позиция первоначального руководства университета и прежде всего Наталии Ивановны. К вольнослушателям не предъявлялось особых требований – в то время как с авторов курсовых и дипломных

работ, что называется, «драли по три шкуры». Н.И. Басовская была весьма строга в плане научно-квалификационных сочинений и оформления их научно-справочного аппарата. То, что не соответствовало высоким стандартам, называлось ею «эссе». Аккуратно, но не очень-то уважительно.

По справедливому замечанию А. Ефимова, основные работы Наталии Ивановны, включая обе диссертации и ключевую монографию «Столетняя война: Леопард против лилии» (2002), были посвящены Плантагенетам – династии, которая на пике своего могущества, в конце XII в., владела Англией и большей частью Франции, но к середине XV в., проиграв Столетнюю войну, лишилась почти всех своих земель на континенте, а к концу того же столетия, после Войны роз, – и английской короны. История Плантагенетов – это основной исторический материал хроник Шекспира (следует заметить, что абсолютными гениями Н.И. Басовская считала Гомера и Шекспира – двух деятелей, чьё реальное существование она всегда отстаивала, подчёркивая, что людям просто сложно поверить в чью-либо безмерную гениальность. – С.В.) [...]. Басовская никогда не увлекалась теоретизированием. [...] Она предпочитала поэтические метафоры. «Историк, – говорила она, – это жена Лотова из библейской Книги Бытия: он не может не оглянуться назад, даже если это грозит превращением в соляной столп» [8].

Однако никак нельзя согласиться со следующим утверждением А. Ефимова: «И её (Н.И. Басовской. – С.В.) книги, и бесчисленные выступления по радио и телевидению, и даже университетские лекции обычно были построены не как научные работы, а как рассказы или моноспектакли» [8]. Было фактически две Басовские. Первая, известная многим: гениальная актриса, блистательный популяризатор истории. Вторая, известная исключительно читавшим её монографии и научные статьи (именно научные издания). Монографию «Леопард против Лилии» отличает сухой, предельно отжатый, академичный стиль. Свои первые работы Наталия Ивановна написала именно по экономической истории. Первые статьи Н.И. Басовской представляли собой результат тщательных подсчетов по средневековым источникам торгового оборота на юго-западе современной Франции. Собственно, эти подсчеты давали представление об экономической подоплеке военного могущества династии Плантагенетов. Приобретенный в ходе написания экономической истории опыт был использован и при создании её докторской работы по политической истории Столетней войны. «Я с удовольствием, с наслаждением работала как чистый медиевист, писала свою кандидатскую диссертацию, посвященную исключительно английской политике на юго-западе Франции, в Гаскони, – рассказывала Наталия Ивановна. – Там было много экономики. Я подсчитывала, сколько бочек вина вывозили в Англию, где это вино

распивали, какие там были виноградники. Этот вкусный такой французский край!» [4] Наталию Ивановну Басовскую вы в её монографиях не узнаете. По-настоящему захватывающе там была написана последняя глава – по источниковедению и историографии [9, с. 362–407] (данные главы и сами по себе большая редкость, и тем более редкое явление, когда они написаны ярче и интереснее основного текста книги). Кстати, большинство учеников Наталии Ивановны – медиэвистов – отличает именно её монографический академизм, совершенно чуждый Басовской-популяризатору и Басовской-лектору. В одной из своих поздних передач Наталия Ивановна призналась, что в последнее время стала писать для всех читателей, а не только для коллег-историков: «Мои академические исследования остались в прошлом – к сожалению» [1].

Наталия Ивановна много ездила на археологические раскопки, «...не как специалист по истории, а была я там поваром. Заслуженный повар Института географии Академии наук, где работает моя сестра, Елена Ивановна, и благодаря ей я увидела этот мир. На Тамани я участвовала в раскопках вместе со своими студентами, и в духе времени нас называли “стройотряд”. Я была “командир стройотряда”. Стройотряд, в котором не строили, а раскапывали. Строили знания о прошлом. Подержать в руках то, что нам оставили предки, – это ощущение, сопоставимое с открытиями в читальном зале» [1]; «мы копали античный город Фанагория. [...] Студенты тоже были в восторге. Это одни из лучших страниц моей жизни. Уснуть невозможно было после трудового дня от радости находок» [3].

Свое «кредо историка» Наталия Ивановна сформулировала следующим образом: «Оно максимально совпадает с мыслью очень близкого мне по духу Марка Блока. Вообще Школа “Анналов”, которую современные модернисты и постмодернисты считают устаревшей, для меня не устарела. Это величайшая историческая школа, во всяком случае, в XX в. с ней ничто не сопоставимо. [...] В его (Блока. – С.В.) знаменитом труде “Апология истории” заложена простейшая мысль: если мы хотим что-то понять о прошлом, мы должны представить, что происходило в головах у людей. Я пришла к этой мысли независимо, до знакомства с книгами Марка Блока, с тем же самым ощущением – давайте поймем, что в голове у людей. Все остальное тоже очень важно, но никакого чувства прошлого без встречи с ним, без понимания того, что же думали и чувствовали реальные люди, быть не может. Когда редактор первого издания моей книжки “Столетняя война. Леопард против лилии” вынес на обложку мои же слова о том, что люди, жившие в XIV–XV веках в Европе, не знали, что они живут во время Столетней войны – это понятие было придумано в XIX веке, – я подумала: молодец! И не сразу сообразила, что это сказала я. В ходе исторического исследования ты неизбежно приходишь

к тому, что все происходило в голове человека. Все революции, например, в головах людей» [2].

Наталия Ивановна организовала при кафедре всеобщей истории МГИАИ студенческий кружок истории древности и Средневековья (КИДИС) – в качестве общественной нагрузки молодого преподавателя, обойтись без которой в советское время было нельзя. Сперва обсуждали доклады, засиживались до 11 часов вечера. Затем на лекции о Шлимане, который, с одной стороны, открыл Трою, а с другой – разрушил культурный слой [1], родилась идея «судов истории» – театрализованных обсуждений студентами судеб известных исторических персонажей. Были замечательные «суды». Во время «суда» над Александром Македонским к большому разочарованию Наталии Ивановны победила партия войны. На «суде» над Савонаролой студент – исполнитель главной роли – вошёл в историческом костюме и всех перекрестил. Это в советское время!

Суды были «духовной отдушиной для меня и моих студентов в эпоху брежневской скуки» [1]. О некоторых «судах истории» в 1991–1993 гг. были сняты документальные фильмы.

Со второй половины 1980-х и до 2006 г. Н.И. Басовская была проректором Историко-архивного института, а затем проректором созданного на его базе Российского государственного гуманитарного университета. По её словам, «...я реально участвовала в создании этого университета, образованного на базе единственного в советское время гуманитарного института» [10]. Следует заметить, что помимо собственно РГГУ Наталия Ивановна приняла самое деятельное участие в создании Российского государственного гуманитарного лицея (РГГЛ), ставшего кузницей кадров РГГУ. Она же была непосредственным куратором лицеистов, следила за их успехами в процессе обучения не только в лицее, но и потом в вузе, а нередко и за дальнейшей судьбой.

В течение нескольких лет выпускные экзамены в лицее по профильным предметам из РГГЛ были одновременно вступительными в РГГУ. Поблажек в ходе экзаменов никаких никому не делалось, права поступавших в университет со стороны не ущемлялись. Данное положение ушло в небытие по итогам введения ЕГЭ. Специально подготовленные кадры растворились в общей массе. В одном из своих интервью Н.И. Басовская констатировала: «...нынешнюю реформу образования я считаю просто трагедией. Надо помнить, что наша среда быстрому реформированию не подлежит» [2].

В 2011 г. один из выпускников РГГЛ, а затем и РГГУ на защите своей кандидатской диссертации поблагодарил Наталию Ивановну за создание лицея и выразил надежду, что данное начинание будет продолжено. После защиты Наталия Ивановна сказала ему: «Спасибо тебе. Но запомни: это начинание продолжено не будет: гуманитарии

стране (читайте – государству) не нужны!» Данное обобщение звучало в разговорах и интервью Наталии Ивановны с печальной регулярностью: «Я сказала в одном из своих интервью, что похоже на некий крестовый поход против гуманитариев. Не нужны. Век компьютеров, технологий, ай-фонов, ай-пэдов. Не нужны гуманитарии. Это когда-то было в 60-е годы: в советских газетах была такая смешная дискуссия – "нужна ли в космосе ветка сирени". Споры "физиков" и "лириков". Потом, вроде бы, до всех дошло, что у гуманитарных наук своя великая миссия человеческая. И сейчас – по новой: нам надо развивать инженерные специальности и т.д. Я была на передаче "Совершенно секретно": там по ходу передачи ролик показывают, записанный каналом, с какой-то дамой службы занятости. И эта дама классически-чиновничьего вида сетует: "Вот, историков не знаем, куда девать. Вот куда их пристроить – на них нет спросу". Они не дают стране угля, как говорили в советское время. Это рецидив очень печального явления» [10]. Н.И. Басовская говорила: «Мы бесконечно уточняем свои взгляды на историю. Политика, как обжигающий костер, напрямую влияет на оценки и взгляды. Сам процесс пересматривания, уточнения истории, абсолютно нормален» [1].

Наталия Ивановна с сожалением констатировала тот факт, что «сейчас в очередной раз интеллектуалы презираемы, не уважаемы, не ценимы большей частью общества. Потому что живут они на небольшие зарплаты. Элиты и интеллектуалы-гуманитарии никак не связаны, элитам на них наплевать. Где "Сколково" для гуманитариев? (На наш взгляд, тут точнее было бы задать вопрос «когда». И ответить прямо: когда "Сколково" станет достойным конкурентом ЦЕРНа. – С.В.) Налицо очередная недооценка гуманитарного знания, снижение уважения к высоким интеллектуальным студиям» [2]. Симптомы очевидны: «Как донести до верхов, что позорно профессора держать в черном теле? Вот у нас, в РГГУ, идут разговоры вокруг зарплат. Государство платит нам копеечные оклады, предоставив университетам "право" что-то заработать самим. В данном конкретном университете случилась временная "бескормица". Во всяком доме это может случиться, поскольку государство не ценит профессуру. Перед революцией статус профессора был более чем достойным. Сейчас же нас хотят держать на подножном корме. Причём ввели такой термин – "образовательные услуги" – и тем самым приравнивали преподавателей к парикмахерам. Я безусловно уважаю труд парикмахера, но назвать образование услугой – это проговориться по Фрейду» [2].

Многие вещи, о которых до сих пор принято говорить на кухне при включённом телевизоре, Наталия Ивановна не стеснялась произносить публично. Вообще она умудрялась сочетать тонкий женский вкус в одежде и украшениях с мужскими принципами и волей к победе. О первом она с большим чувством юмора рассказала, когда

описывала диалог с американскими коллегами. Наталия Ивановна спросила, почему они совершенно не красятся и не носят никаких украшений. И получила ответ: «Что Вы. Мы обожаем украшения. Но нужно же чем-то отличаться от афроамериканок...» К счастью, для «женщин в русских селениях» подобный «символ веры» совершенно не актуален. Радиоведущая Ксения Ларина, которая неоднократно общалась с Наталией Ивановной на «Эхе Москвы» и вела с Наталией Ивановной передачу об императоре Августе, вспоминает: «Она (Н.И. Басовская. – С.В.) приходила в редакцию неслышно, но по шлейфу тонких духов ее присутствие всегда угадывалось. Покурить сигаретку, выпить чашку кофе, обсудить последние новости, посмеяться, пошутить, принять комплимент, взглянуть в зеркало и нырнуть в студию» [11].

По словам лингвиста Максима Кронгауза, Наталия Ивановна «...была человеком огромной силы, вершителем судеб в РГГУ. Почти 20 лет проработала проректором по учебной работе. И, пожалуй, никто на моей памяти так не управлял университетом, не держал его в такой строгости и напряжённом порядке. Вместе с тем она была членом команды Афанасьева и играла по правилам, которые предлагались. Мне кажется, что уход с поста проректора в середине нулевых был для Наталии Ивановны большим ударом и одновременно огромным облегчением. Всю свою освободившуюся энергию она обратила на науку и просветительскую деятельность» [11].

Не секрет, что главный основатель университета – Юрий Афанасьев – был одним из видных деятелей эпохи перестройки. «Все великие еретики вышли из лона католической церкви, а он, великий еретик, вышел из партийных рядов, партийно-комсомольских» [4], – подчёркивала Наталия Ивановна. Яркая личность Ю.Н. Афанасьева и взгляды его команды, к которой принадлежала и Н.И. Басовская, наложили неизгладимый отпечаток и на РГГУ, и на преподавание в нём «политики, опрокинутой в прошлое». Н.И. Басовская рассказывала о перестройке, что ей и её коллегам в публичных лекциях Историко-архивного института о судьбах человечества и судьбах Родины удалось принять участие в духовном обновлении советского общества. Наталия Ивановна гордилась своим вкладом в воссоздание Народного университета А.Л. Шанявского [1]. Она прямо заявила в одном интервью: «Мы – европейцы, и школа у нас преобладает европейская. Сейчас мы ближе к здравому взгляду на историю, но признаков заболевания еще много: истерическое отношение к вопросу о Сталине, о наследии 1930-х, Второй мировой войне и роли в ней Советского Союза... Чего стоит комиссия по борьбе с фальсификацией отечественной истории! Судя по названию, зарубежную историю можно, значит, фальсифицировать. И само слово "фальсификация" – из арсенала сталинской эпохи. Поэтому говорить о различиях и сходствах школ

почти преждевременно. Но под прессом работали настоящие ученые. Назову Альберта Захаровича Манфреда. В его фундаментальном исследовании "Наполеон Бонапарт" есть предвзятости, но их легко снять, как шелуху с луковицы. Ценю работы Сергея Даниловича Сказкина о средневековом крестьянстве, хотя там тоже слишком много про классовую борьбу. У нашей исторической науки лицо пока расплывчато-устанавливающееся и излишне раздражительное, но [выздоровление] после тяжелой болезни мгновенным не бывает» [6].

Однако ни о какой политизации самого процесса обучения в МГИАИ – РГГУ при Ю.Н. Афанасьеве-ректоре и Н.И. Басовской-проректоре речи не шло: «...со времен перестройки в РГГУ твердо велась линия, и ведется сегодня, на то, что политическая деятельность студентов развивается за стенами университета. Никакой молвы, никаких сообщений СМИ, что их было очень много на Болотной, я не слышала вообще. А внутри университета развиваются всякие КВН, музыкальные вечера, и никаких политических собраний. Со времен перестройки – и у Афанасьева была эта идея, что студенчество не должно быть вовлечено в политику. Внутри университета нет никаких студенческих партий» [10]. Впрочем, внутри университета всегда учили мыслить самостоятельно.

Своим взглядам Наталия Ивановна не изменила и в нулевые, и в «десятые» годы, вполне уважительно отзываясь даже о первом и последнем Президенте СССР Михаиле Горбачеве. Одним интервьюером ей был задан весьма непростой вопрос: «Исторические события и личности всегда вызывают неоднозначные оценки. В тот день, когда в Альберт-холле мир чествовал Михаила Горбачева, живущий в Англии известный правозащитник Владимир Буковский обратился в суд с просьбой выдать ордер на арест Горбачева, обосновывая это "преступлениями", которые он совершил в бытность главой государства. Как относиться к подобному разбросу мнений и оценок?» [6]. Однако ответ был получен полный, развернутый и вполне объективный: «Когда Горбачёв сказал, что общечеловеческие ценности выше классовых, я поняла, что он – фигура историческая. Не важно, сам он к этой мысли пришел или кто-то подсказал, он представил её всему миру. Эта его фраза избавила многих людей на Западе от великого страха перед грозной Страной Советов. Потом я сама ходила протестовать против его ошибок и об этом не жалею. Возможно, когда-нибудь человечество поставит ему памятник. Буковский – из поколения диссидентов. Не могу не восхищаться их мужеством. Как не уважать, например, Валерию Ильиничну Новодворскую, с которой я давно знакома? Дважды сидела, разбрасывала листовки во Дворце съездов... При этом образованная. Письмо Буковского – это, мне кажется, проявление сгоревшей души, раздраженности и ощущения несправедливости: на щит поднят человек, сидевший так

высоко в партийной структуре и санкционировавший многие недостойные действия. Но суд Истории – кто-то, может быть, скажет, Божий – всё расставит по местам. Российскому сознанию надо уходить от позиции обиженного» [6].

Валерия Ильнична Новодворская неоднократно читала в РГГУ лекции, на которые собирались толпы молодёжи. Многие студенты были обязаны удовольствием слушать её лично именно Н.И. Басовской. Как правило «бабушка русской контрреволюции» приезжала задолго до начала своих выступлений и пила кофе в кабинете Наталии Ивановны. Счастье общения было взаимным. Умение завораживать аудиторию у обеих было абсолютным. Именно здесь уместно рассказать об одном (увы, крайне редком) замечательном качестве Наталии Ивановны – её удивительной самоиронии. Она с большим удовольствием рассказывала студентам своих поздних выпусков о молодом человеке, который на её лекциях занимался чем угодно, но только не усвоением знаний: «И вдруг я увидела, что он внимательно слушает. Ну, думаю, "Ай, Пушкин, ай да сукин сын". А потом выяснилось, что он надел друг на дружку большое количество колпачков от ручек и старается удержать получившуюся конструкцию в воздухе...»

Наталия Ивановна подчёркивала: «...историк вообще политиком быть не может (единственное исключение, как известно, Гизо. – С.В.). Вот преподавать бы политикам насильственно подробные курсы истории было бы хорошо. Не учит она. Человечество бесконечно наступает на одни и те же грабли, назвав себя соблазнительно *sapiens*. Что делает история прагматически? По-моему, ее знание, раздумье над ее уроками решительно углубляет в человеке человеческое и заостряет интеллект. Самый страшный политик тот, который никакими вопросами не задаётся. Не надо учить правителей, занятие это пустое. А вот развивать в человеке человеческое, заставить сомневаться, колебаться – это имело бы смысл» [2].

Н.И. Басовская заведовала кафедрой всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ (с 1988 г.), в том же РГГУ работала директором учебно-научного Центра визуальной антропологии и эгоистории (ЦВАЭ) и содиректором Российско-американского центра библеистики и иудаики; была членом редколлегии ежегодника «Средние века», председателем диссертационного совета РГГУ Д.212.198.07, заместителем председателя диссертационного совета РГГУ Д.212.198.03. О работе в Российско-американском центре библеистики и иудаики она рассказала: «...когда я полетела в 1991 году в Нью-Йорк подписывать соглашение о сотрудничестве с Еврейской теологической семинарией Америки, в Москве по Тверской улице (тогда еще улице Горького) шествовали националисты и антисемиты из общества "Память". Работа в Центре библеистики и иудаики меня очень увлекла, потому что появилась качественно новая возможность

расширить мой взгляд на всемирную историю. Эта работа укрепляет меня в мысли о том, что каждый народ, каждая культура внесли что-то важное, что-то уникальное в мировую цивилизацию. Для историка это школа трудного знания» [2].

Наибольшую известность Наталии Ивановне принесла, как мы уже писали, её деятельность как популяризатора истории. Начиная с 1970-х гг. она выступала в теле- и радиоэфире, в том числе два года вела радиопередачу «Радио для урока истории». По словам Наталии Ивановны, «это доставляло мне наслаждение, в этом я видела смысл – доступно и увлекательно приобщать детей к истории» [6]. Вместе с главным редактором радиостанции «Эхо Москвы» Алексеем Венедиктовым она вела историческую передачу «Не так» на этой радиостанции, а с 2006 г. также с Алексеем Венедиктовым (в очередь с Сергеем Бунтманом, а последние программы вёл Алексей Дурново) – передачу «Всё так». Наталия Ивановна писала публицистические статьи в журналы «Знание – сила» и «Родина», входила в состав редколлегии последнего издания. Сама она четко обозначила свою позицию по вопросу о том, почему о вещах сложных следует говорить простыми словами: «Я очень люблю нашу профессиональную среду. Люблю заседания редколлегии журнала "Средние века". Эти заседания увлекательны, и я чувствую себя на них очень счастливой. Но я прекрасно понимаю, что широкой публике то, что там говорится, малоинтересно и малопонятно. Это не снобизм. Разговор с широкой публикой привлекателен тем, что, как говорят в шутку, пока другому объясняешь – глядишь, и сам поймёшь. Я учусь у этой аудитории, потому что она заставляет меня о сложном сказать доступно. Я избегаю супернаучной терминологии, тем более что сейчас это стало болезненной модой. Сейчас нельзя сказать "обдумать" – обязательно надо "отрефлексировать"» [2]. И вот тут следует вспомнить историю родителей Наталии Ивановны: она с детства привыкла к абсолютному неприятию высокомерия, весьма свойственного большинству представителей нашей корпорации. Модного в РГГУ термина «дискурс» вы у Наталии Ивановны не найдёте.

Н.И. Басовская сказала в одной передаче: «...мои любимцы – это творцы, осенённые богом. Среди них номер один – Микеланджело. Вот никого выше для меня нет. Это чудо человек. Его коснулось крыло Бога!» [4]. И в той же самой передаче о Жанне д'Арк: «Она удивительная девушка. У каждого народа есть свои герои. Она героиня французского народа. Вольтер взял и оплевал ее потому, что при всем своем уме, не таком уж и великом, он обозвал ее монархисткой», а Жанна «защищала Францию, когда билась за то, чтобы у нее был законный король, потому что корона досталась английскому королю! А она хотела, чтобы на престоле был король французский. Именно в это время сложились основы национального самосознания. Меня в свое

время критиковали – нации еще нет, ибо Сталин говорил, что "нация будет, когда будет внутренний рынок" (Сталин жил в головах), а самосознание есть. Да, а самосознание есть! К нему потом прирастет рынок, а не наоборот. [...] Я делала много докладов, выступлений. Выступала во всяких дебатах. Гонениям не подвергалась. А научный спор – это даже очень хорошо» [4]. По наблюдениям политолога Алексея Макаркина Наталия Ивановна «...особенно любила Алиенору Аквитанскую – единственную женщину, последовательно бывшую королевой Франции и Англии» [11].

На наш взгляд, в последние годы Н.И. Басовскую особо занимал цикл о безумных правителях Европы, являвшийся неким продолжением «Проклятых королей» Мориса Дрюона. Во всяком случае образ короля Карла VI Безумного, регулярно ощущавшего себя хрустальным сосудом, который легко разбить, возникал в передачах Наталии Ивановны с завидной регулярностью.

Получив вопрос, каково должно быть преподавание истории в школе, Наталия Ивановна сказала: «Ответ безумно прост, но пока почти невыполним. Должны быть квалифицированные и эрудированные учителя. Пока же преобладает наследие советского сознания: выучите параграф, составьте формулу, табличку... Скука на уроках прививает неприязнь к истории как предмету. Позже многие, столкнувшись с историей всерьёз, говорят: "Ой, а это, оказывается, интересно!" Радует, что нынешние учебники гораздо лучше былых. У меня внук учится в обычной средней школе. Я посмотрела его учебник по древней истории – там появились люди, раньше были одни схемы. Достойный учебник по Средним векам. Есть прекрасная книжка Марка Ферро – "Как рассказывают историю детям в разных странах мира". Он изучил школьные учебники истории разных стран и показал: везде в изучении истории в той или иной мере присутствует предвзятый подход. Ещё важна подача материала. А когда учителям, замученным объемом часов, бесконечными отчетами, с душой предаться своему предмету?.. Вселяет надежду то, что они стали больше зарабатывать. Но когда рядом такой полюс: юные околобизнесные люди получают контрастные деньги – не пойдут молодые и талантливые работать в школу. Так наука лишилась нескольких прекрасных исследователей, а я – аспирантов: они начинают подрабатывать, получать большие деньги, и работа от зари до зари полностью высасывает мозг. Лучше было, когда подрабатывали, разгружая вагоны. Учитель закладывает основу будущего страны. Я бы тех, кто решает вопрос об их зарплатах, привела в школу. Нахождение в перевозбужденном детском поле требует восстановления сил, поэтому нагрузка должна быть меньше, а заработок – больше. Это не прекраснотушные мечты. Если человечество уцелеет, оно к этому придёт» [6].

Список литературы

1. Наталия Басовская. Линия жизни // Телеканал «Культура». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ubnyw-Rv2to> (дата обращения: 25.08.2019).
2. Юдин А. Наталия Басовская: «Менеджерам тоже нужны фараоны». – URL: <http://booknik.ru/today/faces/basovskaja/> (дата обращения: 25.08.2019).
3. Наталия Басовская: Россия живет и даже делает новые открытия, и это говорит о том, что она вырвется из всех ее проблем // Телеканал «ОТР». – URL: <https://otr-online.ru/programmy/moya-istoriya/natalya-basovskaya-28592.html> (дата обращения: 25.08.2019).
4. «Без гнева и пристрастия – нельзя!» Наталия Басовская в новом выпуске программы Леонида Велехова // Радио «Свобода». – URL: <https://www.svoboda.org/a/28994216.html> (дата обращения: 25.08.2019).
5. Наталия Басовская. Жена. История любви. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CoN7HC-jEek> (дата обращения: 25.08.2019).
6. Наталия Басовская: Мы опять ждем конца света: интервью «Новой газете» // Новая газета. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/05/05/5690-nataliya-basovskaya-my-opyat-zhdem-kontsa-sveta>; http://www.nivestnik.ru/2001_2/1.shtml (дата обращения: 31.10.2019).
7. Ауров О.В., Журавлева В.И., Шарова А.В. Наталия Ивановна Басовская: Штрихи к портрету ученого и педагога // Нов. ист. вестн. – 2001. – № 2. – С. 6–23.
8. Ефимов А. Историк не может не оглянуться. – URL: <https://nplus1.ru/blog/2019/05/25/natalia-basovskaya> (дата обращения: 25.08.2019).
9. Басовская Н.И. Столетняя война: Леопард против Лилии. – М.: АСТ, 2007. – 445 с.
10. Макарова А. «Мы не даем стране угля»: Наталия Басовская об РГГУ и участии российского гуманитария. – URL: <https://inosmi.ru/russia/20121211/203182536.html> (дата обращения: 25.08.2019).
11. Моя Наталия Басовская // Москвич Маг. – URL: <https://moskvichmag.ru/tag/moya-nataliya-basovskaya/> (дата обращения: 25.08.2019).

References

1. *Natalia Basovskaya. Linija zhizni* [Natalia Basovskaya. Lifeline] // TV Channel «Kul'tura». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ubnyw-Rv2to> (data obrashhenija: 25.08.2019).
2. *Judin A. Natalija Basovskaja: «Menedzheram tozhe nuzhny faraony»* [Natalia Basovskaya: “Managers need pharaohs too”]. – URL: <http://booknik.ru/today/faces/basovskaja/> (data obrashhenija: 25.08.2019).
3. *Natalija Basovskaja: Rossija zhivet i dazhe delaet novye otkrytija, i jeto govorit o tom, chto ona vyrvetsja iz vseh ee problem* [Natalia Basovskaya: Russia lives and even makes new discoveries, and this suggests that it will break out of all its problems] // TV Channel «OTR». – URL: <https://otr-online.ru/programmy/moya-istoriya/natalya-basovskaya-28592.html> (data obrashhenija: 25.08.2019).
4. *«Bez gneva i pristrastija – nel'zja!» Natalija Basovskaja v novom vypuske programmy Leonida Velehova* [“You can't do without anger and addiction!” Natalia Basovskaya in the new release of Leonid Velekhov's program] // Radio «Svoboda». – URL: <https://www.svoboda.org/a/28994216.html> (data obrashhenija: 25.08.2019).
5. *Natalija Basovskaja. Zhena. Istorija ljubvi* [Natalia Basovskaya. Wife. Love story]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CoN7HC-jEek> (data obrashhenija: 25.08.2019).
6. *Natalija Basovskaja: My opjat' zhdem konca sveta: Interv'ju Novoj gazete* [Natalia Basovskaya: We are again waiting for the end of the world: Interview with Novaya Gazeta] // «Novaya gazeta» [New Newspaper]. – URL:

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/05/05/5690-nataliya-basovskaya-my-opyat-zhdem-kontsa-sveta> (data obrashhenija: 25.08.2019).

7. Aurov O.V., Zhuravleva V.I., Sharova A.V. *Natalija Ivanovna Basovskaja: Shtrih k portretu uchenogo i pedagoga* [Natalia Ivanovna Basovskaya: Strokes to the portrait of a scientist and teacher] // *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. 2001. № 2. P. 6–23.

8. Efimov A. *Istoriik ne mozhet ne ogljanut'sja* [The historian cannot but look back] – URL: <https://nplus1.ru/blog/2019/05/25/natalia-basovskaya> (data obrashhenija: 25.08.2019).

9. *Basovskaja N.I. Stoletnjaja vojna: Leopard protiv Lili.* [Hundred Years War: Leopard against Lily]. – M.: AST, 2007. – 445 p.

10. Makarova A. «*My ne daem strane uglja*»: *Natalija Basovskaja ob RGGU i uchasti rossijskogo gumanitarija* [“We do not give coal to the country”: Natalia Basovskaya about the Russian State Humanitarian University and the fate of the Russian humanities]. – URL: <https://inosmi.ru/russia/20121211/203182536.html> (data obrashhenija: 25.08.2019).

11. *Moja Natalija Basovskaja* [My Natalia Basovskaya] // *Moskvich Mag* [Moskvich Mag]. – URL: <https://moskvichmag.ru/tag/moya-nataliya-basovskaya/> (data obrashhenija: 25.08.2019).

Сведения об авторах

Болокина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, Тверской государственный технический университет; e-mail: bolokinal@mail.ru

Войтиков Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, зав. сектором выявления архивных документов и подготовки документальных публикаций, Центральный государственный архив города Москвы; e-mail: svoyt@mail.ru

Галимьянова Людмила Васильевна, Ошторма-Юмьинская средняя школа Кукморского муниципального района Республики Татарстан; e-mail: galim_lyda@mail.ru

Каминский Валерий Владимирович, PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminskij.valera@yandex.com

Лисицына Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры российской и всеобщей истории, Сахалинский государственный университет; e-mail: Lisitsina1997@yandex.ru

Маркдорф Наталья Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: nmamark@mail.ru

Новиков Александр Сергеевич, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: alessandro_novarres@mail.ru

Резанов Андрей Дмитриевич, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: misterizhmyak@yandex.ru

Семёнова Ольга Александровна, младший научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru

Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: ihanipova@mail.ru

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, зав. Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: s-w-n@mail.ru

About Authors

Bolokina Lyubov Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Media technologies and Public relations, Tver State Technical University; e-mail: bolokinal@mail.ru

Galimianova Liudmila Vasilievna, MBEE «Oshtorma-Yumya Secondary School» of the Kukmor municipal district of the Republic of Tatarstan; e-mail: galim_lyda@mail.ru

Kaminskii Valery Vladimirovich, PhD of History, Independent Researcher (Ashdod, Israel); e-mail: kaminsckij.valera@yandex.com

Khanipova Ilnara Ildusovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, Sh. Mardzhani of Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; e-mail: ihanipova@mail.ru

Lisitsyna Elena Nikolaevna, PhD of History, Associate Professor, Professor of the Department Russian and world history, Sakhalin State University; e-mail: Lisitsina1997@yandex.ru

Markdorf Natal'ya Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University; e-mail: nmamark@mail.ru

Novikov Aleksandr Sergeevich, Graduate Student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: alesandro_novarres@mail.ru

Rezanov Andrei Dmitrievich, Graduate Student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: misterizhmyak@yandex.ru

Semenova Olga Aleksandrovna, Research Assistant of the Scientific and Educational Center for historical research and analysis of the Pushkin Leningrad State University; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru

Shaidurov Vladimir Nikolaevich, Doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the Scientific and Educational Center for historical research and analysis, Professor of the Department of Russian history, Pushkin Leningrad State University; e-mail: s-w-n@mail.ru

Voitikov Sergey Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Sector for identifying archival documents and preparing documentary publications, Central State Archive of Moscow; e-mail: svoyt@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владимирова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 4 (12)

На обложке размещена репродукция картины
Г. Г. Нисского «В пути», 1958–1964 гг.,
Институт русского реалистического искусства

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 17.12.2019. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Agial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1600

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10